

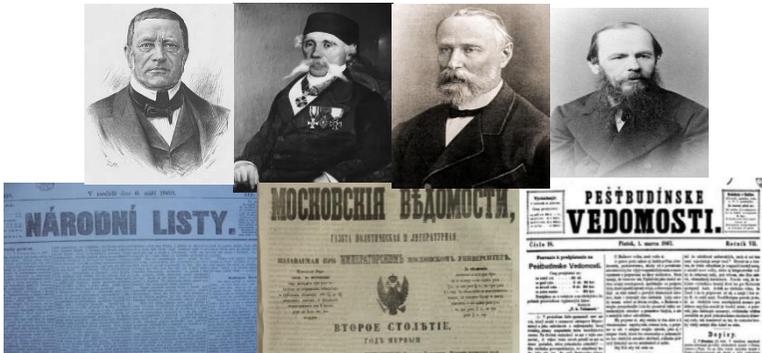
ФОНД «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»
(Москва, Россия)

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(Белград, Сербия)

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ЦЕНТР ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФИЛИАЛА РГСУ В МИНСКЕ

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863-1864 ГОДОВ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Белград – Брест - Брянск
2023

УДК 93/94 (908)
ББК 63.3(2)
П53

Ответственный редактор:

Шевченко К.В., доктор исторических наук, заведующий Центром евразийских исследований, профессор Филиала РГСУ в Минске, заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви

Рецензенты:

Милошевич Зоран, доктор социологических наук, профессор; Европейский университет в г. Брчко (Босния и Герцеговина)

Стоядинович Миша, доктор социологических наук, директор Института политических исследований в г. Белград (Сербия)

Рандин Александр, доктор философии, доцент; Университет имени Святых Кирилла и Мефодия в г. Трнава, (Словакия)

ISBN

В коллективной монографии, подготовленной белорусскими, российскими и сербскими учеными, в широком историческом, социальном и культурном контексте рассматриваются различные аспекты польского восстания 1863-1864 гг. и отношение к нему со стороны общественности, политиков и учёных славянских стран. Особое внимание уделяется отношению к польскому восстанию и его последствиям со стороны российских, чешских, словацких, польских и сербских историков, общественных и политических деятелей и прессы.

Издание осуществлено при поддержке Фонда «Историческая память».

УДК 93/94 (908)
ББК 63.3(2)
П53

© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Романчук А. Православное духовенство и польское восстание 1863–1864 гг.	4
Полунов А.Ю. Восстание 1863 года и вероисповедная политика самодержавия в западных регионах Российской империи	17
Айрапетов О.Р. Поляки или студенты? Пожары и революционеры весны и лета 1862 года	26
Гайда Ф.А. Ф.М. Достоевский и польский вопрос	40
Гронский А.Д. Взгляды М.Н. Каткова на «польский вопрос» и их актуальность в начале XXI века	45
Хотеев А.С. 1863 года в Белоруссии и Литве: концепты идеологической борьбы в печатном слове	63
Загорнов А.А. Польский вопрос в оценке Н.Я. Данилевского	77
Казак О.Г. Восстание 1863-1864 гг. в чешской общественно-политической мысли (вторая половина XIX – начало XX вв.)	82
Шевченко К.В. <i>«Огромная трагедия славян...»</i> . Польское восстание 1863 г. в оценках чешского историка и политического деятеля Франтишека Палацкого (1798-1876)	88
Киселёв А.А. Январское восстание 1863 года в «Истории глупости» в Польше Александра Бохеньского	103
Лазаревич Даяна. Вук Караджич – корреспондент о польском восстании 1830-1831 гг.	109
Шевченко К.В. Польское восстание 1863 г. в словацком общественном мнении и прессе	114
Сведения об авторах	120

Протоиерей
Александр Романчук

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863–1864 гг.

Вооруженное выступление польских революционеров-националистов в 1863–1864 гг., цель которого состояла в восстановлении польской государственности, в узком смысле поставило вопрос о политической лояльности Российской империи населения ее западных, в первую очередь белорусско-литовских губерний. В более широком понимании речь шла о том, насколько глубоким было не столько политическое и социально-экономическое, сколько религиозное и культурное включение в русский историко-культурный мир широких народных масс Северо-Западного края империи за прошедшие после разделов Речи Посполитой десятилетия. Проблема заключалась в том, что до февраля 1839 г., когда состоялся Полоцкий Собор униатского духовенства, объявивший о разрыве Брестской церковной унии и общем воссоединении униатов с православными, почти 3/4 белорусов оставались католиками-униатами. Уния изначально, а в особенности начиная с последней четверти XVIII в., являлась проводником латинизации церковной жизни предков современных белорусов, а также полонизации греко-католического духовенства, что сопровождалось навязыванием русофобии. Поэтому восстание 1863–1864 гг. стало проверкой успешности преодоления после 1839 г. униатского наследия и, соответственно, прочности позиций Русской Православной Церкви на бывших территориях Польско-Литовского государства.

Большое значение религиозного фактора в событиях 1863–1864 гг. подчеркивают многие историки. В работе «Powstanie Styczniowe 1863–1864» польский исследователь Славомир Калембки пишет: «Часть западных губерний Российской империи была населена несколькими народностями. Среди насчитывающего почти 5500 тыс. населения этих земель наибольшую группу составляли белорусы (51, 05%), далее литовцы (19,82%), евреи (10,44%), поляки (8,27%), украинцы (3,5%), русские (2,99%), латыши (3,34%), немцы (0,47%), татары (0,12%)... В губернии Виленской было их (поляков – А.Р.) больше всего – 17,31% от общего количества проживающих, в Минской – 11,71%, в Гродненской – 9,53%, в Витебской – 5,49%, в Ковенской 2,95%, в Могилевской 2,75%. Около 60% проживающих на этих землях поляков было сосредоточено в губерниях Виленской и Минской»¹. Из приведенных данных видно, что православные белорусы, украинцы и русские составляли 57,99%

¹ Kalembski S. Powstanie Styczniowe 1863-1864. Warszawa, 1990. S. 349.

от общего населения края, в то время как поляки-католики, к которым С. Калембки относит и полонизированную белорусскую шляхту, – только 8,27%. Даже в местах с наибольшей концентрацией польского католического населения оно, по сравнению с православными, находилось в значительном меньшинстве. Исключение составляли только сама столица Северо-Западного края – Вильно – и прилегающие к ней окрестности. Католиков-литовцев в данном случае не имеет смысла принимать во внимание, поскольку они, несмотря на пропаганду революционеров, серьезно не влияли на ход событий. Отсюда следует, что восставшие надеялись на поддержку со стороны православного большинства местного населения. Их надежды могли питаться только расчетом на культурно-историческую близость к ним белорусов, а следовательно, на их сочувствие политическим интересам Польши. «Во время восстания, которое вспыхнуло на территории Польши, Литвы и Белоруссии в 1863–1864 гг., – пишет В.В. Григорьева, – делалась ставка на то, что идеи униатства еще не погасли в душах бывших униатов и их священников»².

На самом деле никто доподлинно не знал, как в такой ситуации поведут себя белорусы и местное духовенство, вернувшиеся в лоно православия 24 года назад. Важным в таких обстоятельствах становилось отношение к восстанию со стороны воссоединенного в 1839 г. из унии белорусского духовенства, еще помнившего униатские времена, и их детей – нового поколения белорусских пастырей. От направления их влияния на воссоединенный из унии православный народ не во всем (большую роль играло освобождение крестьян от крепостной зависимости), но во многом зависели масштаб и судьба восстания. В конфессиональной плоскости вопрос заключался в религиозной и народной правде упразднения в 1839 г. Брестской церковной унии, как цивилизационной победе России.

В исследованиях, посвященных восстанию 1863–1864 гг., позиция, которую заняло православное духовенство в отношении восставших, раскрыта вполне удовлетворительно. Отмечается, что священники в целом сохранили верность российскому правительству. Из исследования О.В. Карповича, осуществившего попытку перепроверить и согласовать противоречивые данные, приводимые разными авторами касательно поддержки восставшим со стороны православного духовенства, следует, что содействие мятежникам в той или иной форме оказали то ли 8, то ли 10³ лиц, принадлежавших православному духовному ведомству.

²Григорьева В.В. Русификация населения и канфессіянальная палітыка царызму на Беларусі (1861-1904) // Канфесія на Беларусі. Мн., 1998. С. 60–84. С. 68.

³Карпович О.В. Участие духовенства в восстании 1863–1864 гг. на землях Беларуси / О.В. Карпович // Вестник Брестского государственного технического университета. – №6. – 2008. – С. 20–22. – С. 21–22.

Здесь имеет смысл детальнее рассмотреть некоторые наиболее показательные примеры действий православных священников, которые как церковными, так и светскими властями были квалифицированы в качестве поддержки восставшим. Так, православный священник одной из церквей Волковысского уезда Антон Шишко оказался под подозрением властей за то, что «не донес начальству об уходе его сына в шайку мятежников»⁴. Безусловно – это странная вина.

Ссылаясь на материалы Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно, О.В. Карпович пишет, что некий священник Куханович находился в составе брестского отряда Казимира Нарбута, одного из жестоких повстанческих начальников Брестчины⁵. Однако этот случай можно поставить под сомнение. Дело в том, что в фундаментальном труде священника Григория Сосны, в котором представлены имена всех униатских и православных священнослужителей белорусских земель, действовавших в XIX – XXI вв., нет сведений о священнике Кухановиче, который мог бы участвовать в событиях 1863–1864 гг.⁶ Вполне возможно допустить, что это был либо самосвят, либо извергнутый из сана бывший священник.

В деревне Добромысль Пружанского уезда священник Гриневич принимал присягу «на верность польской короне»⁷. Однако не совсем ясно: Гриневич делал это по убеждению, либо проявив слабость под угрозой расправы со стороны повстанцев. Подобную слабость проявили молодые священники Гродненской губернии Андрей Жебровский и Филарет Белевич. В мае 1863 г. они под угрозой казни подписали за своих прихожан присягу незаконному польскому правительству. Правящий архиерей митрополит Иосиф (Семашко) запретил обоих священников в священнослужении, а затем отправил их на три дня в Свято-Успенский Жировичский монастырь, чтобы они перед образом Божией Матери очистили свою совесть. Кроме этой епитимии, высокопреосвященный предложил консистории рассмотреть вопрос: «Не уронили ли себя означенные священники малодушным поступком в глазах своих настоящих прихожан, и не следует ли их в таком случае переместить на другие приходы»⁸.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Sosna Grzegorz*, ksiądz. Hierarchia i kler kościoła prawosławnego w granicach II Rzeczypospolitej i Polski powojennej w XIX – XXI wieku/ ksiądz G. Sosna, m. Antonina Troc-Sosna. Ryboly: ORTHDRUK, 2012. – 1007 s.

⁷ *Карпович О.В.* Участие духовенства в восстании 1863–1864 гг. на землях Беларуси / О.В. Карпович // *Вестник Брестского государственного технического университета.* – №6. – 2008. – С. 20–22. – С. 22.

⁸ *Киприанович, Г.Я.* Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. / Г.Я. Киприанович. – изд. 2-е испр. и доп. – Вильна : Типография И. Блюмовича, 1897. 613 с. С. 411.

На престарелого священника Нарочанской церкви Вилейского уезда Александра Скабалановича вместе с его двумя дочерьми, воспитанными в католичестве, пало подозрение в общении с польскими партизанами и снабжении их продовольствием. Назначенное расследование не нашло бесспорных доказательств их вины, но

М.Н. Муравьев просил митрополита Иосифа (Семашко) удалить из края и Скабалановича, и его дочерей. В ответ высокопреосвященный Иосиф поместил этого священника на иеромонашескую должность в Гродненский монастырь, но отказался от решения вопроса с его дочерьми, т.к. они, рожденные и воспитанные в латинстве, не подлежали ведению православного духовного начальства.

Вопиющий случай поддержки восставших польских патриотов со стороны православного священника связан с именем Николая Мороза, настоятеля храма в деревне Лопатин Пинского уезда. Он был обвинён в том, что «в одно из воскресений после богослужения позвал в свою квартиру 8 православных шляхтичей из окрестностей села Колбы, прочитал им воззвание Народного правительства, призывающее к оружию, а также уговаривал шляхтичей, чтобы вступали в повстанческие отряды. Когда же шляхтичи на это не согласились, то сказал: «За это можно получить и пулю в лоб». Кроме того, прочитал также воззвание своему дьякону Прокоповичу и на замечание того, что когда придут повстанцы, то он убежит в лес, Мороз ответил: «Нечего бояться повстанцев, я и себя, и вас смогу защитить». Слухи о действиях Мороза стали известны священнику Страховичу из Мисятич, который сообщил о его деятельности полиции⁹. Николай Мороз по настоянию М.Н. Муравьева был лишен сана и приговорен к 10-ти годам каторги¹⁰. Это был исключительный случай для православного духовенства западных губерний России. Таким образом, можно смело делать вывод об общей верности белорусского православного духовенства Русской Православной Церкви и российскому Престолу. Случаи колебаний и откровенной поддержки восстанию были единичными.

Без сомнения, на отношении священнослужителей к вооруженному выступлению польских националистов повлияла позиция православной иерархии, действовавшей на территориях, наиболее пораженных мятежом. Надо отметить, что правящие архиереи Виленской – митрополит Иосиф (Семашко), Минской – архиепископ Михаил (Голубович), Полоцкой – архиепископ Василий (Лужинский) были теми церковными деятелями, которые искренне послужили воссоединению униатов с православными в

⁹ *Ильин, А.* Ян Позняк – первый исследователь участия православного духовенства в восстании 1863–1864 гг. / Ильин Александр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [Свіслацкія аркушы - Кастусь Каліноўскі - Бібліятэка \(arkushy.by\)](#), Дата доступа : 26. 01. 2023.

¹⁰ *Карпович О.В.* Участие духовенства в восстании 1863–1864 гг. на землях Беларуси / О.В. Карпович // Вестник Брестского государственного технического университета. – №6. – 2008. – С. 20–22. – С. 22.

1839 г. Их позиция была выражена в окружных посланиях к подчиненному духовенству.

Например, 15 июня 1863 г. архиепископ Василий (Лужинский) обратился к подчиненному духовенству с архипастырским посланием, в котором говорил: «Мы переживаем теперь такую эпоху, когда в западном крае вера и православие наиболее нуждаются в деятельности духовенства, – такой притом, которая бы сопровождалась пламенным усердием и растворялась любовью, благоразумием и энергией. Неужели же вы, избранные, в благонадежности которых я никогда не сомневался, захотите явить себя пред всем миром несоответствующими своему призванию и назначению, – равнодушными и к долгу службы и присяги своей, и к патриотическим чувствам, заявленным так торжественно всеми сословиями в государстве, тогда, когда на край наш обращено напряженное внимание всей России? Ужели вы уступите место козням врагов порядка и дадите простор в среде народа православного наглой, пагубной деятельности подземного польского революционного комитета и отчаянных покушений пропаганды, посягающих и на целостность русской Державы, и на нашу святую веру, и на благоденствие всего народа русского, и на славу отечества нашего – благословенной России, и тем самым захотите заслужить постыдную память своему имени и званию, или название изменников, поправших святость долга службы и присяги, к унижению детей и внуков ваших пред лицом Церкви и отечества? Вот это было бы вашим истинным несчастьем, вашею нравственною смертью в жизни, а за гробом вы были бы безответными пред Богом, чего я вам не желаю, и отчего да сохранит всех вас милосердый Бог. – Стойте же непоколебимо на страже, служите и действуйте, сколько достанет ваших сил, в вертограде Христовом, чтобы потомство радовалось деятельности вашей, и небесный вертоградарь – Спаситель уготовал вам венец вечной славы там – на небе»¹¹.

В послании архиепископа Василия содержится призыв к духовенству хранить верность православию и России, но в то же время в них можно уловить слабые нотки неуверенности в том, что все священники займут такую позицию. Особенное значение для духовенства в это тревожное время имели деятельность, личный пример и слова митрополита Иосифа (Семашко), с именем которого по преимуществу связывалось дело упразднения унии. Этот иерарх возглавлял Литовскую и Виленскую епархию, располагавшуюся в пределах современной Литвы, а также Гродненской и Брестской областей современной Республики Беларусь. Она на 100% состояла из бывших униатов.

¹¹ Слова, речи и архипастырские послания к духовенству Полоцкой епархии преосвященного Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otecchnik/Vasilij_Luzhinskij/slova-rechi-i-arhipastyrskie-poslanija/#0_48. – Дата доступа: 06. 04. 2023.

К тому же именно в этом регионе сосредотачивалось польское католическое население и были наиболее сильны мятежные настроения.

Митрополит Иосиф тонко чувствовал ситуацию и начал противостоять польскому восстанию заранее. Он видел, что уже со второй половины 1850-х гг. в белорусско-литовских губерниях все смелее разворачивалась откровенная антирусская и антиправославная пропаганда. В мае 1861 г. возрастающее напряжение выплеснулось в открытые манифестации польских националистов. Застрельщиками протестов выступили ксендзы. Особенно многочисленные толпы собирались с пением религиозных и революционных гимнов в Вильно перед часовней Остробрамской иконы Божией Матери. Все русское и православное, особенно духовенство, подвергалось осмеянию, кощунству, оскорблениям словами и действиями¹². 25 августа 1861 г. правительство вынуждено было объявить Северо-Западный край на военном положении, запретив совершать уличные процессии и собираться толпами на площадях. В результате осенью 1861 и в течение всего 1862 г. белорусско-литовские губернии внешне успокоились¹³, но это было затишье перед бурей.

В это смутное время высокопреосвященный Иосиф не покинул Вильно, невзирая на ранее озвученные планы взять лечебный отпуск, не соблюдал никаких мер предосторожности, хотя тревожные обстоятельства заставили его опасаться насильственной смерти. М.О. Коялович, посетивший Вильно в 1862 г., оставил воспоминание об обстановке, которая окружала владыку. «В 1862 году, – пишет он, – во время первого моего путешествия по западной России, я был в Вильне, во второй половине мая, и в одну из моих поездок к митрополиту Иосифу в его загородный дом (Тринополь) сидел с ним и беседовал в его саду в возвышенной местности, с которой открывается прекрасный вид на р. Вилию, а поближе через дорогу наискось видна одна из кальварийских часовен. К часовне стала подходить группа народа с обычным пением песен. Как только в группе заметили митрополита Иосифа, так сейчас же пение превратилось в неистовый рев и это явное кощунство способно было глубоко возбудить всякого. Мы умолкли. Я взглянул на митрополита Иосифа. Ни один мускул на его лице не изменился, только дальнзоркие глаза его устремились по направлению к часовне, у которой совершалась эта латино-польское кощунство. Этот великий западно-русский святитель и великий западно-русский человек, без всякого сомнения, возвышался тут над этим грехом неведения родного народа, а в этом неистовом реве угадывал степень фанатизма латино-польских вождей, и оставлял их всех в покое»¹⁴.

¹² Кирьянович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 384.

¹³ Утрата С., диакон. Восстание 1863–1864 гг. и церковная жизнь в Белоруссии. С. 33–34.

¹⁴ Коялович М.О. Поездка в середине Белоруссии. СПб., 1887. С. 8.

Окруженный стеной ненависти со стороны латинян, митрополит Иосиф сделал приписку к завещанию, приготовленному еще в 1852 г. В ней, обращаясь к императору, он просил в случае его насильственной смерти в единственное наказание убийцам забрать у католиков некогда принадлежавшую православным Остробрамскую икону Божией Матери и поместить ее в соборе Свято-Духова монастыря в Вильно. Это завещание владыка передал на хранение в Свято-Духов монастырь 1 июня 1861 г.¹⁵ То есть перед лицом ожидавшихся потрясений он решительно заявил, что останется на своем посту и приготовился к смерти. Для священников Литовской епархии, которые, несомненно, узнали о позиции митрополита Иосифа от виленских монахов, она являлась воодушевляющим примером.

Военное положение, объявленное правительством в крае, не могло остановить подготовку восстания. Открытые манифестации прекратились, но усилилась тайная пропаганда. Особенно усердствовало римско-католическое духовенство, которое с амвонов обвиняло власти в притеснении веры, осквернении храмов и многом другом¹⁶. Возрос натиск на православных крестьян с целью привлечь их на свою сторону. Для этого, между прочим, старались устранить воздействие на них православного духовенства. Священников пугали мезтью, если они будут проповедью удерживать своих пасомых от участия в антиправительственных действиях, обещали скорое восстановление унии. Понимая, что в это предгрозовое время необходимо поддержать пастырей и народ, дать им пример стойкости, настроить на твердое исполнение долга перед Отечеством, митрополит Иосиф 19 декабря 1861 г. составил и разослал всем благочинным Литовской епархии окружное послание. В нем начальствующему духовенству предписывалось внушать подчиненным священникам строго блюсти народ от польско-католического и революционного воздействия. В послании говорилось: «Не малое уже время, в нашей стране, на наших глазах, мятутся жалкие страсти, возбужденные чуждыми для нас интересами, чуждою народностью. Слабые духом, слабые познаниями увлекаются злонамеренностью в тяжкие заблуждения. Явную ложь принимают за непреложную истину, уклоняются от повиновения законным властям; ни во что не ставят принесенную верноподданническую присягу; глумятся над самими храмами Божиими, принося в них песнопения, которые можно считать скорее кощунством над святынею, нежели молитвою. Я не считал бы себя в праве заявлять эти плачевные обстоятельства, если бы они касались только паств для меня сторонних. За них отвечают свои пастыри перед Богом и перед людьми. Но я получаю постоянно сведения: что злонамеренные люди сеют неправду и между православными, стараясь

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 281. Л. 1–3; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 383.

¹⁶ *Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 154.

совратить их с пути истины. Смущают их ложными вестями и внушениями. Распространяют тайными путями и подлогами мятежные воззвания. Страшают верных своему долгу священников местью поляков. Эти воззвания и внушения сколько дерзки, столь же и невежественны. Нам указывают на Польшу! Но какое нам дело до Польши? Мы русские, дети бесчисленной русской семьи, потомки св. Владимира, – мы родились в России, присягали на верность русскому царю. Нас страшат поляками! Не потому ли, чтобы напомнить нам вековые страдания наших отцов, присоединившихся было доверчиво вместе с Литвой к Польше? Неужели хотят воскресить память предков наших, павших в кровавой брани за свои права и за свою веру? Нам указывают на униатскую веру! Как бы была, или могла быть униатская вера!?! Как бы Уния не была лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно-православной Восточной Церкви!?! Как бы эта несчастная Уния не была орудием тяжких терзаний и гонений, которые испытали предки наши в течении трехсот лет; пока мы, потомки их, не обрели наконец тихого пристанища и успокоения на лоне России и матери своей Православной Церкви!... Все это совершенно известно духовенству Литовской епархии, получившему по большей части светлое образование. Его не обмануть злоумышленникам хитросплетенною ложью; его не застрашать и угрозами. Если злонамеренным стало дерзости на несправедливые покушения; то добрым ли пастырям православного стада малодушествовать, и в соблюдении своего долга не обрести сугубых сил к охранению истины и к обличению неправды? Но могут быть неопытные, могут быть неосторожные. Могут быть и несведущие, могут быть особенно небрежные в усердном надзоре за своими паствами»¹⁷.

В связи со сказанным митрополит посчитал своим долгом обязать благочинных: 1) предостеречь лично каждого священника, дав прочесть им это послание; 2) внушить духовенству блюсти свою паству от «наговоров и подстрекательств»; 3) дать соответственные местным обстоятельствам наставления всем священнослужителям, чтобы они незамедлительно докладывали о случаях революционной пропаганды и представляли напечатанные прокламации и воззвания, если такие получают; 4) полученные от духовенства сведения представлять в епархиальное управление, «дабы мог я (владыка Иосиф – А.Р.) принимать соответственные меры к охранению православной паствы»¹⁸.

Окружное послание от 19 декабря 1861 г. произвело на духовенство огромное впечатление. Священникам, находившимся под прямым

¹⁷ Предписание Высокопреосвященнейшего Иосифа, митрополита Литовского и Виленского, всем благочинным Церквей и Монастырей от 19 декабря 1861 г. // ЛЕВ. 1863. № 2. С. 43–46.

¹⁸ Там же. С. 46.

воздействием польской пропаганды, получавшим революционные прокламации и воззвания, не видевшим рядом с собой твердой власти, оно напоминало о прочном основании правоты их дела, указывало как себя вести в этих сложных обстоятельствах. Нельзя не согласиться с мнением Г.Я. Киприановича, который очень высоко оценил линию поведения, выбранную митрополитом Иосифом во время назревавшего шляхетского вооруженного выступления: «...когда все наши власти в западном крае были в крайнем расслаблении, когда в иных местах их почти не существовало, один Иосиф спокойно и твердо держал в своих руках все нити своего управления и... делал своему духовенству, а через него и народу, указания как вести себя. Как бороться с поляками. Этим в значительной степени нужно объяснить то ясное понимание своего положения, каким обладал народ перед смутой, и то спокойствие, которое он сохранял среди панских козней. Этим также нужно объяснить и то, что самые слабые священники верно исполняли свой долг в те трудные времена и не поддались полякам»¹⁹.

Действительно, если единичные случаи поддержки православными священниками восстания выразилась в невнятных действиях, которые квалифицировались как проявление слабости перед лицом угроз, за которые их только до покаяния отлучали от священнослужения и переводили на другие приходы (за исключением Николая Мороза), то факты верности белорусского духовенства православию и империи носили массовый характер. Священники терпели избиения и издевательства, были вынуждены скрываться, лишались имущества и даже шли на смерть, но отказывались быть пособниками мятежников²⁰. Как известно, от рук польских патриотов приняли мученическую смерть священники Даниил Конопасевич, Роман Рапацкий и Константин Прокопович²¹, а также принадлежавшие духовному ведомству дьячок церкви Святая Воля Пинского уезда Федор Юзефович и учитель Субочевского сельского училища Вилкомирского уезда Викентий Смольский²².

Итак, православное духовенство решительно отказало польскому восстанию в поддержке. В то же время остается актуальным вопрос: почему так случилось, что бывшие униатские священники не пожелали возрождения

¹⁹ Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки... С. 389.

²⁰ Наумович И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. С. 55–63 ; Щеглов, Г., иерей. Страдания православного духовенства в дни польского восстания 1863–1864 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://elib.minda.by/bitstream/123456789/759/1/33-48.pdf \(minda.by\)](http://elib.minda.by/bitstream/123456789/759/1/33-48.pdf (minda.by)) – Дата доступа: 20. 04. 2023.

²¹ В убийстве священника Прокоповича принимал участие местный ксендз Моравский (Карпович О.В. Участие духовенства в повстанческом движении на Белорусских землях в 1863 г. // Хрысціянства ў гістарычным лесе беларускага народа: зб. навук. арт. Гродна, 2008. С. 116–119).

²² Наумович И. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов. С. 58–59, 61–63.

унии и поддержали правительство? Проблема состоит в том, что после Полоцкого объединительного Собора 1839 г. не произошло ни улучшения материального положения, ни возвышения в глазах местного общества социального статуса белорусских священников. Они не чувствовали особой заботы и поддержки со стороны правительства. Российские власти в 1840-е – 1850-е гг. совершили целый ряд непродуманных и даже вредных политических и социально-экономических действий, затормозивших развитие Православной Церкви на белорусских землях, не допустили значительного подрыва влияния Католической Церкви, что в немалой степени послужило причиной восстания 1863–1864 гг. «Один раз, – пишет А. Пыпин, – прошла в крае сильная полоса исторического движения – это уничтожение унии (1839); этот знаменательный факт мог бы навести местное общество на новые мысли о положении народного вопроса, но бывшая rutina была еще так сильна, что это событие произвело, кажется, меньше впечатления и действия, чем можно было бы ожидать»²³. Пожалуй, единственным российским чиновником, который осознал масштаб и значение совершившейся в Северо-Западном крае в 1839 г. перемены был камергер В. Скрипицын. В одном из своих рапортов, адресованных обер-прокурору Н.А. Протасову в 1839 г., он написал, что воссоединение униатов представляет собой не шаг на пути к интеграции белорусско-литовских губерний в имперское тело, а решающую победу России на этих землях²⁴. Судя по правительственной конфессиональной политике в западных губерниях, его голос услышан не был. Так почему же священники не поддержали восставших польских националистов-революционеров? Без сомнения, на позицию православного духовенства повлияло воспитание и духовная жизнь в православной вере как помнивших унию священников, так и их детей – нового поколения белорусских пастырей. Это фактор зачастую не учитывается современными светскими историками. Между тем стоит обратить внимание на малоизвестное событие, которое во многом объясняет провал надежд польских повстанцев 1863–1864 гг. на поддержку православного духовенства и возрождение унии.

25 мая 1850 г. во время посещения Вильно императором Николаем I архиепископ Иосиф (Семашко) (митрополитом он стал в 1852 г.) с крестом в руках во главе духовенства встречал монарха на паперти кафедрального Никольского собора. Царь приложился ко кресту, поцеловал руку владыки и в его сопровождении вошел в храм. Здесь по одну сторону стояли высшие чиновники во главе с генерал-губернатором И.Г. Бибиковым и представители

²³ Пыпин, А.Н. История русской этнографии/ А.Н. Пыпин. Минск: БелЭн, 2005. 256 с. С. 126.

²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18. Рапорты камергера Скрипицына по обозрению им грекоунитской епархии. Л. 30–31 об.

дворянства и общественности края, в подавляющем большинстве тайные патриоты Речи Посполитой и ярые русофобы. По другую сторону рядами стояли учащиеся Литовской духовной семинарии. После обычного в таких случаях молебна случилось то, что всколыхнуло весь город и вызвало волну недовольства владыкой Иосифом у всех облеченных властью и именитых присутствовавших. Владыка взял императора Николая I под локоть правой руки, демонстративно провел его мимо блестящего виленского общества, подвел к семинаристам и в ответ на недоумение самодержца указал на них со следующими словами: «Добрая молодежь и надежная»²⁵. Продуманным нарушением протокола визита и этими словами владыка со всей отчетливостью показал императору, что, по его мнению, именно православное духовенство является не только главной и надежной, но и единственной опорой России в Северо-Западном крае. Такое действие Семашко обличало всех тех, кто нес государственную ответственность за благополучие белорусско-литовских земель и со всей очевидностью раскрывало настоящее настроение местной знати, в среде которой культивировалась ненависть к России. Этот эпизод описал в своих воспоминаниях сам митрополит Иосиф. То, что все это действительно имело место, подтверждает в своих воспоминаниях протоиерей Игнатий Пашкевич, который добавляет, что Николай I после слов Семашко сказал семинаристам: «Дай Бог быть вам такими, какими следует быть»²⁶. При этом отец Игнатий делает очень ценное наблюдение – среди семинаристов стоял юный Роман Рапацкий, который в иерейском сане в 1863 г. под угрозой смерти не отрекся от своего священнического долга и принял мучительную смерть от рук восставших патриотов Речи Посполитой. Видимо, отец Роман хорошо помнил слова митрополита Иосифа и императора Николая I, полагал их руководством для жизни и церковного служения. Такую школу воспитания не только словами, но и неординарными делами прошли все священнослужители белорусско-литовских епархий.

Можно не сомневаться, что священники хорошо помнили времена унии, когда они представляли собой второсортное католическое духовенство, помнили презрение, которое они испытывали как со стороны ксендзов, так и со стороны католической шляхты. Возвращение к униатской старине для них означало возвращение к унижениям.

Наконец, самое главное. Полоцкий объединительный Собор 1839 г. был возможен исключительно при одном условии: униатское духовенство не было уверено в религиозной правде католичества. Наоборот, в результате

²⁵ Собственноручная черновая речи, приготовленная к ожидавшемуся приезду государя императора в мае 1849 года // ЗИМЛ. Т. 2. С. 482–483. С. 483.

²⁶ *Пашкевич Игнатий*, священник. Мои семинарские воспоминания // Гродненские епархиальные ведомости. – 1909. – №34. – С. 361–372. – С. 372.

богословских изысканий и духовных размышлений оно пришло к убеждению, что Христианская Истина содержится во Вселенском Православии. Это был сложный путь, но он был пройден священниками. На первый взгляд, такой вывод слишком пафосен и его трудно обосновать. Однако стоит обратить внимание на память, которую оставил в среде белорусских священников, отказавшихся в 1839 г. от унии с Римом, митрополит Иосиф (Семашко) – главный инициатор и совершитель воссоединения униатов с православными. Например, вот что сказал протоиерей Павел Круковский своему сыну, когда в ноябре 1868 г. получил известие о кончине митрополита Иосифа: «Без него (митрополита Иосифа – А.Р.)... не подымется к новой жизни наш край! Не будет уже в Белоруссии такого митрополита; никто не направит новое поколение духовенства к заветам вечной правды, никто не вдохнет живой веры в святое дело народного обновления»²⁷. Стоит отметить, что эти слова отец Павел говорил не для широкой публики, а в узком семейном кругу, что, помимо прочего, снимает проблему пафосности и говорит о том, что белорусские священники действительно увидели в православии путь к религиозному спасению. Более того, они рассматривали возвращение к православию, а Семашко был его духовным символом, в качестве нового, более справедливого этапа народной жизни, ее обновления. Таких людей было бесполезно призывать вернуться в униатский извод католичества. В отказе от унии, а следовательно, и в разделении своих и польских интересов, они видели религиозную и народную правду, что позволило им терпеть издевательства, побои, ограбление и даже идти на смерть.

Позиция, занятая православным духовенством, как уже было отмечено, определила масштаб восстания. Можно предположить, что в случае перехода на сторону восставших большого числа священнослужителей за ними последовали бы и крестьянские массы. Тогда события 1863 г. приобрели бы характер национально-освободительного восстания. Справиться с таким явлением российскому правительству было бы трудно. Позиция, занятая духовенством, превратила вооруженное выступление польских националистов в мятеж узкой группы шляхты, обреченный на провал из-за недостаточной социальной базы. К сожалению, значимость роли православного духовенства в событиях 1863–1864 гг. практически не учитывается современными историками.

Принимая во внимание позицию, занятую в отношении польских мятежников православным духовенством, приходится сказать, что подавление вооруженного выступления сторонников восстановления Речи Посполитой не является поворотной точкой в исторической судьбе

²⁷ Круковский, А.В. Страничка из истории белорусского духовенства / А.В. Круковский // Русская старина. – Санкт-Петербург: Общественная польза, 1910. Т. 143. – С. 240–245. С. 245.

белорусского народа, как полагают многие историки. Дело в том, что мятежники проиграли не тогда, когда их отряды были разгромлены правительственными войсками, а тогда, когда белорусские православные священники (и воссоединенные из унии в 1839 г., и их дети – молодое поколение православных священнослужителей) не поддержали пропаганду ксендзов и шляхетских революционеров, не ответили согласием на их призыв возродить церковную унию. Наоборот, они заняли твердую православную и проправительственную позицию. В результате М.Н. Муравьеву пришлось иметь дело не с широкомасштабным народным восстанием, а с мятежом представителей высшего сословия, не имевшим опоры в массах. Можно с полным правом говорить о том, что события 1863–1864 гг. на белорусских землях стали проверкой убеждений православного духовенства и его паствы. Но эти убеждения не могли сложиться за короткое время активной фазы мятежа. Они сформировались ранее. Это произошло в ходе подготовки и совершения воссоединения униатов с православными в 1839 г. Кроме того, взгляды православного белорусского духовенства выдержали испытание недалеконвидной конфессиональной политикой правительственных кругов Российской империи в 1840-е – 1850-е гг. Так что поворотным пунктом в истории белорусов, изменившим вектор их национально-культурного развития, нужно считать Полоцкий Собор 1839 г., а не усмирение мятежа 1863–1864 гг. Известно, что так полагал сам граф Муравьев, который в своих действиях по разгрому мятежников смог твердо опереться и на православное духовенство, и на православный белорусский народ²⁸.

²⁸ *Муравьев М.Н.* Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863 – 1866 гг. // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – С. 623–646. – С. 630–632. С. 630–632.

ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА И ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вооруженное выступление польской элиты против имперской власти в 1863 г. – по точному определению американского историка Т. Уикса, «событие почти апокалипсического значения в сфере отношений России и Польши»¹ - имело ярко выраженные конфессиональные измерения, оказавшие значительное влияние на восприятие этого противоборства современниками и на отношение к нему властей. Разразившийся вскоре после отмены крепостного права конфликт очень часто осмысливался сторонами как религиозное противостояние, активным участником которого была римско-католическая церковь. Подобная ситуация побуждала имперские власти в ходе борьбы против восстания подчеркивать православную идентичность местного восточнославянского населения, его религиозное единство с основной массой русского народа, принимать меры по возвышению в западных регионах статуса православия и ограничению католицизма. Однако подобные меры – и это стало одним из парадоксов национально-религиозной политики самодержавия второй половины XIX в. – даже в разгар антиповстанческой борьбы не отличались последовательностью, а после подавления вооруженных выступлений обнаружили явную тенденцию к затуханию. Противоборство различных политических тенденций в российских верхах мешало самодержавию проводить последовательную политику, что стало одной из причин кризиса системы национально-религиозных отношений в Российской империи, а затем и распада имперского государства.

Говоря о причинах непоследовательности религиозной политики властей во второй половине XIX в., необходимо отметить, что она во многом определялась традициями, на которые веками опиралось многонациональная Российская империя. Держава Романовых являла собой яркий пример сословно-легитимистского, династического государства, в котором признавалось законным и обоснованным предоставление значительных прав местным элитам после перехода под власть империи того или иного региона. Римско-католическая церковь в землях бывшей Речи Посполитой, безусловно, воспринималась российскими верхами в качестве одного из таких элитных институтов.

¹ Weeks T. Religion, Nationality, or Politics: Catholicism in the Russian Empire, 1863-1905 //Journal of Eurasian Studies. 2011. No. 2. P. 52.

В процессе интеграции в состав империи бывших владений польско-литовского государства за католической церковью во второй половине XVIII в. были сохранены значительные материальные средства, намного превышавшие те, которыми располагала церковь православная². Ситуация, имевшая место в Речи Посполитой, где католицизм признавался господствующим вероисповеданием, а православие пользовалось лишь терпимостью (впрочем, весьма ограниченной и регулярно нарушаемой), была ликвидирована де-юре, но во многих отношениях сохранилась де-факто. Земли польско-литовского государства долгое время рассматривались российскими властями как зона законного преобладания польских (польскоязычных, полонизированных) элит. Это выразилось, в частности, в том, что на данных территориях был фактически разрешен переход униатов в католицизм (хотя официально прозелитизм в империи был запрещен всем церквам, кроме православной). Униатская церковь в России даже формально была в 1801-1805 гг. подчинена Римско-католической духовной коллегии.

Вплоть до середины XIX в. католическая церковь в Западном крае (Правобережная Украина, Белоруссия, Литва) пользовалась фактически полной внутренней автономией. Здесь без одобрения и даже ведома властей действовали многочисленные католические братства, не существовало и эффективного контроля над католическими духовными семинариями. Не были переведены на русский язык и католические молитвы, т.е. об идеологическом содержании деятельности польского духовенства русская власть имела самые приблизительные представления.

Относясь с пиететом к римско-католической церкви, российские власти в конце XVIII – начале XIX в. не только фактически сохранили за ней статус, которым она ранее располагала, но в некоторых случаях поощряли расширение ее влияния. Православная Россия оказалась единственным европейским государством, на территории которого продолжал действовать орден иезуитов, официально ликвидированный папством в 1773 г.³ Иезуиты сохранили в России огромные владения. При поддержке влиятельных вельмож – Г.А. Потемкина, А.А. Безбородко и других – они развернули по всей стране школы и отделения ордена, а при Павле I фактически стали руководить католической церковью на территории России. Значительным влиянием при дворе Павла пользовался генерал ордена Г. Грубер, готовивший, по некоторым сведениям, соединение католической и православной церквей. Сам Павел, как известно, возглавил католический Мальтийский орден, несколько раз предлагал папам Римским политическое убежище в России.

² Знаменский П.В. История русской церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 372-389.

³ Лушпай В.Б. Иезуиты в политике Екатерины II // Вопросы истории. 1999. №8. С. 130-137.

Примечательным явлением истории России стало также активное участие в ее общественно-политической и духовной жизни католиков-эмигрантов, перебравшихся в Россию после Французской революции, деятельность иезуитских пансионов, через которые прошли многие представители русской знати. Многие из этих людей перешли в католичество. Укажем лишь некоторые имена: В.Н. Головина, племянница знаменитого И.И. Шувалова, пользовавшаяся большим влиянием при дворе Екатерины II; две дочери Головиной; кн. А.П. Голицына, ее дочь Е.А. Голицына, ее сестры гр. Е.П. Ростопчина (жена московского генерал-губернатора), кн. В.П. Васильчикова и гр. В.П. Протасова; гр. А.И. Толстая; С.П. Свечина и ее сестра кн. Е.П. Гагарина; кн. Д.Д. Голицын; М.А. Свистунова, вдова директора департамента Министерства полиции; гр. Г.П. Шувалов, родственник шефа жандармов; кн. З.А. Волконская, М.С. Лунин, В.С. Печерин, И.С. Гагарин, И.М. Мартынов, Е.П. Балабин, С.С. Джунковский и др.

Большинство обратившихся владели огромными состояниями, оказывали финансовую поддержку проповеди католицизма, располагали обширными связями при дворе. «Обращение умов к нашей вере чрезвычайно быстро, и переход в католицизм замечателен как по числу лиц, так и по положению, занимаемому им в обществе», - писал в 1816 г. знаменитый католический философ и политический деятель Ж. де Местр, сам пользовавшийся широкой популярностью в петербургском высшем свете и активно влиявший на «настроение умов» в правительстве. В переписке с де Местром состоял и под его сильным влиянием находился, в частности, А.К. Разумовский, занимавший в 1810-1816 гг. пост министра народного просвещения⁴.

Напористая прозелитическая деятельность активистов католицизма, нацеленная в первую очередь на российскую элиту, успехи в обращении ряда ее представителей, встревожившие власти, а главное – польское восстание 1830-1831 гг. заставили российские власти несколько пересмотреть принципы своей религиозной политики в западных регионах. На католическую церковь был наложен ряд ограничений. Однако в целом отношении к ней оставалось сдержанно-уважительным. Даже организованное в 1839 г. обращение униатов Белоруссии в православие было фактически не столько агрессией против католицизма, сколько попыткой более точно размежевать конфессиональные сферы влияния. «Разбор» прихожан после обращения униатов проводился местными властями на основе документальных свидетельств, при участии депутатов от католического духовенства, спорные казусы часто решались в пользу католицизма

⁴ Андреев А.Н. Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX века (по мемуарам В.Н. Головиной) // Российская история. 2010. №2. С. 81-91.

(поскольку почти все местные чиновники были католиками). Предложение организовать обращение в православие, вслед за униатами, и католиков было отвергнуто Николаем I – так же, как и проекты создания «национальной» католической церкви, независимой от Рима. В глазах императора-легитимиста устоявшаяся, традиционная церковная иерархия была намного предпочтительнее искусственно созданной, пусть и отвечающей сиюминутным политическим выгодам. Важным мероприятием николаевского царствования стало заключение в 1847 г. конкордата с Римом, расширившего полномочия епископов в рамках системы церковного управления, т.е. объективно ограничившего возможности светского вмешательства в религиозную жизнь католицизма⁵. Политика легализма и регламентации по отношению к католицизму, опиравшаяся на сословно-легитимистский этос царствования Николая I, сменяется при его преемнике курсом на явное расширение религиозных свобод под влиянием идей либерализма. Это непосредственно сказывается на конфессиональной ситуации в Западном крае и Царстве Польском. Во второй половине 1850-х гг. было допущено замещение пустовавших на тот момент католических епископские кафедр, снимались сохранявшиеся ограничения на публичные отправления католического культа. Властями фактически допускался переход из православия в католицизм, дело шло к признанию смены вероисповедного статуса делом свободного выбора подданных. Установки нового царствования побуждали российских администраторов игнорировать многочисленные сигналы с мест о подъеме католического прозелитизма в западных губерниях, нелояльности местного бюрократического аппарата и даже зреющих политических заговорах⁶.

В целом, стремясь достичь умиротворения края (а точнее – добиться расположения местных элит), привести проводимую здесь политику в соответствие с доминировавшими в то время в верхах либеральными идеями, имперские власти во второй половине 1850-х – начале 60-х гг. шли на значительные уступки местным элитам. Подобный курс проводился не только в вероисповедной области, но и в других сферах общественно-политической жизни. Была объявлена амнистия участникам восстания 1830-31 гг., в Царстве Польском частично восстанавливались автономные институты. Русские по происхождению чиновники увольнялись и заменялись

⁵ Долбиллов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛЮ, 2010. С. 89-90, 85-87. Западные окраины Российской империи. М.: НЛЮ, 2006. С. 110, 120, 121. Следует отметить, что даже после заключения конкордата митрополит католических церквей империи И. Головчинский продолжал тайно сноситься с Римом, жалуясь на притеснения, в нарушение условий конкордата явочным порядком открывал новые приходы, т.е. фактически занимался прозелитизмом. (Там же. С. 101, 107). Подобные действия, разумеется, порождали у российских бюрократов подозрения относительно лояльности католицизма и способствовали постепенному ухудшению отношения к нему.

⁶ Долбиллов М.Д. Ук. соч. С. 121, 150, 152, 157-158, 167-169.

поляками. «Русский гарнизон в Варшаве, – свидетельствовал английский очевидец этой политики, дипломат У. Уайт, – стал очень мал. Польский язык звучал повсюду, включая присутственные места, где по закону должен был использоваться русский. Поляки жили свободной жизнью, хотя не были политически свободны. Ни в каком отношении они не притеснялись»⁷. Однако ни эти, ни какие-либо другие уступки не могли удовлетворить польские элиты, включая католическую церковь. В январе 1863 г. вспыхнуло восстание, заставившее самодержавие поставить под вопрос ранее проводившуюся им национально-религиозную политику.

Память об имперском статусе во времена Речи Посполитой, видимо, не позволяла высшему католическому духовенству смириться с положением католицизма как второй по значению конфессии – хотя фактически такое положение, как отмечалось выше, было связано с самыми широкими привилегиями и во многих случаях фактически означало первенство на местах. Католическое духовенство приняло активное участие в восстании. На долю этой общественной группы, составлявшей 0,16% населения Царства Польского и Западного края, приходилось 3,35% репрессированных, или один репрессированный на 16 служителей культа. Из общего числа казненных за участие в восстании в Западном крае (128 человек) ксендзами были 7 человек (дворянами – 50 чел., офицерами, чиновниками и нижними чинами – 39 чел., крестьянами – 22 чел., мещанами – 8 чел., иностранными подданными – 2 чел.).

Священнослужители зачитывали в костелах манифесты подпольного польского правительства, призывали паству к выступлениям против властей, приводили повстанцев к присяге подпольному правительству, участвовали в организации снабжения повстанческих отрядов, а в некоторых случаях и возглавляли их, принимали непосредственное участие в военных действиях. В храмах и во время религиозных процессий распевались песни с призывами к восстанию, соответствующие воззвания вставлялись и в молитвы. «Громадное число лиц духовного звания, фактически уличенных в сочувствии мятежу, ясно указывает, что духовенству польская пропаганда, преимущественно обязана успехом. Оно было нравственным двигателем дела; под его покровительством в монастырях, костелах и других тайниках крамола созревала», – отмечал в 1865 г. высокопоставленный русский администратор, генерал-майор А.Л. Потапов⁸.

Активная поддержка восстания духовенством, выдвижение повстанцами не только национально, но и религиозно окрашенных лозунгов

⁷ Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. //Русский сборник. Т. XV. Восстание 1863 г. М.: Модест Колеров, 2013. С. 13-16.

⁸ Айрапетов О.Р. Ук. соч. С. 106-107; Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир, 2017. С. 159, 163, 189-196.

способствовало тому, что вооруженное противоборство сразу приобрело религиозный оттенок, ясно различимый современниками. Подобная ситуация привела к последствиям, во многом оказавшихся неожиданными для вождей антиимперского выступления. Четко выявившаяся идеологическая направленность восстания способствовала активизации глубоко укорененных в исторической памяти местного восточнославянского (преимущественно крестьянского) населения установок, восходивших ко временам существования Речи Посполитой, противостояния католицизму и польской власти. Мятеж «панов» сразу вызвал остро негативную реакцию белорусских и малороссийских крестьян, а также проживавших в Западном крае старообрядцев, с оружием в руках выступивших против повстанцев. Известно много примеров разгрома повстанческих отрядов крестьянами⁹.

Обстановка обострившегося религиозного противостояния, открытая поддержка, оказанная властями православием, осознание того, что подобная политика проводится по приказу царя способствовали и переходу нескольких десятков тысяч белорусов-католиков в 1860-е гг. в лоно «господствующей церкви». О том, что подобная смена идентичности не была (по крайней мере, для большинства обратившихся) результатом принуждения, свидетельствует сохранившаяся и впоследствии приверженность потомков обратившихся православием¹⁰.

Сложившаяся в ходе восстания ситуация сделала неизбежным принятие правительством достаточно жестких мер, направленных против католичества. Помимо репрессий, которым подвергались участвовавшие в восстании духовные лица, эти меры включили в себя закрытие части костелов и монастырей, конфискацию монастырского имущества, сокращение числа епископских кафедр, разрыв конкордата с Ватиканом, попытки установления жесткого контроля над деятельностью церковных структур. Рассматривалась возможность «располячения» католицизма, в частности, перевода на русский язык дополнительного богослужения (вне литургии) для католиков-белорусов. Одновременно предпринимались шаги по поддержке в охваченных восстанием регионах, прежде всего в Западном крае православной церкви и духовенства, материальное положение и социальный

⁹ Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. С. 77-84

¹⁰ Известно, что после объявления свободы совести в 1905 г. на территории Минской, Виленской и Гродненской губерний в католицизм перешло около 38 тыс. чел. (См.: Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917. Ч. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 482). Часто этот факт трактуют как свидетельство того, что имевшие место в 1860-е гг. обращения носили насильственный характер. Однако если бы это было так, то сменить религиозную принадлежность должно было гораздо больше верующих (в православие в 1860-е гг. обратилось 72 тыс., население края за полвека выросло примерно в 2 раза). Отметим, что численность православных в Западной Белоруссии существенно не уменьшилась и в межвоенный период, когда власти Польской республики проводили здесь весьма жесткую политику колонизации и гонений на православие.

статус которых были крайне неудовлетворительны¹¹. Была развернута масштабная программа строительства православных храмов, улучшалось обеспечение духовенства, основывались братства и церковные школы¹². Казалось, в направлении и содержании вероисповедной политики самодержавия начали происходить серьезные изменения. Однако масштаб этих трансформаций не следовало преувеличивать.

Инерция глубоко укорененного в управленческих практиках Российской империи стремления ориентироваться при взаимодействии с окраинами на местные элиты, желание соответствовать стандартам свободы совести, которые, как считалось, утверждались на Западе – все это вело к тому, что на деле изменения в проводившемся властями курсе оказались не очень значительными. Данное обстоятельство фактически признают и историки, склонные преувеличивать репрессивный характер политики самодержавия. Так, в монографии М.Д. Долбилова показано, что даже грозный «диктатор» Северо-Западного края – Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев в своей деятельности в немалой степени руководствовался унаследованным от николаевской эпохи сословно-легалистским, военно-бюрократическим этосом и не стремился слишком решительно подрывать статус католической церкви, имевшей, несмотря ни на что, статус «признанного» имперского исповедания.

Приоритетом Муравьева и после восстания была не столько обращение местных крестьян в православие, сколько «разбор» паствы (более точное определение ее вероисповедной принадлежности по документам) с целью проведения более четких границ между доминирующими в крае конфессиями. «Самому стилю администрирования Муравьева, - подчеркивает автор, - противоречило привнесение миссионерского пыла в работу бюрократического аппарата». Слишком рьяные «обратители» в православие даже могли подвергнуться взысканию при Муравьеве – нарушение устоявшихся границ между конфессиями казалось тому опасным¹³.

В деятельности многих высокопоставленных сановников подобная тенденция проявлялась еще более отчетливо. Влияние администраторов, пытавшихся, пусть и в ограниченной форме, проводить на местах курс на усиление влияния православия, уравновешивалось более многочисленной и

¹¹ Посетивший в 1862 г. Гродненскую губернию чиновник Министерства народного просвещения В.П. Кулин был потрясен «поразительной нищетой» православного духовенства. «Грешно и стыдно нам, русским, оставлять здешнее православное духовенство без помощи, - писал Кулин. – Враги наши не могли бы в настоящее время придумать для него положение хуже того, в какое оно поставлено» (Бендин А.Ю. Ук. соч. С. 150-151).

¹² Комзолова А.А. Ук. соч. С. 48, 93-101; Бендин А.Ю. Ук. соч. С. 366-399; Западные окраины Российской империи. С. 231-242.

¹³ Долбилов М.Д. Ук. соч. С. 254, 198, 261, 263, 380, 827; См. также: Комзолова А.А. Ук. соч. С. 185-187; Бендин А.Ю. Ук. соч. С. 395.

имевшей большой вес группой государственных деятелей, к числу которых принадлежали великий князь Константин Николаевич, А.В. Головин, В.А. Долгоруков, П.А. Валуев, П.А. Шувалов, В.А. Тимашев, Л.А. Потапов, Л.С. Маков и другие. Действия виленских генерал-губернаторов, прославившихся «обрусителями» - Муравьева и его преемника П.К. фон Кауфмана – находились под жестким контролем центральных структур (Министерства внутренних дел, III отделения). Данные органы, неизменно возглавлявшиеся сторонниками компромисса с польско-католическими элитами (Валуевым, Тимашевым, Маковым, Долгоруковым, Шуваловым) бдительно следили буквально за каждым шагом виленских властей и немедленно доводили до сведения царя все, что можно было истолковать как чрезмерно репрессивные меры, а в случае нехватки реальных данных – фабриковали вымышленные¹⁴. В результате правление Муравьева и Кауфмана оказалось относительно кратковременным, а пришедшие им на смену правители, прежде всего Потапов и П.П. Альбединский взяли курс на всестороннюю ревизию политики своих предшественников.

При Потапове и Альбединском была произведена замена чиновников на ключевых постах, прекращена государственная поддержка обращений в православие и введения русского языка в дополнительное католическое богослужение, отменено большинство запретов, касавшихся публичного отправления католического культа и даже подан проект полного снятия ограничений на деятельность католической церкви в крае. Потапов открыто заявлял, что у православия в Западном крае нет шансов на успех, что единственным выходом для имперской администрации остается возобновление поиска компромисса с местной польской элитой. Далеко не все из предлагавшихся двумя генерал-губернаторами мер были реализованы, но вероисповедная политика в Западном крае в результате лишилась системного и целенаправленного характера, во многом свелась к поддержанию административной рутины. Это в немалой степени способствовало к началу XX в. назреванию нового кризиса в национально-религиозной сфере¹⁵.

Подводя итог, необходимо отметить, что значительная роль связанных с религией вопросов в общественно-политической борьбе на западных рубежах Российской империи, возрастание роли этих вопросов во второй половине XIX в. представляли собой явления, имевшие глубокие исторические корни и тесно связанные с социально-политическими трансформациями, происходившими в России в эпоху Великих реформ. Апелляция вождей и

¹⁴ Долбилов М.Д. Ук. соч. С. 410-411, 420-422, 430, 880

¹⁵ Долбилов М.Д. Ук. соч. С. 455, 525, 615, 687-689; Комзолова А.А. Ук. соч. С. 241-337; Западные окраины Российской империи. С. 263, 281.

участников восстания 1863 г. к вероисповедным вопросам способствовало обострению конфликта, придало ему форму религиозного противостояния. Столкнувшись с небывалыми по остроте противоречиями, которым, по сути, не было прецедента в истории имперского государства, власти попытались пересмотреть основы традиционной вероисповедной политики в Западном крае и Царстве Польском. Однако стремление к сотрудничеству с местными элитами в национальных регионах, традиции легалистского, сословно-династического этоса, превалировавшего в сознании верхов на протяжении большей части истории Российской империи, не позволили придать этим изменениям системный целенаправленный характер.

Литература:

1. Weeks T. Religion, Nationality, or Politics: Catholicism in the Russian Empire, 1863-1905 //Journal of Eurasian Studies. 2011. No. 2.
2. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. //Русский сборник. Т. XV. Восстание 1863 г. М.: Модест Колеров, 2013.
3. Андреев А.Н. Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX века (пор мемуарам В.Н. Головиной) // Российская история. 2010. №2.
4. Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир, 2017.
5. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛО, 2010.
6. Долбилов М.Д. Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: НЛО, 2006.
7. Знаменский П.В. История русской церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.
8. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.
9. Лушпай В.Б. Иезуиты в политике Екатерины II //Вопросы истории. 1999. №8. С. 130-137.

ПОЛЯКИ ИЛИ СТУДЕНТЫ? ПОЖАРЫ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВЕСНЫ И ЛЕТА 1862 ГОДА

С 1861 г. и в Петербурге начинают появляться и первые революционные прокламации; в университетах Империи начались волнения¹. В июне 1861 года были арестованы П.Г. Заичневский и П.Э. Агрипопуло – студенты Московского университета, которые распространяли сочинения Герцена и прокламации². В Петербурге университет был закрыт, а 4(16) декабря 1861 г. последовало Высочайшее повеление всем студентам «окончательно воспретить ношение студенческой формы». Донашивать имевшуюся можно было до 21 июля (2 августа) 1862 г.³ Студенческая форма впервые стала признаком неблагонамеренности, что скажется позднее. В 1862 г. стал очевиден рост революционного движения в России, которое симпатизировало польскому освободительному движению.

Многое было впервые. Поначалу представители власти явно не знали, как реагировать на такую новинку, как листовки неизвестных подпольных организаций. 19 апреля (1 мая) 1862 г. обер-полицмейстер Петербурга ген.-л. И.В. Анненков обратил внимание своих подчиненных «на разбрасывание в городе людьми неблагонамеренными разных воззваний»⁴. Это было только начало. В мае 1862 г. в Петербурге, Москве и ряде провинциальных городов появилась новая прокламация – «Молодая Россия»⁵. В ней говорилось, что царство несправедливости может изменить только «революция кровавая и неумолимая, - революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». ⁶ Авторы прокламации были настроены предельно радикально, они отвергали даже авторитет Герцена: «...сейчас, «Колокол» не может служить не только полным выражением революционной партии, но даже и отголоском их».⁷

¹Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. СС. 390-391.

² Дело Заичневского. // О минувшем. Исторический сборник. СПб., 1909. С. 122.

³ Часть официальная. Приказы С.-Петербургского обер-полицеймейстера по С.-Петербургской полиции. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 22 мая 1862 г. №142. С. 1.

⁴ Часть официальная. Приказы С.-Петербургского обер-полицеймейстера по С.-Петербургской полиции. 19 апреля 1862 года. №74. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 20 апреля 1862 г. №84. С. 1.

⁵ Попов И.П. Где была отпечатана прокламация «Молодая Россия»? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 152.

⁶ Приложение. Молодая Россия. // Козьмин Б. [П.] П.Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932. С. 160.

⁷ Там же. С. 162.

Вслед за прокламациями весной 1862 г. по Петербургу и ряду других городов прокатилась волна масштабных пожаров⁸. Начавшись в середине мая в столице, к 20-м числам мая они стали постоянными: Лиговка (16 мая), Большая Охта (21 мая), Каретная часть (22 мая), Охтинская часть (23 мая)⁹. Только в Охтенском квартале сгорело 24 дома, пожар продолжался с пяти до девяти часов утра и нанес убыток в 78 300 рублей¹⁰.

23 мая (4 июня) возникло сразу пять очагов пожара: горел квартал на Тамбовской улице, дом в Николаевском и дом в Лештуковском переулках, дом на Гороховой улице¹¹. В городе именно тогда поползли слухи о поджогах¹². Журналист описывал этот день следующим образом: «Несчастные пожарные команды, заморенные сильнейшими пожарами двух предшествовавших дней – при всем старании, которое выше всяких похвал, по самому роду этих пожаров, ничего не смогли сделать для тушения, и должны были ограничиваться препятствием распространению пожаров на те строения, которые еще уцелели. Сплошной строй строений, переменный ветер, делали тушение физически невозможным. В одно время горело более двадцати строений».¹³ Пожарные действовали безостановочно в течение 7 часов, ценой невероятных усилий им удалось остановить дальнейшее распространение огня¹⁴. 24 мая (5 июня) крупный пожар произошел на складе лесного товара в Москве – ночью над городом стояло зарево¹⁵.

⁸Телеграфическая депеша. Могилев, 28 мая. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 30 мая 1862 г. №115. С. 458.; Из донесений губернских начальств о происшествиях. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 9 июня 1862 г. №124. СС. 494-495.; Приказ московского обер-полицеймейстера. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 15 июня 1862 г. №129. СС. 514-515.; Подробности о пожаре в г. Боровичах. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 15 июня 1862 г. №129. С. 515.; Пожар в слободе Такмышкой. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 3 июля 1862 г. №143. С. 571.; Зажигательство в Луге. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 4 июля 1862 г. №144. С. 575.; Пожар в Саратове. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 23 августа 1862 г. №184. С. 738.; Пожар в Мензелинском уезде Оренбургской губернии; Пожар в Тифлисе. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 27 мая 1862 г. №113. С. 509.; Разные известия. Подробности о пожаре 22-го мая. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 31 мая 1862 г. №115. С. 515.; Пожар в Гельсингфорсе. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 2 июня 1862 г. №117. С. 525.; Разные известия. Пожары. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 17 июня 1862 г. №137. С. 609.

⁹ Разные известия. Пожары. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 24 мая 1862 г. №110. С. 497.

¹⁰ С.-Петербург. 27-е мая. Дневник приключений// Ведомости С.-Петербургской полиции. 22 мая 1862 г. №142. С. 1.

¹¹ План тех частей города С. Петербурга, где наиболее опустошено домов пожарами мая месяца сего 1862 года. С разрешения Военно-Топографического Депо. Одобрено цензурой 11 июля 1862 года. Л. 1.

¹²Пожары 25-го мая в С. Петербурге. // Русский инвалид. 25 мая 1862 г. №115. С. 395.; Разные известия.

¹³Пожары в Санкт-Петербурге. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 27 мая 1862 г. №113. С. 509.

¹⁴ Константинович Дм. Заметка по поводу пожаров. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 30 мая 1862 г. №114. С. 511.

¹⁴ Часть официальная. Приказы С.-Петербургского обер-полицеймейстера по С.-Петербургской полиции. 25 мая 1862 года. // Ведомости С.-Петербургской полиции. мая 1862 г. №84. С. 1.

¹⁵Из Москвы. // Биржевые ведомости. 2 июня 1862 г. №113. С. 478.

По Положению 23 июня 1853 г. городские полицейские команды формировались из расчета 5 полицейских на 2 тыс. жителей и 1 унтер-офицер и 9 полицейских на 5 тыс. жителей, пожарные команды формировались за счет городских расходов и страховых сборов¹⁶. Петербург делился на 56 кварталов, полицейские силы по штату состояли из 13 приставов, 112 квартальных надзирателей и 224 помощников квартальных надзирателей (по 112 старших и младших), пешей воинской команды (13 фельдфебелей, 52 унтер-офицера, 660 рядовых и 13 барабанщиков), 56 старших и 56 младших городских унтер-офицеров, 903 городских стража¹⁷. В распоряжении обер-полицейстера было 12 исполнительных и 11 следственных приставов¹⁸. Жалованье было небольшим - старший городской получал 14, а младший - 12 рублей месяц, при этом они были должны сами покупать себе форму. Сверхштатным городским платили всего 4 рубля в месяц¹⁹.

В Москве полицейские силы возглавлял обер-полицейстер, 3 полицмейстера, 17 частных приставов, 90 квартальных надзирателей. В их состав входили, включая жандармский дивизион, Сводный казачий полк, пешую воинскую команду и т.д. входили 714 офицеров и чиновников и 4 665 нижних чинов. Из них собственно городская стража состояла из 91 унтер-офицера и 1167 нижних чинов²⁰. Казаки использовались в Москве для конного патрулирования с 1806 года. Сначала это были донцы, а затем уральцы и оренбуржцы, с 1855 г. Сводный полк имел в своих рядах 1013 нижних чинов и 23 офицера. В 1861 году его планировали расформировать, но так и не сделали²¹. В 1862 году об этом уже не могло быть и речи. Московская пожарная часть состояла из 1 брандмайора, 20 брандмейстеров и чиновников и 1 644 служителей²². Пожарные силы Петербурга включали в себя 1 брандмайора, 13 брандмейстеров, 13 старших и 13 младших унтер-офицеров, 706 рядовых, 104 фурмана и 1 коновала²³. Этого оказалось недостаточно.

В Петербурге в 1857 году жило 494 656 чел.²⁴, по переписи 1865 года в северной столице, имевшей площадь 92 квадратные версты, проживало

¹⁶ Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. СС. 19-20.

¹⁷ Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. 1703-1903. СПб., 1903. СС. 117-119.

¹⁸ Адрес-календарь. Общая роспись начальственных и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом Княжестве Финляндском на 1862-1963 год. СПб., 1863. Ч.2. Власть и местные управления губернского, уездного, городского и ведомства их. Ст. 285.

¹⁹ Наталья С. Московские заметки. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 10 июня 1862 г. №126. С. 1006.

²⁰ Б-ь. Бюджет московской городской полиции. // Современная летопись. Март 1862 г. №11. С. 2.

²¹ Железнов И. По поводу упразднения казачьего полка в Москве. // Современная летопись. Август 1861 г. №34. С. 1.

²² Б-ь. Бюджет московской городской полиции. // Современная летопись. Март 1862 г. №11. С. 2.

²³ Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство... С. 125.

²⁴Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.-Л., 1957. С. 25.

539 122 чел. В Петербурге было 8 627 каменных и 10 805 деревянных домов²⁵. Огонь начинался в разных концах города и при сильном ветре пожары быстро распространялись по деревянным и каменно-деревянными зданиям. Вслед за одним пожаром почти немедленно начинался другой²⁶. В 02.00 25 мая (6 июня) на Малой Охте начался пожар – выгорела Солдатская слободка, затем в разных концах города начались другие, вновь их было пять²⁷.

Если в 1861 в Петербургской губернии пожары нанесли ущерб на 500 тыс. руб., то только пожары в Апраксином и Щукином Дворах Петербурга в 1862 г. нанесли ущерб в 20 млн. руб. серебром²⁸. Это был «центр бойкой петербургской торговли»²⁹ - большие здания, в которых располагались рынки, многочисленные лавочки и мастерские, а также и жилые номера³⁰. В первой половине XIX века постоянно увеличивалась численность крестьянского населения Петербурга. В 1843 году крепостные составляли 62,7% всех крестьян, живших в городе. Они приходили сюда на заработки. В 1857 году их было 202 847 чел., дворян – 2 496 чел.³¹ В 1865 году постоянное население города составляло 74 336 мужчин и 93 601 женщин, 33% от общего. Остальное числилось как «наплывное» - 208 313 мужчин и 130 832 женщин. Большая часть из них были крестьянами Санкт-Петербургской и соседних с ней губерний. Были иностранцы – 8 223 мужчин и 7 725 женщин. Самыми крупными общинами (в порядке убывания) были немцы, французы и англичане. В городе имелось 46 192 малых (менее 3 жилых комнат) и 30 988 больших (более 3 жилых комнат) квартир. Самыми густонаселенными были бедные районы и малые квартиры³². Здесь селились приехавшие в столицу на заработки люди. Эта категория и пострадала больше других от огня.

Пожар в Апраксином Дворе начался 28 мая (9 июня) около 17.00, сильнейший ветер, близость деревянных построек и дровяных складов превратило его в настоящее бедствие³³. Старожилы Петербурга не помнили

²⁵ Санкт-Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы. СПб., 1868. Т.3. Исследования по статистике С.-Петербурга. СС. 5; 7-8.

²⁶ Приказ с.-петербургского обер-полицеймейстера по с.-петербургской полиции, 25 мая 1862 г. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 30 мая 1862 г. №115. С. 458.; Разные известия. Пожар 28-го мая в Санкт-Петербурге. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 31 мая 1862 г. №115. С. 515.

²⁷ Пожары 25-го мая в С. Петербурге. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 26 мая 1862 г. №140. С. 560.

²⁸ Неофициальная часть. Митрополитов Н. Пожары в России и меры к их уменьшению. // Тверские губернские ведомости. 11 января 1864 г. №2. С. 9.

²⁹ Беллостин. Из Петербурга. 31 мая. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №23. С. 17.

³⁰ Дмоховский И. Заметки о пожаре 28-го мая (К издателю Северной Пчелы). // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №145. С. 379.

³¹ Копанев А.И. Население Петербурга... СС. 25; 27-28.

³² Санкт-Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы. СПб., 1868. Т.3. Исследования по статистике С.-Петербурга. СС. 9; 14; 8-19.

³³ Пожар. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №118. С. 940.

ничего подобного³⁴. Фактически выгорел целый квартал³⁵. «Пламенное море разлилось на обширном пространстве, угрожая дому министерства народного просвещения, Пажескому корпусу, Публичной библиотеке, Гостиному Двору». ³⁶ Пространство между Чернышовым и Апраксиным переулками, Садовой улицей и Фонтанкой превратилось в дымящиеся развалины. Ущерб был огромен³⁷. Пожар окончился в полночь. «От Апраксина и Щукина двора остались лишь груды железа и остовы домов, выходящих на Садовую и в Апраксин переулок». ³⁸

На близлежащих улицах царил полный беспорядок – с верхних этажей и лавок выбрасывали имущество, надеясь спасти его от огня, люди в чем попало тащили из номеров и складов свое имущество, преграждая подъезды к горящему зданию для пожарников, все это быстро занималось огнем от жара, кто-то крал или брал из дымящейся грязи вещи, горками лежал кофе, чай, сахар и т.д. Сгорело и соседнее здание МВД. Это была катастрофа³⁹. «Во время пожара, - вспоминал очевидец, - Петербург представлял картину города, спасающегося от нашествия неприятеля...»⁴⁰ Особенно сильно пострадали мелкие торговцы – они, как правило, не страховали свое имущество ⁴¹. Пожары нанесли сильнейший удар по страховым обществам, но те выполняли свои обязательства⁴².

«Да, тяжка была для Петербурга прошедшая неделя, - сообщали «Санкт-Петербургские ведомости», - разорение, нищета водворились в семействах беднейших жителей столицы: тысячи мелких торговцев Щукина, Апраксина и Толкучего Двора подверглись страшным разорениям». ⁴³ Пожары поразили прежде всего бедные районы города. Сотни семей рабочих и городской бедноты лишились крова и оказались на улицах⁴⁴. Женщины, дети, мужчины всех возрастов, в том числе и получившие ранения от огня, вынуждены были укрываться чем попало и заниматься попрошайничеством. Все они

³⁴ Петербургские пожары. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №23. С. 16.

³⁵ План тех частей города С. Петербурга, где наиболее опустошено домов... Л. 1.

³⁶ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 399.

³⁷ С.-Петербург, 29-го мая. // Биржевые ведомости. 30 мая 1862 г. №110. С. 465.

³⁸ Петербургские пожары. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №23. С. 16.

³⁹ Пожары в Петербурге. // Русский инвалид. 31 мая 1862 г. №119. СС. 351-352.; Дмоховский И. Заметки о пожаре 28-го мая (К изданию Северной Пчелы). // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №145. С. 379.; На пожаре. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 7 июня 1862 г. №151. С. 601.

⁴⁰ Петербургские пожары. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №23. С. 16.

⁴¹ Пожар. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №118. С. 940.

⁴² С.-Петербург, 31-го мая. // Биржевые ведомости. 1 июня 1862 г. №112. С. 474.

⁴³ Россия, Санкт-Петербург, 7 июня. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 7 июня 1862 г. №123. С. 543.

⁴⁴ Серно-Соловьевич Н. По поводу пожара. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 30 мая 1862 г. №116. С. 924.

нуждались в срочной помощи⁴⁵. Тысячи обездоленных потерявших все и отчаявшихся людей стали специфической средой – «нравственное потрясение усиливается различного рода толками и слухами, по всей вероятности, неосновательными или преувеличенными».⁴⁶ Слухи о поджогах начались сразу же⁴⁷.

Газеты призывали соблюдать правила Пожарного устава действующего свода законов⁴⁸, где особо оговаривались правила для Петербурга (статьи 41-44), запрещавшие складирование дров у домов, перекрытие свободных проездов во дворы домов, постоянный контроль над печами, кузнецами, слесарнями, банями и т.п. Без разрешения полиции запрещалось хранение ружей и пистолетов, организацию фейерверков и иллюминаций⁴⁹. После первых пожаров в столице поползли слухи о том, что городское начальство будто бы не предпринимает решительных мер по борьбе с ними⁵⁰.

30 мая (11 июня) в Петербурге было введено дневное и ночное патрулирование домов, в котором принимали участие полиция, дворники и домовладельцы⁵¹. О всех подозрительных случаях они должны были немедленно сообщать полиции⁵². В приказе обер-полицмейстера особо отмечалось, что жители и домовладельцы призывались помогать полиции выявлять подозрительных людей, «но не позволяя себе какого-либо самоуправства и не допуская до того и других»⁵³.

На следующий день указом императора была организована следственная комиссия во главе с ген.-ад. Н.В. Зиновьевым, дела поджигателей и возбудителей беспорядков передавались в военные суды с разбором дел в 24 часа⁵⁴. Приговоры подвергались конфирмации военных губернаторов. В

⁴⁵ К.Т. Помощь во-время (К издателю Северной Пчелы). // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 30 мая 1862 г. №143. С. 371.; К.Т. Помощь вовремя. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №118. С. 940.

⁴⁶ Серно-Соловьевич Н. Еще по поводу пожаров. // Биржевые ведомости. 31 мая 1862 г. №111. С. 469.; То же. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №145. С. 379.

⁴⁷ Петербургские пожары. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №23. С. 16.; Беллюстин. Из Петербурга. 31 мая. // Там же. С. 17.

⁴⁸ С. Петербург, пятница, 1-го июня 1862 г. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 1 июня 1862 г. №145. С. 377.

⁴⁹ Пожарный Устав. Глава вторая. О мерах предосторожности от пожаров. // Свод законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842. Т. 12. Свод Уставов государственного благоустройства. Часть четвертая. Уставы путей сообщения, строительный и пожарный. СС. 344-347.

⁵⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 109. Ведомости о происшествиях. Оп. 202. IV эксп. 1862. Д. 128. Л. 1.

⁵¹ С.-Петербург, 30 мая. Распоряжение с.-петербургского обер-полицеймейстера. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 31 мая 1862 г. №116. С. 462.

⁵² Распоряжения С.-Петербургского обер-полицеймейстера. // Русский инвалид. 31 мая 1862 г. №119. С. 349.

⁵³ Часть официальная. Приказы С.-Петербургского обер-полицеймейстера по С.-Петербургской полиции. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 30 мая 1862 г. №115. С. 1.

⁵⁴ Отдел официальный. Высочайшее появление. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 1 июня 1862 г. №117. С. 465.

состав комиссии вошло 7 чиновников от разных ведомств, петербургский губернский предводитель дворянства, городской голова и 4 гласных городской Думы. Город был разбит на 3 временных военных губернаторства.⁵⁵

Суды, по Высочайшему повелению, должны были руководствоваться «полевыми уголовными законами».⁵⁶ 5 июня были определены временные штаты городской стражи Петербурга – 950 чел.⁵⁷ Их укомплектовали нижними чинами гвардейских полков.⁵⁸ 6(18) июня такие же правила в отношении поджигателей, как и в столице, были введены и в губерниях⁵⁹. Военные суды должны были руководствоваться статьями 631 («Грабеж лиц, домов, имений и вообще собственности наказывается смертью»), 632 («Наказывается равным образом зажигательство домов, истребление лесов и жатв и убийство жителей») и 20 («Виды наказаний смертной казни суть: расстреливание и повешение») «Военных постановлений», Часть V, книга 1⁶⁰.

В провинции приговоры военных судов передавались для подтверждения генерал-губернатору, военному губернатору, а «где оных нет – ближайшему корпусному командиру, начальнику дивизии или начальнику корпуса внутренней стражи».⁶¹ Московский обер-полицмейстер ввел усиленные меры по контролю над дровяными складами и пожароопасными складами⁶², казанский военный губернатор установил денежную премию в 3 рубля серебром первому прибывающему на пожар водовозу⁶³.

Даже экстраординарные меры не помогли. Современник писал: «И действительно: горят деревни и села, губернские и уездные города и наконец столицы».⁶⁴ Впрочем, на самом деле пожары в провинции не были крупными. Ничего экстраординарного не происходило. Например, в мае 1862 года в Казанской губернии было 16 пожаров, два самых крупных из них – в селе

⁵⁵ Часть официальная. Приказы С.-Петербургского обер-полицеймейстера по С.-Петербургской полиции. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 1 июня 1862 г. №117. С. 1.

⁵⁶ Часть официальная. Высочайшие повеления. О суждении военным судом виновных в поджогах в С.-Петербурге. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 7 июня 1862 г. №122. С. 1.

⁵⁷ Приказы Санкт-Петербургского обер-полицеймейстера. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 7 июня 1862 г. №121. С. 540.

⁵⁸ Высоцкий И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство... С. 176.

⁵⁹ Внутренние известия. О предании военному суду виновных в поджоге, в губерниях. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 7 июня 1862 г. №122. С. 486.

⁶⁰ Часть официальная. Высочайшие повеления. О предании военному суду виновных в поджоге, в губерниях. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 7 июня 1862 г. №122. С. 1.

⁶¹ Часть официальная. Отдел первый. О предании военному суду виновных в поджоге, в губерниях. // Самарские губернские ведомости. 4 августа 1862 г. №31. С. 397.

⁶² Москва. От обер-полицеймейстера. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 9 июня 1862 г. №125. СС. 999-1000.

⁶³ Часть официальная. Распоряжения г. Казанского Военного губернатора. // Казанские губернские ведомости. 25 июня 1862 г. №25. С. 268.

⁶⁴ Неофициальная часть. Митрополитов Н. Пожары в России и меры к их уменьшению. // Тверские губернские ведомости. 11 января 1864 г. №2. С. 8.

Ильинское и деревне Спасское нанесли ущерб в 13 279 и 12 260 руб. Остальные были скромнее – в пределах 400-800 рублей⁶⁵. В июне в Казанской губернии было 33 пожара (ущерб от 200 до 5 860,5 руб.)⁶⁶, в июле 29 пожаров (ущерб от 50 до 2 427 руб.)⁶⁷, в августе – 24 пожара (ущерб от 100 до 18 999 руб.). Только в этот месяц было зафиксировано 1 подозрение на поджог в деревне⁶⁸.

В соседней Самарской губернии пожары были очень немногочисленными, ущерб от них колебался от нескольких сотен до 21 474 руб.⁶⁹ Возможно, это было связано с дождливым холодным летом⁷⁰, а возможно, и с тем, что городская и земская полиция плохо справлялась с отчетностью. Губернатор строго требовал подавать отчетность о происшествиях в 2-недельный срок под угрозой взыскания, т.к. «для составления ведомостей о происшествиях не требуется ни особенных умышленных соображений, ни капитального труда».⁷¹ В любом случае, о поимке, привлечении к суду и наказаниях поджигателей, как и о самых поджогах не упоминалось. Местная судебная и административная хроника – это сообщения о несостоятельных должниках, описании имущества, имущественных спорах, беглых арестантах⁷², поимке бродяг и высылке их в Сибирь, кражах и т.п.⁷³ Схожей была и ситуация в Саратовской губернии. В Саратове в 1856 году проживало 57 119 постоянно и 22 821 временно живущих горожан⁷⁴. В городе произошло несколько пожаров с максимальным ущербом около 1 тыс. руб.⁷⁵ В Симбирской губернии ничего

⁶⁵ Часть неофициальная. Происшествия в губернии за май месяц. // Казанские губернские ведомости. 11 июня 1862 г. №23. С. 251.

⁶⁶ Часть неофициальная. Происшествия в губернии за июнь месяц. // Казанские губернские ведомости. 13 июля 1862 г. №28. С. 294.

⁶⁷ Часть неофициальная. Происшествия в губернии за июль месяц. // Казанские губернские ведомости. 17 августа 1862 г. №33. С. 334.

⁶⁸ Часть неофициальная. Происшествия в губернии за август месяц. // Казанские губернские ведомости. 14 сентября 1862 г. №37. С. 356.

⁶⁹ Часть неофициальная. Вести из уездов. // Самарские губернские ведомости. 8 сентября 1862 г. №36. С. 265.; Часть неофициальная. Хроника происшествий и случаев. // Самарские губернские ведомости. 6 октября 1862 г. №40. С.294.; Часть неофициальная. Самара. Местные известия и заметки. // Самарские губернские ведомости. 24 ноября 1862 г. №47. С. 351.

⁷⁰ Часть неофициальная. Самара. Местные известия и заметки. // Самарские губернские ведомости. 25 августа 1862 г. №34. С. 251.

⁷¹ Часть официальная. Отдел второй. Циркуляры г. Начальника губернии. 13 августа, 1862 года. // Самарские губернские ведомости. 3 ноября 1862 г. №44. С.629.

⁷² Часть официальная. Отдел первый. О вызове лиц по судебным и тяжбым делам. // Самарские губернские ведомости. 3 ноября 1862 г. №44. СС. 616-619.

⁷³ Часть официальная. Отдел первый. // Самарские губернские ведомости. 10 ноября 1862 г. №45. СС. 644-646.

⁷⁴ Часть официальная. О движении народонаселения по Саратову (Отрывок из особого исследования о законах движения в биометрическом отношении). // Саратовские губернские ведомости. 4 августа 1862 г. №31. С. 336.

⁷⁵ Часть неофициальная. Местные заметки. // Саратовские губернские ведомости. 6 октября 1862 г. №40. С. 419.; Часть неофициальная. Местные заметки. // Саратовские губернские ведомости. 20 октября 1862 г. №42.

сколькo-нибудь стоящего заметки в губернском вестнике не было, а в Тамбовской губернии пожары были незначительными и явно не выходили за пределы обычного – от 4 пожаров в марте (6 дворов и 1 мельница)⁷⁶ до 10 в апреле (66 дворов, 2 риги и 1 мельница)⁷⁷, 9 пожаров во второй половине октября (22 дома)⁷⁸, 36 пожаров за ноябрь (64 двора, 2 овина, питейный дом). Заявленные убытки были незначительными – от 1470 до 1 000 руб.⁷⁹

Конечно, самыми масштабными потери были в столице. Газеты пытались успокоить горожан: «Печальное происшествие: несколько одновременных пожаров, истребивших целые кварталы, наполненные преимущественно населением бедного рабочего класса, занимает в эту минуту все городские сословия, и порождает разнообразные толки, большею частью неосновательные, порожденные неожиданностью и небывалостью случая.»⁸⁰ Появились и слухи о том, что виноваты студенты (после волнений 1861 г. университет был закрыт и студентам запрещалось даже ношение своей формы⁸¹). «Учащаяся и ученая молодежь» стала главным объектом подозрений⁸². Разумеется, свою роль сыграла «Молодая Россия». Слухи немедленно связали её призывы с пожарами⁸³, и эти слухи распространялись быстро и широко и были услышаны и властью⁸⁴.

Многие понимали, насколько опасны бывают последствия таких толков, и напоминали последствия холерных бунтов⁸⁵. Основания для опасений были. Распространялись слухи о том, что поджигатели посылают своим будущим жертвам письма, хвастаясь своими успехами⁸⁶. Слухи вызвали всеобщую подозрительность, которая быстро начала принимать признаки общественной истерии. Достаточно было появиться пятну на заборе или стене дома, чтобы вызвать беспокойство жителей, а если дворник начинал стирать это пятно,

С. 428.; Часть неофициальная. Местные заметки. // Саратовские губернские ведомости. 27 октября 1862 г. №43. С. 436.

⁷⁶Часть неофициальная. Местные известия. // Тамбовские губернские ведомости. 5 мая 1862 г. №18. С. 151.

⁷⁷Часть неофициальная. Необыкновенные происшествия. // Тамбовские губернские ведомости. 19 мая 1862 г. №20. С. 167.

⁷⁸Часть неофициальная. Необыкновенные происшествия за вторую половину октября. // Тамбовские губернские ведомости. 17 ноября 1862 г. №46. С. 362.

⁷⁹Часть неофициальная. Необыкновенные происшествия в течение первой половины ноября. // Тамбовские губернские ведомости. 24 ноября 1862 г. №47. С. 371.; Часть неофициальная. Необыкновенные происшествия в течение второй половины ноября месяца. // Тамбовские губернские ведомости. 29 декабря 1862 г. №52. С. 414.

⁸⁰Петербургское обозрение//Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 31 мая 1862 г. №144. С. 573.

⁸¹ Приказы С.-Петербургского обер-полицеймейстера по С.-Петербургской полиции мая 20-го дня 1862 года. // Русский инвалид. 30 мая 1862 г. №118. С. 341.

⁸²Беллостин. Из Петербурга. 31 мая. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №23. С. 17.

⁸³Усов П.[С.] Из моих воспоминаний. М., 2009. С. 165.

⁸⁴ «Россия под надзором»: Отчеты III отделения 1827-1867. Составители М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 593.

⁸⁵Татарinov И. По поводу пожаров. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 2 июня 1862 г. №146. С. 382.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 109. Ведомости о происшествиях. Оп. 202. IV эксп. 1862. Д. 128. Л. 14.

собиралась толпа, готовая искать виновного⁸⁷. Им мог стать кто угодно. Были ли поджоги проявлением революционного террора или нет, полиции доказать не удалось⁸⁸, но подозрение пало на революционеров польского или русского происхождения⁸⁹. Люди стали сами хватать тех, кто вызывал у них подозрение. 24 мая (5 июня) толпа задержала около 60 чел., включая офицера Конно-гренадерского полка. Студенты вновь начали одевать свои шинели, выдавая себя за офицеров⁹⁰. Полиция Московской части с 23 на 24 мая (с 4 на 5 июня) задержала 37 человек, в том числе 1 студента – всех пришлось отпустить из-за отсутствия каких-либо улик⁹¹. Вместо реальных злоумышленников возникали воображаемые. «Некоторые говорили, - писал в своем курсе истории России А.А. Корнилов, - что это поджигают студенты, другие, - что это поляки, и замечательно, что ни одного поджигателя не было поймано, хотя были явные следы поджогов.»⁹²

Штотделение СЕИВК в результате следствия, проведенного по делу о прокламациях, пришло к выводу, что революционеры, в том числе и офицеры, пытаются вести пропаганду среди народа и войск. «Общая доказанная виновность всех арестованных лиц, - гласил отчет, - состоит в распространении возмутительных воззваний и других сочинений с целью поколебать верность народа и войска престолу.»⁹³ Были предприняты меры, разумеется, запретительного характера. На 8 месяцев было приостановлено издание журналов «Современник» и «Русское слово»⁹⁴. Распоряжением военного губернатора столицы ген.-ад. ген. от инф. Н.М. Толстого с целью прекращения слухов «до усмотрения» были закрыты Шахматный клуб и все народные читальни⁹⁵. Причина была простой – клуб и читальня были закрыты «вследствие замеченного вредного направления»⁹⁶. Кроме того, были закрыты и воскресные школы – поступила информация о том, что подозрительные лица ведут там социалистическую пропаганду⁹⁷. Военный министр запретил воскресные школы и в войсках и распорядился строго следить за тем, чтобы в части и училища не проникали бы посторонние, т.к. «под благовидным предлогом распространения в народе грамотности, люди

⁸⁷ Петербургское обозрение. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 4 июня 1862 г. №148. С. 589.

⁸⁸ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 400.

⁸⁹ Харламов А.С. Отрывки из воспоминаний. // Исторический вестник. 1889. №1. С. 97.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 109. Ведомости о происшествиях. Оп. 202. IV эксп. 1862. Д. 128. ЛЛ. 1 об. - 2.

⁹¹ Там же. Л. 8.

⁹² Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 246.

⁹³ «Россия под надзором»: Отчеты III отделения 1827-1867. С. 588.

⁹⁴ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 400.

⁹⁵ Часть официальная. Объявление С.-Петербургского военного генерал-губернатора. // Ведомости С.-Петербургской полиции. 6 июня 1862 г. №121. С. 1.

⁹⁶ Объявление Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 6 июня 1862 г. №120. С. 535.

⁹⁷ С.-Петербург//Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 5 июня 1862 г. №121. С. 964.

злоумышленные покушались в этих школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие». ⁹⁸ Герцен назвал эти действия правительства террором ⁹⁹. Что касается слухов об участии революционеров в поджогах – то тут в Лондоне сомнений не было – слухи распушены III Отделением с целью опорочить эмиграцию ¹⁰⁰.

31 мая (12 июня) митрополит Исидор провел в Исаакиевском соборе молебен об отвращении бедствий, постигших столицу, затем такие молебны ежедневно стали проводиться во всех церквях города. Комиссия Зиновьева объявила о начале сбора информации о случившихся несчастьях, а император распорядился разместить пострадавших в 1-м Сухопутном госпитале, Московских казармах, Старом арсенале и разрешил поставить палатки на Семеновском плацу ¹⁰¹. Здесь был разбит палаточный городок для погорельцев Апраксина и Щукина Дворов ¹⁰². 5(17) июня их посетил военный губернатор, на следующий день – императорская чета ¹⁰³. Для помощи пострадавшим от пожаров в столице был объявлен сбор. С 31 мая (12 июня) по 19(31) августа было собрано 858 664,13 руб. ¹⁰⁴ Только купечество столицы собрало на помощь 400 тыс. рублей, в Петербурге было роздано пособий на 900 тыс. рублей ¹⁰⁵. Александр II выделил из собственных средств 25 тыс. руб. ¹⁰⁶

К середине июня напряжение в Петербурге стало спадать: «Жители столицы начинают отдыхать от панического пожарного страха...» ¹⁰⁷ В городе была усилена охрана, с 22.00 до утра его обходили сторожа с трещотками, независимо от них улицы патрулировали усиленные наряды полиции ¹⁰⁸. Но страх не прошел бесследно. Результатом случившегося было некоторое охлаждение части русского общества по отношению к польскому движению и неуверенность правительства, колебавшегося между ужесточением своей политики в Польше и уступками. Общество было настроено весьма радикально и требовало расправы над поджигателями. Публика «еще более убедилась в том, что с нашими бонапартиками и кромвельчиками добра не

⁹⁸ Приказ Военного министра июня 7-го дня 1862 года №152.// Русский инвалид. 3 июня 1862 г. №126. С. 377.

⁹⁹ Искандер. Молодая и старая Россия. // Колокол. 1 июня 1862 г. №139. С. 1149.

¹⁰⁰ Хроника террора. // Колокол. 15 августа 1862 г. №141. С. 1168.

¹⁰¹ С.-Петербург. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 3 июня 1862 г. №120. С. 955.

¹⁰² Внутренние известия. Санкт-Петербург, 12 июня. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 13 июня 1862 г. №127. С. 505.

¹⁰³ Исаев М. 5-е и 6-е июня на Семеновском плаце. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 13 июня 1862 г. №126. С. 560.

¹⁰⁴ Пожертвования в пользу пострадавших в С.-Петербурге. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 1 сентября 1862 г. №190. С. 763.

¹⁰⁵ Извлечение из отчета министра внутренних дел за 1861, 1862 и 1863 гг. С. 137.

¹⁰⁶ С.-Петербург. // Московские ведомости. Газета политическая и литературная. 5 июня 1862 г. №121. С. 964.

¹⁰⁷ С.-Петербург, 13-го июня. // Биржевые ведомости. 14 июня 1862 г. №123. С. 520.

¹⁰⁸ Беллюстин. Из Петербурга. 25 июня. // Современная летопись. Июнь 1862 г. №25. С. 5.

наживешь». ¹⁰⁹ Пожары вызвали активизацию идеологической борьбы сторонников и противников правительства¹¹⁰.

Настроения русского общества прекрасно описала Одесская газета: «После наводнения, произведенного обличителями по части гадости ближнего и собственных добродетелей (подразумеваемых), всем стало как будто тошно... Не только фразы и слова, но и многие понятия опошлись; устали говорить, устали верить. В таком странном состоянии, точно после всеобщего опьянения, раздался голос нигилизма; с похмелья он был очень кстати, и пришелся ко вкусу. Мы опохмеляемся нигилизмом после обличительной оргии. Все это так, прекрасно; но зачем же подкладывать под это явление чуждые нам теории, которые не выдерживают критики и никому не нужны. Вот это дурно».¹¹¹ Озлобление нарастало.

Даже Герцен заметил, что Москва не поддерживает его и немедленно обвинил первопрестольную столицу в холопстве и предательстве святых традиций Грановского и его друзей¹¹². Это был ответ на критику в катковской «Современной летописи», на которую немедленно отреагировал «Русский вестник». Катков обвинил Герцена в том, что он из лондонского далека натравливает молодежь на радикальные выступления, которые ведут их на каторгу. «Молодую Россию» он назвал «безобразным изделием наших революционеров», также поддержанных Герценом. Впрочем, московский издатель все же увидел разницу между редакцией «Молодой России» и «Колокола»: «Там просто дикое сумасбродство, а тут вы видите старую блудницу, которая вышла плясать перед публикой».¹¹³ Так о Герцене в России еще никто не отзывался. Впрочем, даже в такой полемике Катков не стал обвинять кого-то в поджогах северной столицы. Он был прав – идеологам революции нужен был куда более масштабный пожар: «От петербургских пожаров отрекаются революционные агитаторы, - отрекаются с добродетельным жаром. Но все их отличие от простых поджигателей в том только и состоит, что те поджигают по мелочи, а они engrand.»¹¹⁴

В происки поджигателей власти особо не верили, и найти их не удалось нигде, кроме Одессы. Город, который жил круглогодичной торговлей, испытывал тяжелое время¹¹⁵. Автор «Русского вестника» отмечал: «Пшеница

¹⁰⁹ Корреспондент. Московские письма. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 16 июня 1862 г. №130. С. 517.

¹¹⁰ Балабин И.П. По поводу пожаров материальных и нравственных. // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 17 июня 1862 г. №130. СС. 575-576.

¹¹¹ В.Ч. Нигилизм и нигилисты. // Одесский вестник. 19 июля 1862 г. №78. С. 365.

¹¹² И-р. Москва нам не сочувствует. // Колокол. 1 июня 1862 г. №135. СС. 1117-1118.

¹¹³ Заметка для издателя «Колокола». // Русский вестник. Т. 39. №6. С. 848.

¹¹⁴ Там же. С. 852.

¹¹⁵ Равинович О.А. Время не терпит. Голос с Юга. // Русский вестник. Т. 39. №6. СС. 617-618.

– это барометр Одессы.»¹¹⁶ Несколько лет подряд показатели этого барометра падали, торговля несла убытки, не выдерживая конкуренции с Дунайскими княжествами и Австрией, где перевозка по железной дороге или Дунаю делала цены ниже, чем в Одессе¹¹⁷. Настроения были невеселыми, а в июне 1862 года в городе тоже начались пожары, и тоже многочисленные – до 5 в день. Выяснилось, что они действительно были вызваны поджогами, правда, в отличие от северной столицы, по согласованию с домохозяевами. Аферистам не повезло. Четверо были пойманы – ими оказались три местных еврея и один чиновник. С пойманными поджигателями не церемонились. Одного линчевали на месте преступления, трое остальных попали в действовавший военный суд¹¹⁸.

26 июля в 08.00 на Скаковом поле они были расстреляны¹¹⁹ (всего в 1862 году к смертной казни военными судами было приговорено 15 чел.¹²⁰, при том, что в 1861 году смертных казней не было, хотя за действия против правительства было осуждено 100 человек¹²¹, и только в 1863 году, когда началось восстание в Царстве Польском, затронувшее соседние губернии, к смертной казни военными судами было приговорено 26 офицеров, 46 нижних чинов, 215 гражданских лиц¹²²). Редкое зрелище публичной казни собрало толпу около 20 тыс. чел., по которой шныряли воришки¹²³. Информация об этих событиях попала в центральную прессу¹²⁴. Возмущенный Герцен назвал случившееся «юридическим убийством»¹²⁵.

Такого рода приемы были уже хорошо известны читающей публике: «"Если ты не с нами, так ты подлец!" Держась такого принципа, наши либералы предписывают русскому обществу разом отречься от всего, во что оно верило, и что срослось с его природой.»¹²⁶ Результат был неизбежен – общество стало отворачиваться от того, кто пытался диктовать ему условия.

¹¹⁶ Там же. С. 619.

¹¹⁷ Там же. СС. 620; 622-623.

¹¹⁸ Одесский листок. // Одесский вестник. 31 июля 1862 г. №31. С. 386.

¹¹⁹ Современная хроника. // Одесский вестник. 26 июля 1862 г. №81. С. 379.

¹²⁰ Часть аудиторiatская. Движение следственных и военно-судных дел. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1862 год. Представлен Государю Императору 31 декабря 1863 года. СПб., 1864. С. 28.

¹²¹ Часть аудиторiatская. Движение следственных и военно-судных дел. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1861 год. Представлен Государю Императору 1 января 1863 года. СПб., 1863. С. 288.

¹²² Приложения. Отчет аудиторiatского департамента Военного министерства за 1863 год. // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1863 год. Представлен Государю Императору 1 января 1865 года. СПб., 1865. С. 5.

¹²³ Одесский листок. // Одесский вестник. 31 июля 1862 г. №31. С. 386.

¹²⁴ Зрители смертной казни. // Северная почта. Газета Министерства Внутренних дел. 18 августа 1862 г. №180. С. 721.

¹²⁵ Хроника террора и прогресса. // Колокол. 1 сентября 1862 г. №143. С. 1182.

¹²⁶ С. Петербург, 20-го мая 1862 г. // Северная Пчела. Газета политическая и литературная. 20 мая 1862 г. №134. С. 553.

В докладе III Отделения СЕИВК за 1862 год отмечалось: «...пожары, составляя сами по себе большую вещественную потерю, возбудили в публике, особенно же в пострадавшем наиболее торговом и низшем классе здешнего населения, чувство самосохранения, и, вместе с тем, общее негодование против подозреваемых в поджигательстве беспокойных студентов, поляков и вообще против беспокойных голов. Герцен и его пропаганда понесли чрез это довольно сильный удар, которому потом содействовали еще издатели московского журнала «Русский вестник» Катков и Леонтьев, первые в России выступившие печатным, резким словом против несбыточных, пагубных теорий Герцена».¹²⁷

Вообще-то за весь 1862 год «Русский вестник» опубликовал всего лишь две статьи, одна из которых была посвящена Герцену¹²⁸, а другая – Огареву¹²⁹. Этого оказалось достаточно, чтобы произвести впечатление, замеченное в готовом отчете III Отделения. Очевидно, Катков был прав, когда не без иронии писал о начале своей дискуссии с Герценом: «Мы радуемся открывшейся возможности поговорить с г. Герценом. Мы давно этого добивались; но до последнего времени он был для русской литературы неприкосновенною святыней, более, чем все potentаты мира, так что мы должны были ограничиваться лишь отдаленными намеками, которые, вероятно, и не удаивались счастья быть им замеченными».¹³⁰ Это было первое столкновение, замеченное всеми, и оно стало предвестником решительного боя 1863 года, в котором Герцен потерпит куда более масштабное поражение.

¹²⁷ «Россия под надзором»: Отчеты III отделения 1827-1867. С. 593.

¹²⁸ Заметка для издателя «Колокола». // Русский вестник. Т. 39. №6. СС. 834-852.

¹²⁹ Д.Н. Новые подвиги наших лондонских агитаторов. // Русский вестник. Т. 41. №9. СС. 425-438.

¹³⁰ Заметка для издателя «Колокола». // Русский вестник. Т. 39. №6. С. 834.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Кризис, разразившийся в 1863-1864 гг. в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи, повлек не только резкий рост международной напряженности, но и крайне важные дискуссии о будущем развитии страны и мира. В результате происходило оформление идей, многие из которых имеют значение и в наше время. Западник Михаил Катков смог сформулировать правительственную идеологию, построенную до 1881 г. на принципах национал-либерализма. Славянофил Иван Аксаков позаимствовал из польской публицистики и ввел во внутривосточную дискуссию понятие «интеллигенции» как ведущей социальной силы: на польский манер Аксаков предлагал формировать национально мыслящую элиту, которая возвысилась бы над народом и повела его вперед¹.

Для Федора Достоевского польские события тоже стали крайне важной вехой в творческой биографии. К 1863 г. писатель уже сформулировал «почвенническую» идеологию, в центре которой была «русская идея». Еще в 1860 г. Достоевский писал: «Мы предугадываем, и предугадываем с благоговением, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности». Русская нация по мысли писателя становилась последней в ряду великих европейских наций - и это давало ей известное преимущество. Важно отметить, что Достоевский резко отметал вопрос о правоте западников или славянофилов: «К их домашним раздорам наше время совершенно равнодушно». Западников и славянофилов предстояло помирить на практической почве - в ходе начавшихся Великих реформ. «Русская идея» мыслилась именно в практическом ключе, первым шагом в ее реализации становилось распространение образования в народной среде после предстоявшей отмены крепостного права. Образованная общественность должна отринуть свой космополитизм и обрести почву под ногами путем служения народу. Народ мог помочь образованным людям в новом обретении веры. Развитие образования в народной среде позволило бы

¹Гайда Ф.А. Идеологические дискуссии в России в связи с Польским мятежом 1863-1864 гг. // Польское восстание 1863 года: этнокультурные и межконфессиональные аспекты. Сборник научно-исследовательских работ. Под ред. К.В. Шевченко. Брест, 2023. С. 34-42.

христианским ценностям в их русском осмыслении стать достоянием всего мира².

В 1862 г., накануне польских событий, писатель впервые посетил Европу, в результате чего в издававшемся братьями Михаилом и Федором Достоевскими журнале «Время» в феврале-марте 1863 г. появились «Зимние заметки о летних впечатлениях». Критика Запада в этом произведении была усилена. Если либерализм уже традиционно рассматривался писателем как идеология полицейского контроля, буржуазного фарисейства и несправедливости, то теперь досталось также европейским консерваторам и социалистам. Достоевский отмечал прозелитскую активность католичества в беднейших слоях английского общества³. Наряду с этим констатировалась неспособность социалистов воплотить идею братства⁴. У писателя впервые возникла мысль об органической близости католицизма и социализма, которые использовали социальные язвы капиталистического мира в собственных эгоистических интересах.

К началу польских событий Достоевский уже готов был трактовать их в широком мировом контексте. В апреле 1863 г. «Время» опубликовало статью друга Достоевских Николая Страхова (без подписи), изображавшее русско-польский конфликт как столкновение католического и православного мира. Это встретило резкую критику со стороны «Московских ведомостей» Каткова, упрекнувших журнал в скрытом полонофильстве: «Разумеется, поляки поторопятся перевести эту статью на все языки Европы и скажут: “Вот видите ли, как сами русские думают. Не правы ли мы?” Поди потом разуверь Европу. Она и без того закидала нас грязью и клеветой»⁵. Сам Катков старался разоблачать Польский мятеж как возмущение реакционной шляхты, одинаково враждебное прогрессивному Западу и либеральному курсу Александра II. Главным мотивом Каткова было изолирование поляков от Европы, недопущение создания в ней широкой антирусской коалиции.

Достоевский отметал все эти тонкие расчеты Каткова. Писатель предполагал ответить ему не менее резко, обвиняя в либеральной безликости: «У вас и в воображении никогда не было другой мерки достоинства и развития русского, кроме европейской цивилизации *quand même* [в любом случае - франц.]. Вы ее только одну и признаете. Вы не признаете национального развития, вы не признаете самостоятельности народных начал в русском племени и, во имя вашего англизированного патриотизма,

²<Объявление о подписке на журнал “Время” на 1861 год> // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972-1990 [далее: ПСС]. Т. 18. С. 36-37.

³Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // ПСС. Т. 5. С. 72-73.

⁴Там же. С. 78-81.

⁵Достоевский Ф.М. Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» // ПСС. Т. 20. С. 98. См. также с. 252-255.

обижаются, что поляки нас образованнее, в европейском смысле, другими словами, что русские упорно хотят остаться русскими и не обратились по приказу в немцев или французов». Далее писатель пояснял, почему положение России лучше положения Польши - и этим противопоставлял себя не только Каткову, но и Аксакову. Весь исторический путь Польши решительно отменялся: «Поляков-то и сгубила их цивилизация. Несмотря на всю их гордость этой цивилизацией, до того сгубила, что им теперь уже нет воскресения, хотя бы они и сделались политически независимыми. Европейская цивилизация, которая есть плод Европы и, в сущности, на своем месте в Европе, — в Польше (может быть, именно потому, что поляки славяне) развила антинародный, антигражданственный, антихристианский дух. Она развила у них преимущественно католицизм, иезуитизм и аристократизм, да тем и порешила. Мало того: нигде, может быть, католицизм не получал такой степени прозелитизма, как в Польше»⁶.

Концентрацией католического духа для Достоевского было иезуитство, а средоточием враждебного польского духа - шляхетство. У писателя не найти негативного отношения к польскому народу в целом, но шляхта, по мысли Достоевского, узурпировала право говорить от имени всей Польши. Образ польского шляхтича, изображаемый писателем, очень похож на тот, что мы видим еще у Александра Пушкина: «Поляки лишь хвастают, да пьют»⁷. В романе «Братья Карамазовы» изображены два польских пана: лжецы, шулеры, пьяницы, при этом жадные и гордые. Выпив с Митей Карамазовым за Польшу, они отказываются брататься и пить за Россию, а затем пьют за нее лишь в границах 1772 г.⁸ Тем самым, для Достоевского польские шляхтичи сами отказывались от братства с русскими. В своих записных книжках Достоевский писал по поводу разделов Польши в XVIII в., оправдывая их как вынужденные и справедливые, направленные на воссоединение великорусов, белорусов и малорусов: «Россия, защищаясь, взяла Польшу. Если б не взяла она Польшу, то Польша б взяла родовое наше. Мало того, взяв, Россия тотчас раскаялась». Отметив стремления Александра I возродить польскую государственность и имевшиеся планы вернуть Польше старую границу, писатель замечал: «Приняла ли Польша это как милость, как материнское дело России? Как бы не так». Отсюда следовал вывод: «Польша есть пример политической неспособности жить между славянскими племенами»⁹.

Планировавшаяся в 1863 г. в качестве ответа Каткову статья Достоевского так и не была опубликована: журнал «Время» был закрыт

⁶Достоевский Ф.М. Ответ редакции «Времени» на нападение «Московских ведомостей» // ПСС. Т. 20. С. 99.

⁷Пушкин А.С. Борис Годунов // *его же*, Полное собрание сочинений в 19 т. М.: Воскресенье, 1994-1997. С. 93.

⁸Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // ПСС. Т. 14. С. 382-389.

⁹<Записная тетрадь 1875-1876 гг.> // ПСС. Т. 24. С. 120.

правительством за первоначальную статью Страхова¹⁰. Однако Достоевский и позднее неоднократно возвращался к подобным мыслям. Записная книжка 1863-1864 гг. начиналась словами: «Польская война есть война двух христианств — это *начало* будущей войны православия с католичеством, другими словами — славянского гения с европейской цивилизацией. Итак, развитие у нас и развитие не официальное (по голландской программе), а народное» [здесь и далее: курсив авт. - Ф.Г.]. Итак, Польское восстание становилось стимулом для России начать новый этап своей истории. Позиция «Московских ведомостей» характеризовалась так: «Г-н Катков не находит разницы между нашим официализмом и русскими основными народными силами. Тут г-н Катков сломит ногу». Однако в пику Аксакову Достоевский отрицал и самостоятельность русской «интеллигенции» (образованного «общества») по отношению к русскому народу: «Мы не общество. Простой народ общество; а мы публика»¹¹. Этому противопоставлялась идеология почвенничества: «Воротиться к почве. Никто не может быть *чем-нибудь* или достигнуть *чего-нибудь*, не быв сначала самим собою»¹².

При этом Достоевский вовсе не призывал к самозамыканию. Критикуя Каткова за безликость его доктрины, Достоевский отмечал: «Как не догадаться, что общечеловеческий дух и есть отличительная, личная способность нашей нации»¹³. Поэтому полемика с либералами касалась не наличия или отсутствия универсальных ценностей как таковых, а стремления западников утверждать их по европейским учебникам: «Мы не за то ругаемся с ними, что они проповедуют общечеловека (способность России к синтезу), а за то, что они проповедуют общечеловека на чужих помочах. *C'est plus qu'un crime, c'est une faute* [Это не просто преступление, это ошибка. - франц.]»¹⁴. Под эту критику подпадала и мысль Аксакова об «интеллигенции». И общечеловечность, и национальная идея Достоевским объединялись в почвенничестве: «Только общечеловечность может жить полною жизнью. Но общечеловечность не иначе достигнется как *упором в свои национальности* каждого народа. Идея почвы, национальностей есть точка опоры; *Антей*. Идея национальностей есть новая форма демократии»¹⁵.

В этом пункте уже происходило сближение Достоевского и с позицией Каткова, и с правительственной политикой. Инициированная правительством земельная реформа в Польше, предполагавшая передачу части земли крестьянам, писателем горячо поддерживалась: «Освобождая в Польше

¹⁰Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 20. С. 253.

¹¹<Записная книжка 1863-1864 гг.> // ПСС. Т. 20. С. 170.

¹²Там же. С. 176.

¹³Там же. С. 170.

¹⁴Там же. С. 177.

¹⁵Там же. С. 179.

крестьян и уделяя им землю, Россия уж удела Польшу свою мысль, привила ей свой характер, и эта мысль — *цель*, с которою теперь Польша с Россиею <...> связана нераздельно»¹⁶. Таким образом, по мысли писателя, Россия получала шанс изменить Польшу путем ее «демократизации» и сообщения ей «общечеловеческого духа». Однако эти мысли сподвигли Достоевского и на более концептуальные обобщения касательно судеб России и мира: «Из католического христианства вырос только социализм; из нашего вырастет братство»¹⁷. В апреле 1864 г. Достоевский запишет в книжку: «После появления Христа, как *идеала человека во плоти*, стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего Я, отдать его целиком и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье.

Таким образом, закон *я* сливается с законом гуманизма и в слитии оба, *я* и *все* (по-видимому, две крайние противоположности), взаимно уничтоженные друг для друга, в то же время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо. Это-то и есть рай Христов. Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление к этой цели»¹⁸. Таким образом, в 1863-1864 гг. Достоевским впервые было сформулировано собственное учение о личности, предполагавшей свободное самопожертвование как высшую форму самореализации¹⁹.

Итак, Достоевский предполагал не менять Россию на польский лад (как Аксаков), а обозначить программу преобразования России, Польши и всего мира на основе христианского (православного) понимания братства, противопоставленного как католической, так и социалистической концепциям. Писатель полагал, что на основе эгоизма и жажды власти, на которых и строились все западные идеологии, построение будущего невозможно. Достоевский выстраивал свою концепцию на основе традиционных православных христианских ценностей, но именно в них видел необходимую основу для мирового развития. Альтернативой этому выступал катастрофический сценарий, причем в том числе для самой Польши.

¹⁶ Там же. С. 176.

¹⁷ Там же. С. 177.

¹⁸ Там же. С. 172.

¹⁹ *Гайда Ф.А.* Понятие «личность» в эпоху Достоевского: самосознание или самопожертвование? // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2019. № 2 (6) / Главный редактор Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 45-71. DOI 10.22455/2619-0311-2019-2-45-71.

**ВЗГЛЯДЫ М.Н. КАТКОВА НА «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»
И ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹**

Русско-польские отношения несут в себе конфликтный потенциал уже не одну сотню лет. Нахождение по соседству, претензии на одни и те же земли, спасение у соседей от репрессий своих властей и многие другие взаимодействия породили множество проблем не только в самих отношениях, но в их оценке друг другом, а также сформировали стереотипные взгляды на соседей. Попытка поляков установить свою династию на русском престоле в период Великой смуты начала XVII в. и крушение польской государственности прусско-австро-русской силой в конце XVIII в. также оставили в исторической памяти своеобразное отношение друг к другу. Существование поляков и русских в единой империи было относительно кратким, поэтому устойчивые представления о едином Отечестве и единой исторической судьбене успели в полной мере сформироваться. Более того, польская шляхта к моменту исчезновения Польши с политической карты Европы уже обладала национальным самосознанием, что также дистанцировало часть польских подданных Российской империи, хранивших память о независимом польском государстве в прошлом, от основной массы ее населения. Стоит также заметить, что другие части польских земель с конца XVIII по начало XX в. находились в составе Австрии, с 1867 г. ставшей Австро-Венгрией, и Пруссии, в 1871 г. ставшей Германской империей. Более того, это существование польских земель и польского этноса в составе трех империй выпало на период зарождения европейских национализмов, что также сказалось на формировании устойчивых представлений друг о друге.

XIX в. породил ряд явлений, которых не было ранее. Одним из таких явлений стала широкое распространение журналистики и публицистики, чутко реагирующих на политические, этнические, конфессиональные и иные проблемы. Газеты и журналы стали рупорами мнения различных политических сил, выдаваемых за общественное мнение, и ареной идеологической борьбы. Появилось убеждение, что через печать можно понять запросы общества. Как писал М.Н. Катков: «Печать становится полезною силою в обсуждении общественных вопросов не иначе, как служа непосредственным отражением мнений и желаний самого общества или его законных представителей»². Одним из таких общественных вопросов в

¹ Данный текст является отчасти переработанной версией статьи «“Польский вопрос” глазами М.Н. Каткова и современность», опубликованной в журнале «Тетради по консерватизму». (2018. № 03).

²Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года // Хронос. Всемирная история в интернете. URL: http://hrono.ru/libris/pdf/tesla_aa_katkov1863.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

России второй половины XIX в. был «польский вопрос», который имел достаточно динамичную предысторию. В 1794 г. польские патриоты, протестуя против второго раздела государства, подняли неудачное восстание, спровоцировавшее в 1795 г. третий, окончательный раздел. В результате трех разделов Россия получила восточные земли Речи Посполитой, большая часть которых когда-то входила в состав Древней Руси. Высший слой этих земель состоял из поляков или давно ополячившихся представителей местной знати, т.е. лиц, имевших польскую идентичность. После разделов Польши часть польского дворянства эмигрировала в Европу, а из оставшихся далеко не все оказались лояльны новой родине. В результате политики Наполеона в 1807 г. на польских землях, входивших после разделов Польши в состав Пруссии, возникло Великое герцогство Варшавское, которое оставалось, пожалуй, самым верным союзником Наполеона вплоть до его низвержения. Польские полки приняли активное участие в русской кампании 1812 г. Но после окончательного поражения Франции в 1815 г. практически все Варшавское герцогство вошло в состав России. Так в Российской империи появилось Царство Польское. Оно имело собственную армию, сейм, валюту, польский язык доминировал. Помимо того, Александр I дал Русской Польше конституцию. Западный край, территория которого сформировалась в 1772 – 1794 гг. «губерниями, от Польши возвращенными» (т.е. неэтническими польскими землями, находившимися ранее в составе Польши), также рассматривался поляками как часть Польши. Более того, на него как на Польшу смотрели и некоторые российские чиновники и интеллектуалы. В 1830 – 1831 гг. в Варшаве вспыхнуло восстание против России. Оно было подавлено, после чего Царство Польское лишилось ряда привилегий, в частности, армии. Однако «польский вопрос» не исчез. Польские патриоты организовывали тайные общества не только в Русской Польше, но и в Западном крае, и несколько раз планировали поднять восстания. Но их инициативы не были поддержаны местным крестьянством, в том числе и в этнически польских землях, а имперские власти пресекли деятельность тайных патриотических обществ. В конце 50-х гг. XIX в. польская активность снова усилилась, и в 1863 г. в Варшаве началось очередное польское восстание. Оно возникло в стране в период проведения реформ, что накладывало свой отпечаток на восприятие восстания. Русское общество периода Александра II не являлось носителем консервативных идеалов. Не все чиновники, которые должны были проводить реформы, оказались лояльно настроенными к собственному государству, часть из них сочувственно относилась к польским повстанцам. Это привело М.Н. Каткова

к мысли, что такие люди, проводя реформы, готовы ослабить государство³. Ощущение опасности, которую потенциально могли нести такие реформаторы, по мнению ряда историков, в 1863 г. подтолкнуло эволюцию М.Н. Каткова от либерализма к консерватизму⁴. Именно период восстания, получившего в польской историографии название Январского, стал для М.Н. Каткова временем активной публицистической деятельности, посвященной «польскому вопросу». Не прекращал он заниматься этой темой и позже. Вообще, публицистика М.Н. Каткова богата текстами, так или иначе посвященными «польскому вопросу», поэтому проанализировать весь корпус статей в небольшом исследовании не получится. Тема катковского взгляда на «польский вопрос» поднималась в российской историографии ранее. Например, она исследовалась А.А. Теслей⁵ и К.А. Левинсоном⁶. И тот, и другой авторы также не преследовали целью охватить все наследие М.Н. Каткова, связанное с данной темой, останавливаясь на более интересных их сюжетах.

Формальным поводом для восстания 1863 – 1864 гг. послужил рекрутский набор. В одной из франкоязычных российских газет была помещена статья, разъясняющая европейской публике ситуацию с восстанием. В ней упоминался и рекрутский набор. Причем, журналист как бы извинялся перед европейскими читателями за правительство, объявившее рекрутский набор в Польше, и пытался объяснить, что в некоторых случаях законность не может быть соблюдена. М.Н. Катков обратил внимание на этот извинительный тон и достаточно однозначно отреагировал на статью. Так, он указал, что рекрутский набор – мера совершенно законная, поэтому нет смысла извиняться за его проведение. А саму польскую реакцию на этот набор М.Н. Катков объясняет тем, что под него попали в основном горожане, а не жители сельской местности. В польских же городах находился основной костяк оппозиционных сил – «подземной революции, распространяющей далеко свое зловерное действие»⁷. Попытка сохранить антиправительственные силы и подтолкнула их руководителей к восстанию. Также М.Н. Катков рассуждает о законности и ее нарушениях. В польском случае, он пишет, что законность нарушается для того, чтобы путем временного ограничения прав, путем введения мер общественной безопасности в будущем эту законность восстановить⁸. Вообще, публицист

³Санькова С.М. Государственные реформы и национальный интерес: взгляд из XIX в. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 14. С. 73-74.

⁴Санькова С.М. Государственные реформы и национальный интерес: взгляд из XIX в. С. 71.

⁵Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года.

⁶Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года // Интернет-журнал ГЕФТЕР. URL: <http://gefter.ru/archive/12465> (дата обращения: 15.04.2023).

⁷Катков М.Н. Империя и крамола. М.: Фонд ИВ, 2007. С. 7.

⁸Катков М.Н. Империя и крамола. С. 6.

был «сторонником соблюдения строгой законности в отношении государства и общества»⁹. В качестве вывода к своим рассуждениям о законности и ее нарушении, М.Н. Катков пишет, что наша, т.е. российская беда – это «наша шаткость и несамостоятельность, наша неуверенность ни в чем, даже неуверенность в собственном существовании»¹⁰. Тем самым, публицист призывает не объясняться, а тем более, не извиняться перед Европой за временные ограничения, введенные в Русской Польше в связи с восстанием, а также не извиняться за вполне естественные действия, к которым он относит рекрутские наборы. Вообще, М.Н. Катков оказался практически единственным публицистом, конкретно и четко заявившим о российских государственных интересах и своем отношении к восстанию, что было отражено в его статьях. Остальная пресса находилась в состоянии растерянности и неопределенности и не могла сформулировать свое отношение к произошедшему событию. Давало себя знать и критическое отношение к имперским властям многих русских интеллектуалов того времени, которые достаточно благосклонно относились к польской оппозиции. В этой ситуации «решительное выступление Каткова имело характер гражданского поступка»¹¹.

М.Н. Катков, говоря о «польском вопросе» в 1863 г. делает экскурсы в прошлое. Он напоминает, что ранее Россия находилась в худшем положении, но все равно смогла выстоять, причем, в этих экскурсах поляки упоминаются как российские противники. Так, в 1612 г. «поляки владели Московским Кремлем, этим жизненным средоточием Русской земли, и дружины их жгли и грабили ее, гуляя по всему ее простору и проникая далеко на север». А в 1812 г. «Польша открыла ему [Наполеону – А.Г.] путь внутрь нашей земли, билась с нами под его орлами и вместе с ним присутствовала при московском пожаре»¹². Эти рассуждения являются для М.Н. Каткова некой базой для описания примеров российского патриотизма, который внезапно проявлялся в период кризисов и спасал страну. В 1863 г. произошло то же самое – общество (не абсолютно все, но большая его часть) вдруг проснулось и объединилось вокруг императора. В качестве примера М.Н. Катков приводит «единодушное и единогласное принятие верноподданического адреса по поводу смут, происходящих в Польше, и угроз и оскорблений, которые сыплются теперь со всех сторон на наше отечество»¹³. Это принятие адреса императору, по мнению М.Н. Каткова, было естественно, искренне, а

⁹Перевалова Е.В. Миссия журналистики: взгляд из прошлого (по материалам изданий М.Н. Каткова) // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 52.

¹⁰Катков М.Н. Империя и крамола. С. 8.

¹¹Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года.

¹²Катков М.Н. Империя и крамола. С. 16.

¹³Катков М.Н. Империя и крамола. С. 13.

одушевление «могущественно сливало людей в одно чувство»¹⁴. Таким образом, собственно «польский вопрос» у М.Н. Каткова превращается в «русско-польский», что в катковской риторике и идеологических представлениях совершенно логично. «Польский вопрос» не может существовать в вакууме, иначе бы он не вызывал проблем у России, поскольку она никоим образом не сталкивалась бы с этим вопросом. Апеллируя к истории польской государственности, М.Н. Катков указывает, что «польское государство есть дело польской шляхты, а не польского народа [...]». Польское государство было государством без народа; оно было достоянием шляхты, у которой не было почвы, и которая неминуемо должна была выродиться. Оторвавшись от своего корня, она отрезала себе будущее»¹⁵. Однако стоит заметить, что вряд ли возможно найти хоть одно средневековое государство, которое было бы «делом народа». Все они были «делом» элит. Представляя Польшу как государство без народа, М.Н. Катков однозначно подводил к выводу о неспособности Польши получить массовую поддержку простых поляков, польских низов. Интересно упоминание о том, что у польской шляхты «не было почвы». Непонятно, имеет ли публицист в виду лишь отсутствие прогосударственных, патриотических польских чувств у простых поляков или намекает на бытовавшее даже в XIX в. представление о происхождении польской шляхты от сарматов. В этой теории податное население воспринималось как местные жители, завоеванные шляхтой-сарматами. В таком представлении у шляхты действительно «не было почвы» на этих землях, поскольку она сама себя воспринимала как пришлых завоевателей. Т.е. польская шляхта творила историю, создавала государство, а польский народ был вне этой активности. Интересно, что этот взгляд М.Н. Каткова перекликается с утверждением современного польского философа Б. Лаговского, который говорит, что в «Польше народ не имел истории. На Западе, например, во Франции – народ осознавал себя субъектом истории. Знал, что он играет в ней важную роль – во фрондах, в революциях, особенно в XIX в.»¹⁶. М.Н. Катков выстраивал в своих текстах негативный образ старой Польши, указывая, что «никогда никакая страна не находилась в более жалком положении, чем Польша» накануне разделов, в ней «постоянно господствовали» ужасы, наблюдалось «отсутствие самых элементарных условий общественного порядка», «отсутствие всякой безопасности», «полное господство самой разнузданной анархии»¹⁷. Естественно, что при таком положении существование

¹⁴Катков М.Н. Империя и крамола. С. 13.

¹⁵ Цит. по: Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года.

¹⁶Цит. по: Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Россия и Польша. Опыт политико-ленинологического исследования феномена лимитрофизации. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 126.

¹⁷Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года

государства становится проблемой. Т.е. М.Н. Катков подводил читателя к мысли о естественном исчезновении польской государственности. В описании польского прошлого М.Н. Катков категоричен. Старая Польша не имеет никаких «образцов, годных для подражания», поэтому «гораздо лучше вовсе забыть эту несчастную историю»¹⁸.

Также у М.Н. Каткова «русско-польский вопрос» перемещается в экзистенциальную плоскость. Публицист предполагает, что существование России и Польши одновременно является проблемой борьбы государств друг против друга вплоть до исчезновения одного из них. Поэтому любые попытки поляков восстановить независимость потенциально направлены против России. Одним из элементов этой польской угрозы М.Н. Катков видит борьбу за Западный край Российской империи. Эти земли, ранее в своем большинстве входившие в состав Древней Руси, в XIII – XIV вв. были подчинены Литве, а затем и Польше. Постепенно эта территория стала привычно восприниматься как польская, а ее русская история перестала быть актуальной даже для части русских патриотов. Но польские восстания подняли вопрос о Западном крае, который, в отличие от Царства Польского, состоял из «губерний, от Польши возвращенных», т.е. не собственно Польши. Уже сама формулировка утверждала, что Западный край Польшей как таковой не являлся. Однако все польские восстания ориентировались на возрождение Польши в границах 1772 г.¹⁹, т.е. Западный край должен был стать частью Польского государства. Интерес российских интеллектуалов к Западному краю помог им осознать, что масса его жителей не являлась этническими поляками, а сам край – это не Польша. М.Н. Катков видел в польском желании восстановления Польши угрозу для России, которая заключалась в том, что, во-первых, отделение Польши от России покажет слабость последней, не сумевшей сохранить свою территорию, а во-вторых, независимая Польша тут же начнет претендовать на Западный край, т.е. угроза для потери российских территорий все равно останется²⁰. Один из исследователей катковского взгляда на «польской вопрос» К.А. Левинсон, рассуждая о Западном крае в риторике М.Н. Каткова, указывает, что край был населен белорусами, украинцами и литовцами, «каковых далеко не все считали, подобно Каткову, русскими». В примечании К.А. Левинсон пишет, что «Катков отрицал существование белорусского и украинского народов и языков»²¹. Современный исследователь попадает в этом случае в ловушку модернизации истории. Во времена М.Н. Каткова практически никто не

¹⁸ Цит. по: Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года

¹⁹ В 1772 г. произошел первый раздел Польши. Поэтому апелляция к границам 1772 г. предполагает максимально большую территорию польского государства.

²⁰ Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

²¹ Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

выделял ни белорусов, ни украинцев в отдельные народы, а их речь, соответственно, в отдельные языки. Это относится как к российским, так и к зарубежным ученым. Небольшой круг украинофилов был именно небольшим, поэтому определять всех сторонников украинской или белорусской отдельности словосочетанием «далеко не все», по крайней мере, не корректно²². На самом деле таких было очень небольшое количество. Массовые (именно массовые) представления об отдельности русских (великорусов), белорусов и украинцев (малорусов) появились лишь после революции. Огромная проблема практически всей нынешней белорусской, украинской и, в гораздо меньшей степени, российской историографии в том, что они в описании XIX в. (и других периодов прошлого) игнорируют реальности и представления того времени, активно модернизируя историю, вводя современные представления в прошлое. Так и появляются в худшем случае украинцы и белорусы в период Древней Руси, а в лучшем случае критика людей XIX – начала XX в. за то, что они не были знакомы с некоторыми более поздними утверждениями. Именно поэтому стоит понимать, что как раз призывы к признанию этнической обособленности белорусов или украинцев (т.е. не как частей одного народа, а как отдельных народов) и являлись маргинальными на период 60-х гг. XIX в. Не учитывать это, значит не до конца понимать ситуацию. Поэтому призывы А.И. Герцена о добровольном союзе украинцев, поляков, белорусов и литовцев в целом не воспринимались современниками, мыслившими в других категориях. Вообще, миф о том, что у повстанцев существовало устойчивое представление об этнической ситуации в Западной крае в категориях утверждений, распространившихся после революции, опровергается цитатами самих повстанцев. Так, в одной из повстанческих листовок, обращенной к белорусским крестьянам от имени якобы такого же белорусского крестьянина, писалось: «Мы, кто по польской земле ходит, кто польский хлеб ест, мы, поляки из веков вечных»²³. Именно так видели белорусов повстанцы.

Еще одна проблема, связанная у К.А. Левинсона с модернизацией истории, – это анализ того, как М.Н. Катков относится к народной антиповстанческой активности. М.Н. Катков абсолютно не пугается крестьянских выступлений против польских помещиков, будучи уверенным,

²² Большая подборка текстов, как раз утверждающих массовое представление о триединстве большого русского народа содержится, например, в сборнике «Украинский вопрос в русской патриотической мысли» (Составление, предисловие, послесловие и примечания: д-р ист. наук, проф. Минаков А.Ю. М.: Книжный мир, 2016. 800 с.). Лица, уверенные в обратном, в XIX в. были очень немногочисленны.

²³Каліноўскі К. За нашу і вашу воласць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялева. Мінск: «Беларускінігазбор», 1994. С. 241-242.

что это «русский народ восстает в ответ на восстание польских панов»²⁴. К.А. Левинсон подчеркивает это бесстрашие М.Н. Каткова перед народной антиповстанческой активностью, но задается вопросом, а «знал ли Катков о том, что в Литве, например, действовало множество повстанческих отрядов, состоящих из крестьян и насчитывавших порой более тысячи человек. Если да, то его рассуждения о “народном деле” предстают в весьма проблематичном свете»²⁵. На это вопрос можно ответить однозначно. М.Н. Катков об этом даже не подозревал, потому что в реальности этого не было. Отрядов, состоящих из крестьян, не было. Существовали отряды, в которых крестьяне составляли заметный процент, но таковые отряды можно отнести к исключениям. В основном участниками восстания были шляхтичи и разночинцы. Отряды, насчитывающие более тысячи человек разных социальных групп, также были редкостью. Это можно легко проверить как по мемуарам повстанцев, так и по рапортам русских офицеров, участвовавших в подавлении восстания. Вообще, даже польские крестьяне Царстве Польском неохотно поддерживали повстанцев. В Северо-Западном крае эта поддержка была еще меньше. И совсем разочаровал повстанцев Юго-Западный край. Малороссийские крестьяне с удовольствием расправлялись с панамиповстанцами даже без помощи русских войск. Что же касается множества «повстанческих отрядов, состоящих из крестьян» в Литве, о чем упоминает К.А. Левинсон, это можно объяснить достаточно просто. К литовским губерниям в то время относились Ковенская, Виленская и Гродненская. Причем Ковенская и часть Виленской были в массе населены литовцами, а оставшаяся часть Виленской и Гродненская – в основном белорусами. Естественно, что везде в том или ином количестве проживало польское население, города в большинстве были населены евреями, поляками и великорусами, существовали также и великорусские старообрядческие поселения. Литовские крестьяне приняли в восстании более активное участие, чем белорусские. Но это было не по причине поддержки лозунгов восстания. Католические священники, связанные с польским подпольем, распространяли слухи о якобы готовящемся переводе католиков в Православие, что возмущало литовцев-католиков. Именно защита веры от якобы готовящегося на нее покушения со стороны властей смогла поднять литовских крестьян на антиправительственное выступление. Т.е. активность литовских крестьян не была патриотической, она была конфессиональной. Причем, провоцировалась она распространением ложных слухов о деятельности имперских властей. В Гродненской губернии бывшие государственные крестьяне оказались недовольны своим социально-

²⁴Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

²⁵Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

экономическим положением, поэтому приняли участие в восстании по экономическим соображениям. Часть крестьян оказалась на самом деле так называемой разобранной шляхтой, т.е. людьми, которые реально являлись или считали себя шляхтой, но не смогли подтвердить свое шляхетство официально. Таких лиц записывали в податные сословия, в том числе и в крестьянское. Они, участвуя в восстании, помнили свое шляхетское происхождение. Т.е. официально эти лица были крестьянами, а психологически – шляхтой. И стоит также понимать, что повстанцы массово использовали принудительный увод крестьян в отряды, что давало некую массовость, но абсолютно не сказывалось на боеспособности. Поэтому восстание было в основном шляхетским по социальному составу и польским по своим лозунгам. М.Н. Катков указал на это первым предложением статьи, название которой практически повторяло это предложение: «Польское восстание вовсе не народное восстание: восстал не народ, а шляхта и духовенство» (статья же называлась «Польское восстание не есть восстание народа, а восстание шляхты и духовенства») ²⁶.

Можно с уверенностью сказать, почему К.А. Левинсон модернизирует историю восстания. Дело в том, что он ссылается на книгу «История Польши», изданную в 1955 г. Книга наполнена советскими штампами о том, что восстание против имперских властей должно быть народным и национальным. Причем, в советское время, как минимум, в отношении польского восстания 1863 – 1864 гг., сложилось убеждение, что, если восстание происходило на территории, которую в советский период занимала БССР, значит, это белорусское восстание. Данный миф перекочевал и в постсоветский нарратив. Произошло лишь смещение акцентов. Вместо классового взгляда (против самодержавия восставали крестьяне) появился национальный (против самодержавия восставали белорусы).

В целом, М.Н. Катков отражает в своих статьях современные ему представления и реалии. А К.А. Левинсон, рассуждая о польском влиянии в Западном крае и взглядах на это М.Н. Каткова, подходит к прошлому с применением советских представлений о состоянии этой территории. Естественно, что подобная модернизация лишь запутывает понимание прошлого, внося в него не относящиеся к реальной эпохе актуальности. Вооружать крестьян не боялся не только М.Н. Катков, но и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Именно он сделал ставку на крестьян в качестве силы, способной оказать помощь в подавлении повстанческих выступлений. Надо сказать, что М.Н. Муравьев в этом не ошибся. Крестьянские караулы не только исправно ловили повстанцев, но и

²⁶Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 191.

принимали участие на стороне русских войск в некоторых боях против повстанцев.

Также К.А. Левинсон уверен, что М.Н. Катков не обращал внимания «на множество случаев иного отношения к восстанию – на случаи солдатского неповиновения в тех частях, что были брошены на подавление, на письма русских офицеров в “Колокол”, на крестьянские выступления не антипольской направленности»²⁷ [9]. Все перечисленные случаи можно признать реальными, но вот только массовыми они не являлись. Они были частностями, которые не влияли на общие тенденции. Поэтому говорить о «множестве случаев», значит выдавать желаемое за действительное. Также некорректно и утверждение К.А. Левинсона о том, что крестьяне «шли во множестве под его [польского повстанческого правительства – А.Г.] знамена, вооружаясь косами»²⁸ [9]. Стоит еще раз повториться, что массовой поддержки среди местного крестьянского населения восстание не получило. М.Н. Катков как раз имел точные сведения о том, что крестьяне и противодействовали повстанцам, и просили российские власти о защите от повстанцев. Даже обещание повстанцами земельных наделов не помогло добиться массового расположения крестьян к идеалам восстания.

Но «польский вопрос» для М.Н. Каткова существовал не только как «польско-русский». Он имеет еще и конфессиональную сторону, что можно обозначить как «польско-католический вопрос». Одной из проблем этого вопроса было совмещение двух понятий: поляк и католик. Эти термины взаимозаменяли друг друга. Имея сформированное недоверие к польской политической активности как к антироссийской, М.Н. Катков призывал не увеличивать количество поляков в империи, записывая в них всех католиков. Хотя изначально риторика М.Н. Каткова была иная. В июне 1863 г. он был уверен в том, что «католическое духовенство есть организованный заговор против православия, заговор, готовый стать под всякое враждебное нам знамя и уже показавший нам громадность своих средств»²⁹. Но уже в августе М.Н. Катков меняет тон. Теперь он пишет: «Пусть же остаются католиками, но они должны быть русскими»³⁰. М.Н. Катков стремится разорвать сложившееся представление о католиках как о поляках. Для этого он предлагает вводить русский язык вместо польского в католическую проповедь и изучать на русском Закон Божий, чтобы католики не ощущали себя автоматически поляками, а также приглашать в качестве католических священников представителей иных славянских народов, например, чехов. Это должно было, по мнению М.Н. Каткова, лишить ксендзов польского

²⁷Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

²⁸Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

²⁹ Цит. по: Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года.

³⁰ Цит. по: Тесля А.А. «Польский вопрос» в публицистике М.Н. Каткова 1863 года.

происхождения монополии на церковное служение, которые «под видом религии внушают и воспитанникам, и вообще духовным детям своим, безумную ненависть к России и дух революции»³¹. То, что Католическая Церковь в России заботилась не только о духовном состоянии, но и решала национально-культурные вопросы, пишут и современные польские исследователи. Так, по мнению М. Затыки, Католическая Церковь, оказала услугу «польскому обществу в период утраты независимости в результате начавшихся в конце XVIII века разделов страны. Именно благодаря Церкви, единственному в то время польскому институту, легально действовавшему во всех частях оккупированной Пруссией, Россией и Австрией страны, сохранился национальный дух поляков. Католическая Церковь заботилась о национальных традициях, распространяла обычаи и родной язык, а также развивала общественную жизнь. Деятельность духовных лиц приносила плоды: уже в начале XX века, то есть после более чем ста лет аннексии, в основных религиозных обрядах принимало участие более 90% поляков. Таким образом, произошла идентификация двух понятий – поляк и католик»³². Солидарна с М. Затыкой и Э. Пшыбыл-Садовская, которая указывает: «Отсутствие государственных структур привело к тому, что Католическая церковь взяла на себя часть функций, обычно принадлежавших светской власти, а именно: развитие национальной культуры, образования, воспитание патриотизма и тому подобное. Церковь зачастую вела борьбу с инокультурным влиянием, поэтому нет ничего удивительного в том, что “польскость” начали ассоциировать с католицизмом»³³. Также Э. Пшыбыл-Садовская подчеркивает, что «произошло отождествление православия с русским языком и русским народом, тогда как протестантизм стали отождествлять с немецким народом и языком. На польском языке говорили в католических церквях (разумеется, во время проповедей и особых богослужений, но не во время мессы, которую совершали на латыни), при храмах создавались школы, в которых обучали польскому языку. В результате всех, кто говорил по-польски, считали католиками. Исходя из этого, католические историки и проповедники выстраивали образ Польши “дораздельного” [т.е. до разделов Польши в конце XVIII в. – А.Г.] периода, всегда сохранявшей верность католицизму и защищавшей Церковь от раскольников (то есть православных) и еретиков (протестантов). Конечно, этот образ не имел ничего общего с реальностью, ведь Речь Посполитая была

³¹Катков М.Н. Империя и крамола. М.: ФонДИВ, 2007. С. 51.

³²Затыка М. Роль католической церкви в современной Польше // Вестник Европы. 2015. Т XLII-XLIII. С. 296-297.

³³Пшыбыл-Садовская Э. Поляк-католик: истоки и функционирование национального мифа // «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». URL: http://www.intelpros.ru/readroom/nz/nz_56/1920-jelzhbeta-pshybyl-sadovskaja.-poljak.html

многонациональным и многоконфессиональным государством»³⁴. Но в XIX веке такое видение истории было очень популярным. Если исключить Австрию, то два других угнетателя Польши, будучи “иной веры”, облегчали идентификацию “польскости” с католицизмом. Как утверждает Мачей Струтыньский, “захватчик был вдвойне чужим – он был чужеземцем и иноверцем”». Поэтому «в отсутствие государства “место отчизны заняла Церковь”»³⁵. Т.е., по мнению польских исследователей, Католическая Церковь в России занималась, в том числе, и воспитанием польского патриотизма. Для М.Н. Каткова с его идеей единой русской нации связка «поляк – католик», естественно, виделась опасной. Он указывал, что Католическая Церковь приобрела в России такое значение, «какого она нигде не имеет, – значение польской национальности»³⁶, а также что «лучше чисто римский католицизм [...] нежели католицизм польский»³⁷. М.Н. Катков настаивал на важности разделения в общественном сознании понятий “поляк” и “католик”. Польские сепаратисты всегда считали католичество важнейшим национальным маркером и ограничителем от России. При этом в “поляки” попадали католики – малорусы, белорусы, составлявшие значительную часть населения Западного края и являвшиеся важнейшим доводом в претензиях поляков на признание его польскими землями»³⁸. Представление о католиках, как о поляках встречается не редко. Например, некто И. Миллер в переписке с редактором «Виленского вестника» А.И. Забелиным, описывал одного «католического патера», относя к его к группе «польское духовенство»³⁹. Разведение понятий «католик» и «поляк» должно было противодействовать претензиям польских патриотов на Западный край как на Польшу. Ведь, при разведении понятий, в Западном крае оказывались заметными католики, но не поляки. Однако эта попытка создания надконфессиональной гражданской нации, ориентированной в первую очередь на единство языка, а не конфессиональной принадлежности, оказалась неуспешной. Даже для людей начала XXI в. понятия «поляк» и «католик» иногда являются идентичными и обозначают одно и то же.

³⁴ Нужно отметить, что Польша, будучи «многонациональным и многоконфессиональным государством», все же время от времени выступала как оплот и защитник Католицизма. Так, в Польше активно распространялась Контрреформация, а в 1596 г. королем была запрещена Православная Церковь, поскольку часть ее иерархов (но далеко не все) согласилась на унию с Римом. Правда, через непродолжительное время запрет отменили, но переданные униатам православные храмы, так и не вернули.

³⁵ Пшыбыль-Садовская Э. Поляк-католик: истоки и функционирование национального мифа.

³⁶ Цит. по: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 463.

³⁷ Цит. по: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. С. 464.

³⁸ Кудряшов В.Н. М.Н. Катков в российском имперском дискурсе второй половины XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 40.

³⁹ Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. С. 422.

Интересно, что уверенность М.Н. Каткова в том, что не все католики Западного края являются поляками, была независимо от самого публициста повторена белорусскими националистами начала XX в., но уже в отношении не русского народа в широком смысле, а белорусского как особого этноса. Националисты, стараясь сконструировать белорусскую идентичность, также утверждали, что не все католики, живущие в Белоруссии, являются поляками (как и не все православные – великорусами), а определителем этничности служит язык. Требование введения в богослужение белорусского языка вместо польского (у католиков) или русского (у православных) также присутствовало у белорусских националистов. Именно языковую общность они ставили выше конфессионального единства. Правда, сами белорусские крестьяне начала XX в. не рассматривали себя как отдельный народ, им вполне хватало представления того, что они – русские.

Еще один вопрос, вытекающий из «польского» жестко с ним связанный – это «вопрос о крамоле». Проблема революционных антигосударственных действий также занимала М.Н. Каткова. Причем, он видел в антиправительственной активности достаточно явную логическую последовательность. Так, рассуждая о характере государственных преступлений в России, М.Н. Катков указывает, что эти преступления направлены не только против династии, но и против страны – России, Русской земли. Поскольку династия управляет «историческим движением русского народа, смыкая в себе его прошедшее с будущим», враги династии и враги русского народа – одно и то же⁴⁰. Говоря о государственных преступлениях, М.Н. Катков делает небольшой экскурс в ближайшее прошлое, ограничиваясь «явлениями, происходившими на наших глазах». И первое, о чем вспоминает М.Н. Катков, это то, что «1863 г. был обилен государственными преступниками», т.е. польские повстанцы начинают ряд государственных преступников. Публицист задается вопросом, были ли эти преступники всего лишь противниками правительства, или врагами «нашего отечества, единства русского государства, целостности Русской земли». И сам же на него отвечает, заявляя, что борясь с повстанцами, правительство отстаивало не только себя⁴¹, т.е. повстанцы оказываются врагами не только власти, но и страны в целом. Далее в катковском экскурсе в недалекое прошлое идет Д.В. Каракозов и его «выстрел 1866 года»⁴², а также нечаевцы, процесс над которыми «показал до очевидности, какими неувлимыми переходами наши государственные преступники сливаются с не преступниками»⁴³. Таким образом, М.Н. Катков выстраивает прямую связи

⁴⁰Катков М.Н. Империя и крамола. С. 186.

⁴¹Катков М.Н. Империя и крамола. С. 187.

⁴²Катков М.Н. Империя и крамола. С. 187.

⁴³Катков М.Н. Империя и крамола. С. 188

между польским восстанием 1863 г., выстрелом Д.В. Каракозова и деятельностью С.Г. Нечаева. И позже публицист не изменит своего видения причинно-следственных связей, считая, что вожаки «польской sprawy» всего лишь изменили свои методы: «Не рассчитывая больше на поддержку европейских держав, они постарались примазаться к так называемой всесветной революции, и в 1864 году на митинге рабочих в пользу Польши, в Лондоне впервые явилась на свет “Интернационалка”, а уже в 1866 году Каракозов стрелял в Царя-Освободителя»⁴⁴. И в этом случае выстрелу Д.В. Каракозова предшествует «польская интрига» как причина следствию. Но М.Н. Катков идеализировал русский народ, считая, что «тайная организация» (т.е. революционные силы в России) не является чем-то естественным для русского народа, не имеет с ним ничего общего⁴⁵. Крамола происходит из-за границы, «существует какая-то международная организация злоумышленников, которая в каждой стране ищет и находит среду для своего действия», а в России такой средой для революции оказались «образованные сферы» и, в первую очередь, учащаяся молодежь⁴⁶. Однако в случае победы «польской sprawy», М.Н. Катков пророчит печальную судьбу тем, кто участвовал в антиправительственном движении: «Хорошо бы нашим революционерам, с изумительной рабской покорностью исполняющим предписания таинственных властей, прочесть инструкции Мерославского⁴⁷, учившего польских вожаков ловить русских нигилистов и употреблять их в дело, с тем, чтобы потом, когда Россия рухнет и польское дело восторжествует, беспощадно истреблять их как гадин»⁴⁸. Таким образом, редактор «Московских ведомостей» видит бессмысленность революционной антиправительственной деятельности, считая ее практически движением к самоуничтожению, причем, самоуничтожению физическому, а выгодополучателями от этого, по мнению М.Н. Каткова, будут руководители «польской sprawy».

Помимо существования приемлемой для развития тайных организаций среды в виде «образованных сфер», М.Н. Катков видит еще одну проблему для антиправительственной деятельности. И опять же в качестве примера он использует польские события 1863 г. Так, в статье «О мерах к пресечению крамолы» М.Н. Катков задается вопросом: «Что способствовало развитию польской революционной организации?» И отвечает на это вопрос большим

⁴⁴Катков М.Н. Империя и крамола. С. 237.

⁴⁵Катков М.Н. Империя и крамола. С. 222.

⁴⁶Катков М.Н. Империя и крамола. С. 188.

⁴⁷Людвик Мерославский – участник польского восстания 1830 – 1831 гг., после его поражения уехал в эмиграцию, во второй половине 40-х гг. XIX в. участвовал в подготовке польского восстания в Пруссии, в 1863 г. назначен диктатором очередного польского восстания, но, проиграв русскому отряду два сражения подряд, бежал в Париж.

⁴⁸Катков М.Н. Империя и крамола. С. 237.

перечнем явлений из российской государственной жизни, суть которых сводится к заигрыванию с польской стороной, нежелании вызвать неудовольствие Европы, боязнь решительно пресекать крамолу и т.д.⁴⁹. М.Н. Катков делает вывод: «Чем миролюбивее и уступчивее были мы с враждебной силой, тем более росла ее дерзость, и тем более лилось крови»⁵⁰. Об этом же, но с большей патетикой пишет и современный исследователь катковских взглядов на «польский вопрос» К.А. Левинсон: «Покоренный, но не покорившийся народ при самой широкой автономии и самом либеральном режиме управления стремится к свободе – и стремится тем сильнее, чем более близкой и достижимой она кажется, и тем сильнее, чем более он знал ее когда-то»⁵¹. Т.е. либерализация государственных отношений к «польскому вопросу» производила впечатление слабости режима, поэтому польские патриоты предполагали более легкую победу. Заигрывание с «крамолы» вызывает агрессию этой «крамолы», которая рассматривает заигрывания как слабость государства. У М.Н. Каткова был рецепт пресечения этого – решительное и последовательное противодействие. М.Н. Катков сравнивает революционную активность 1870-х – 1880-х гг. с польской активностью 1863 г. и приходит к выводу, что «те же причины, те же наши недуги» способствовали как развитию польского восстания, так и развитию более поздней революционной активности. Причем, Катков указывает, что у польской организации была какая-никакая сила, с которой приходилось считаться, а российская революционная организация сильна лишь «бессилием противодействия»⁵², да и сама она состоит «из горсти злоумышленников, покорных чужой команде, и не имеющей ничего общего с нашим народом»⁵³. Уничтожить революционную крамолу можно так же, как когда-то была уничтожена польская справа – решительно и последовательно⁵⁴. Примером решительных действий в 1863 г. для М.Н. Каткова служит виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев⁵⁵. Этот «государственный человек, вооруженный полномочием» очень быстро прекратил мятеж⁵⁶.

⁴⁹Катков М.Н. Империя и крамола. С. 221.

⁵⁰Катков М.Н. Империя и крамола. С. 222.

⁵¹Левинсон К. М.Н. Катков и польское восстание 1863 года.

⁵²Катков М.Н. Империя и крамола. С. 223.

⁵³Катков М.Н. Империя и крамола. С. 222.

⁵⁴Катков М.Н. Империя и крамола. С. 223.

⁵⁵Муравьев Михаил Николаевич (1796 – 1866) – в 1863 – 1865 гг. гродненский, минский и виленский генерал-губернатор, реально контролировал весь Северо-Западный край. Эффективно подавил польское восстание 1863 – 1864 гг. в крае, а также в Августовской губернии Царства Польского. В борьбе против повстанцев делал ставку на крестьян.

⁵⁶Катков М.Н. Империя и крамола. С. 222.

М.Н. Каткова очень беспокоило, что российская власть не сделала, по его мнению, выводов из польского восстания. И в 1877⁵⁷ и в 1881 гг.⁵⁸ М.Н. Катков писал, что уроки 1863 г. в России забыты, и Россия снова не защищает свои интересы, заигрывая с Европой и внутренней оппозицией. При такой параноидальной уверенности в том, что практически вся российская крамола направляется из-за границы сторонниками «польской sprawy», М.Н. Катков все же не рассматривает всех подданных польского происхождения в качестве врагов империи. Дело не в поляках так таковых, а «в том яде, который именуется “польской справой”, в тех честолюбцах, которые не покидают надежды восстановить старую Польшу на развалинах России, которые не считают делом поконченным историческую борьбу между этими двумя славянскими народами»⁵⁹. М.Н. Катков уверен, что «“польская справа” притихла, но она не исчезла. Мы не довершили начатого, мы обманули себя: меры, которые мы принимали, превратились в полумеры, а полумеры хуже, чем непринятие никаких мер. Мы не освободили польскую народность от яда, которым она заражена и которая делает ее отравой для России; мы только вогнали этот яд глубже внутрь»⁶⁰. И в этой уверенности М.Н. Каткова можно даже предположить какую-то эсхатологичность. «Польский вопрос» видится всюду. В 1882 г. в статье, написанной на смерть М.Д. Скобелева М.Н. Катков процитировал «белого генерала»: «[...] пока польский и западнорусский вопросы будут тяготеть над нами, всякое правильное развитие в лучшем народно-историческом значении этого слова будет крайне затруднительно. В настоящее время, несмотря на потраченные кровавые усилия, все наши границы остались открыты вражьему нашествию, вынуждающему нас содержать такую громадную армию, а польский вопрос, особенно теперь, ввиду неминуемых усложнений, порожденных австро-германским союзом, держит нас в осадном положении. Только владея Босфором, Россия сможет сознательно и бесповоротно произнести *преждевременный* [разрядка автора – А.Г.] пока возглас разбитого Костюшко “finis Poloniae”»⁶¹.

Поэтому и в начале 1880-х гг. М.Н. Катков был уверен, что «польская справа» не ушла в небытие. Она трансформировалась в революционные организации как в России, так и в Европе и создает угрозу империи. «Карбонарская сеть», плетущая интриги против России ранее была лишь польская, но позже она пополнилась «порченными людьми из русских», а «Россия вдруг превратилась будто бы в самую революционную страну

⁵⁷Катков М.Н. Империя и крамола. С. 213.

⁵⁸Катков М.Н. Империя и крамола. С. 236.

⁵⁹Катков М.Н. Империя и крамола. С. 236.

⁶⁰Катков М.Н. Империя и крамола. С. 237.

⁶¹Катков М.Н. Империя и крамола. С. 276.

мира»⁶². «Польский вопрос», проблема возможного возрождения самостоятельности Польши у М.Н. Каткова видится только через польско-русский конфликт, который разрешим лишь поражением одной из сторон. И поскольку в истории уже случилось падение Польши, любые попытки предоставить полякам какую-то национальную автономию будут только разрушать империю, давая напрасные надежды польским патриотам. Понимая, что борьба с империей бесперспективна, польские революционеры продолжили свое дело через революционные организации, не связанные с поляками напрямую. Поэтому, по мнению М.Н. Каткова, практически все российские революционное движение имеет польский след.

Идеалом М.Н. Каткова было «надконфессиональное сообщество подданных сильной и реформистской монархии Александра II, сплоченных не только лояльностью трону, но и единым гражданским языком, принадлежностью к единому цивилизационному пространству»⁶³. И актуализация «польского вопроса», с точки зрения М.Н. Каткова, представляла определенную опасность для этого идеала. Стоит согласиться с К.А. Левинсоном, что в текстах М.Н. Каткова присутствует «тревога за империю». Возможно, что именно страхом потерять большую страну можно объяснить некоторые, доходящие порой до параноидальной уверенности в тотальном польском заговоре, умозаключения М.Н. Каткова. Он не видел врагов всюду, он не рассматривал всех поляков как врагов государства, но он был уверен в том, что существуют силы польских патриотов, жаждущих восстановить польскую государственность. И эти силы не исчезли после поражения в восстании 1863 г., а всего лишь сменили тактику.

Актуальность текстов М.Н. Каткова, посвященных «польскому вопросу», не потеряна и в начале XXI в. Даже не зная содержания катковских статей, многие публицисты постсоветской России повторяют те же формулы и примерно так же рассматривают современное положение России.

Некоторые страхи и надежды М.Н. Каткова оказались созвучны современности, что повышает интерес к его публицистическому наследию, а также говорит о существовании устойчивых стереотипов, убежденности в наличии практически вечных алгоритмов развития ситуации, формировании образов врага и бытовании неких политико-эсхатологических представлений. Утверждения, сформулированные М.Н. Катковым в статьях по «польскому вопросу» могут с небольшой коррекцией переноситься на иные межэтнические отношения, если в них возникает реальная или мнимая напряженность. Вполне возможно, что возвращение текстов М.Н. Каткова в

⁶²Катков М.Н. Империя и крамола. С. 272.

⁶³Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. С. 464.

политический дискурс начала XXI в. вызвано тем, что он смог уловить и проговорить представления об архетипических страхах и предложить такие же архетипические методы их преодоления. Напряженность в российско-польских отношениях (проблема Катыни, катастрофа польского президентского борта № 1, призывы Варшавы разместить на своей территории американские войска в рамках усиления восточного фланга НАТО, агрессивное поведение Варшавы в ситуации развития российской специальной военной операции на Украине и др.) вызывает желание проверить, а как отношения развивались в прошлом. Нынешний имперский дискурс, который существует в России, и претензии некоторых польских сил на контроль над государствами, ныне занимающими пространство бывшего Западного края Российской империи, снова порождают ситуацию, похожую на ту, которая существовала во времена М.Н. Каткова. А это значит, что М.Н. Катков остается актуальным и в XXI в.

1863 ГОД В БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЕ: КОНЦЕПТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПЕЧАТНОМ СЛОВЕ

Перед началом организованных военных действий в январе 1863 г., связанных с переносом польского восстания на белорусско-литовские земли, развернулась борьба словесная, которая выразилась в печатании и распространении повстанческих воззваний, а также ответов на них со стороны официальной церковной и светской власти. Известно, что в губерниях с преимущественным белорусским населением восстание не нашло широкой поддержки. Более заметную поддержку оно встретило в Ковенской губернии, где преобладали этнические литовцы-католики¹. Однако даже с учетом этого обстоятельства, если говорить в целом, восстание в белорусско-литовских губерниях было встречено большинством жителей (крестьян и городских обывателей) очень не сочувственно. Подтверждением тому является низкий процент участников восстания в сравнении с общим числом населения Северо-Западного края Российской империи. Самая максимальная цифра, предложенная на основании косвенных подсчетов заведующим виленским Муравьевским музеем А. И. Миловидовым, – 77 000² – составляет 1,4 % от 5,5 млн жителей шести литовских и белорусских губерний. Есть основания говорить, что опорой правительства была не только армия численностью в 90 тыс. человек³, но и местное крестьянство, из среды которого активное участие в сельских караулах при подавлении восстания приняли более 27 тыс. человек (включая сюдаоколо 4 тыс. солдат и казаков), что в два раза превышает число «простолудинов» (около 13 тыс.), проходивших по обвинению за участие в восстании в шести губерниях Северо-Западного края⁴. Можно говорить, что далее на восток распространялось польское восстание, тем меньшую поддержку оно встречало у местных жителей⁵.

В связи с такой особенностью немалый исследовательский интерес представляет рассмотрение идеологического противостояния между проправительственными публицистами и агентами повстанцев. Агитация

¹Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М. : Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 107–108.

²Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна: Губернская типография, 1915. Ч. 2. С. LIV.

³Там же. С. LI.

⁴Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М. : АН СССР, 1963. С. 296. Данные о количестве «простолудинов» по политическим обвинениям – Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М. : Наука, 1965. С. 95–98.

⁵Kieniewicz S. Trzypowstania narodowe. Warszawa, 2006. S. 390. Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников... С. 108.

сыграла определенную роль в том, чтобы жители белорусско-литовских губерний приняли ту или иную сторону. За российскую власть выступали, главным образом, представители православного духовенства, а за повстанцев – католические священники и дворяне. Каждая из сторон прибегала к специфическим методам информационного воздействия, объясняя свои мотивы и цели, высказывая в полемике свои доводы и контраргументы. Их изучение позволяет определить ряд главных концептов⁶, вокруг которых вращался спор, а также сильные и слабые стороны противников и, в конечном счете, оценить эффективность открывшейся словесной борьбы.

В обширной историографии польского восстания 1863–1864 гг. исследователи, конечно, не проходили мимо агитационных прокламаций повстанцев, рассматривая их как одно из выражений революционной идеологии. Краткие указания на этот счет находятся уже в книге П. Д. Брянцева (1892 г.)⁷. В советский период повстанческие прокламации на белорусском языке изучались преимущественно как феномен народного языка и литературный жанр, а также форма «революционно-демократической» агитации⁸. В современный период в отечественной историографии в целом сохраняется та же тенденция с той разницей, что акцентируется положительное влияние повстанческих прокламаций на пробуждение белорусского национального самосознания⁹. Однако есть и другой подход, основывающийся на анализе идеологического содержания агитационной литературы. Так, А. Д. Гронский показывает на примере «Мужицкой правды», что в ней отсутствовали белорусские национальные мотивы¹⁰. Соответственно, идеологическое воздействие повстанческих прокламаций имело своим следствием выражение русского национального самосознания, на что обращает внимание А. Ю. Бендин¹¹.

В общем, можно констатировать, рассмотрение предметов агитационного противостояния накануне и во время восстания как вида, выражаясь современным языком, информационной войны имеет свою актуальность. Ограниченный объем статьи не позволяет детально

⁶ Под концептом в данном случае подразумевается понятие, закрепленное в языке, культурной и социальной жизни, а также исторической памяти народа. Концепт содержится как в отдельном взятом слове, так и в целой фразе, поговорке, тексте.

⁷ Брянцев П. Д. Польский мятеж 1863 года. Вильна, 1892. С. 27–29, 72–74, 144, 154.

⁸ Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Універсітэцкае, 1984. С. 227–233.

⁹ Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. У 2 т. Т. 2. Новая літаратура: другая палова XVIII–XIX стагоддзя / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; навук. рэд. тома У. І. Мархель, В. А. Чамяршыкі. – Мінск: Беларус. навука, 2007. С. 291–304.

¹⁰ Гронский А. Д. «Мужицкая правда» и её национально-религиозное наполнение // Церковная наука в начале третьего тысячелетия: актуальные проблемы и перспективы развития: материалы Международной научной конференции, Минск, 2 ноября 2016 г. – Минск: Издательство Минской духовной академии, 2017. – С. 258–266.

¹¹ Бендин А. Ю. Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа // Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности: Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. – М.: Русская экспертная школа, 2020. С. 120–131.

остановиться на печатных выступлениях с обеих сторон, почему предлагается изучение только самых общих планов идеологической борьбы на материалах агитационной публицистики, ходивших в широком употреблении в белорусско-литовских губерниях в виде повстанческих прокламаций и печатных ответов на них в официальных изданиях. Вне поля зрения намеренно оставляются публикации центральной и провинциальной российской прессы, которые уже привлекли внимание отдельных современных белорусских и российских историков¹². В таком же контексте автором рассмотрена полемика вокруг т. н. «Польского катехизиса» в московском журнале «Русский архив»¹³. Большой интерес, конечно, представляет западноевропейская публицистика периода восстания, однако и она в виду своей обширности вынужденно выносится за рамки данной статьи. Точно так же оставляются спорные вопросы языка, текстологии и установления авторства рассматриваемых произведений.

Поскольку первыми в белорусско-литовских губерниях начали распространение агитационных прокламаций повстанцы, местные православные авторы выступили вторым номером уже с целью их опровержения. Отсюда появляется предметная зависимость вторых от первых. По этой причине естественно начать рассмотрение концептов полемики именно с печатных произведений повстанцев, распространявшихся в виде листовок. Они издавались в подпольных типографиях или за границей на польском языке или на одном из белорусских говоров польской латиницей, а затем распространялись через сеть агитаторов. Листовки предназначались для разных слоев общества: крестьян (*Hutorka staroho dzieda, Kryuda i prauda*¹⁴, *Miżuskaja prauda*¹⁵), вообще католиков¹⁶, православного духовенства¹⁷, офицеров¹⁸, солдат¹⁹, учащихся²⁰, в целом жителей Литвы и Белоруссии²¹, отдельно – евреев²².

¹² Хотеев А. С. Восстание 1863 года и политика гр. М. Н. Муравьева на страницах российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века // Актуальные проблемы российской провинции: вызовы современности: мат. междунар. науч. конф., Новозыбков, Брянская область, 10–11 октября 2017 г.) / ФГБОУ ВО «Брянский государственный ун-т»; редкол.: В. В. Мищенко, Т. А. Мищенко, В. Н. Пустовойтова и др. – Брянск: ООО «Аверс», 2017. – С. 122–130. Машковцев А. А. Польское восстание 1863–1864 гг. В освещении губернской прессы Волго-Уральского региона // Вестник вятского государственного университета. История и археология. 2014. С. 25–31.

¹³ Хотеев А. С. Polemika по поводу Польского катехизиса на страницах «Русского архива» // Аспект. Белград, 2017. № 1. С. 23–27. [Электронное издание]. Режим доступа: http://aspects.su/attachments/Aspect_2017_1_1.pdf

¹⁴ Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы. Літаратура Беларусі XIX стагоддзя. Т. 6.: Беларускія тэксты Паўстання 1863 года. –Warszawa, 2020.

¹⁵ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. Минск: Беларусь, 1988. С. 46–61.

¹⁶ Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна: Губернская типография, 1913. Ч. 1. С. 26–36.

¹⁷ Там же. С. 47–48.

¹⁸ Там же. С. 174.

¹⁹ Там же. С. 51–56.

²⁰ Там же. С. 67.

²¹ Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг. М.: Наука, 1965. С. VI, 1.

²² Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 164–166.

Главной целью агитации повстанцев было «освобождение Польши – былой Речи Посполитой (Родины) – от тирании российского царя». Этот призыв звучал практически во всех прокламациях. С Польшей ассоциировались такие понятия как «свобода», «воля», «слава», «земля» и «счастье». Авторы не жалели слов для выражения своих патриотических чувств: «O! Lepsza matka swaja, / Polszcza-matka rodna, / Jaje słuchać, jej służyć, / I nawiek u szczęści być!» (Kryuda i prauda, Ф. Пчицкий)²³. «I jak Polszcza usia poustaniec / Pojdzem I my z Palakami / Kryknieniu sieu odno słowa: / Niechaj Polszcza budzie znowa, / Bo jak stanem Palakami / Budzem wolnymy panami!» (Hutorka staroho dzieda)²⁴. «Budzim ze Boga malic, / Sztoby Polszczy waracic: / Bo u Polszsce pany panami; / Tak jak pany budzim sami, / Zazywiom sabie na slawu» (Chyznajecie, ma i dzieci)²⁵. «Bozesz to Polsczce czerez usie wieki / Dawau Czesc-Chwalu, scieroh ad niewoli – / I nie zalezusy atcouskiej apieki – / Suliu paciehu u nieszczasnej doli – / Pieradaltary molitwu prynosim / Wolnu Atzcyznu waracic nam prosim!» (Костельная молитва при Hutorkie staroho dzieda)²⁶. «Jak rad Polski dasc Bog budzie, / To tohdy wsiemu narodu / Dasc Bog ziemlu i swobodu» (Hutorka dwoch susiedou)²⁷. «Bo usie wy braty, bo usie wy dzieci odnoho Boha i odnoi ziemli Polskoj... Wy dzieci moi muzyki! Idzicie za szlachtoj u i pomohajcie Polakam, bo czerez ich tolko dostaniecie ziemlu i wolnosc wo wieki wiekou» (Peredzmiertnyj rozhovor Pustelnika Pietra)²⁸. Во всех этих высказываниях можно заметить поэтическое изображение некой идеальной Польши как страны свободы и счастья. Здесь переплетаются и политические, и социальные, и религиозные мотивы. В некоторой степени в прокламациях делается опора и на исторические примеры. Подытоживается все призывом к практическим действиям.

Политический аспект агитации повстанцев заключается в том, что под возрождением Польши понимается, в первую очередь, восстановление польской государственности в исторических границах Речи Посполитой, которые были разорваны сговором и нападением неприятелей – австрийцев, прусаков и москалей. В «Предсмертном разговоре Петра Пустынника» мысль об изгнании «москаля» передается так: «Milosierny Boh prywiedzie k wam korola Polskiego z wojskom Polskim i Prancuza, a wy idzicie pomahac im prohnac maskala iz ziemli waszych predkou!»²⁹ Очевидно, «земля предков», в частности, «Вильна, Ковна, Гродна»³⁰ – это есть земля польского короля. Политическая

²³ Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы... С. 350.

²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Там же. С. 71.

²⁷ Там же. С. 257.

²⁸ Там же. С. 312–313.

²⁹ Там же. С. 312.

³⁰ Там же. С. 347.

будущность Польши в границах 1772 г. подкрепляется историческими аргументами, в частности, ссылкой на Люблинскую унию 1569 г. Празднование этого «святого союза» 12 августа (н. ст.) трактовалось как брак с одной стороны Польши, а с другой – Литвы и Руси, а «что Бог соединил, того ни человек, ни злой дух не разлучит»³¹.

Переход от политической цели к обещаниям социальной справедливости производится через создание исторических мифов. Первый из них заключается в отсылке к обещанию царского правительства по итогам Крымской войны «Усякаму вольнищю даци..., штоб народу никого не примушаци»³². Этот миф, высказанный впервые в «Гуторке старогдзеда», был развит в «Мужицкой правде»: российское правительство якобы обещало «narodowi daci wolnosc, niebraci rekrutou i wielkich podatkau» (Музыкальная пражда № 3)³³. Эта историческая выдумка контрастно противопоставлялась другому историческому мифу о прежней легкой жизни без налогов. «Za Palakom to bywalo / I padankou placicmalo – / A chto mieu pana lichoha / Paszou sabie do druhoha» (Гуторка старохо дзедза)³⁴. «Мужицкая правда» и в этом отношении пошла дальше своего идейного источника («Гуторки старохо дзедза»). Для иллюстрации рассуждения автора-агитатора текст приводится подробнее в русском переводе: «Был когда-то народ наш свободным и богатым. Не помнят этого наши отцы и деды, но я вычитал в старых книжках, что так когда-то бывало. Барщины тогда никакой не было. И не нужно этому удивляться, потому что леса было много, поля сколько хочешь, а людей-то мало, так зачем же служить барщину за землю, если каждый мог лесу вырубить, хату себе построить и иметь свое поле»³⁵. А барщина как появилась? Завистливые соседи («немец и москаль») начали зариться на это богатство, поэтому король написал такой закон: «Кто не желает идти защищать свою землю, пускай обрабатывает поле тем, которые бьются за свободу и счастье всех. И так было долго: одни защищали край, все ходили воевать, а другие пахали, сеяли, косили да жали. С тех пор-то и пошла эта барщина. Судите ж теперь сами, можно ли было сделать справедливей, чем сделал когда-то наш король польский и литовский?» («Мужицкая правда» № 2)³⁶. Автор в данном случае делает пропагандистский ход, затушевывая действительное происхождение барщины, игнорируя историю сословного распределения прав и обязанностей, забывая выплату натуральных и денежных повинностей крестьян в пользу землевладельцев в великокняжескую эпоху и объясняя

³¹Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 118.

³²Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы... С. 109.

³³Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия... С. 128, вклейка.

³⁴Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы... С. 95.

³⁵Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия... С. 48.

³⁶ Там же. С. 49.

барщину военной службой шляхты в то время, как она вытекала из другого источника – закрепощения крестьян и увеличения запашки господских земель. Весь ход мысли здесь направлен на идеализацию «справедливых» до московских порядков, которые принесли с собой рекрутчину, чиновничий произвол, налоговый гнет, обманчивую свободу от крепостной зависимости. «Мужицкая правда» № 7 указывает на образец решения социальной проблемы: «Wyiszou wze Polski Manichwest! Ziemia wolno dajecca usim muzykam; bo heta ihnia ziemia idzie dou pradzieou», за которую не надо нести барщину, давать рекрута, платить чинш, но только подымное³⁷. При этом не ставится вопрос о том, будут ли довольны крестьяне обещанным участком земли, ведь накануне и в ходе крестьянской реформы 1861–1863 гг. в западных губерниях проводилась политика обезземеливания крестьян. Польский «справедливый» манифест не возвращал поселянам утраченного, не улучшал существенно их экономического положения. Вместо конкретного решения земельного вопроса в прокламациях звучала риторика общего характера: «Nietu żo ciapier panou, / Nietu szlachty, muzykoú, / Usie roúny, jak adzin, / Vo z nas każdy polski syn» (Kryuda i prauda)³⁸.

Наряду с социальной проблематикой в повстанческих прокламациях поднимался церковный вопрос: восстановление Польши означало прекращение гонений на католическую веру и возрождение унии. Последней теме посвящен № 6 «Мужицкой правды». Рассуждение здесь строится следующим образом. Закон Божий заключается в том, чтобы хранить истинную веру и славить Бога, а московские цари «bajstruczca horodu» переменили истинную веру и потребовали славить самих себя. Эта вера (православная) есть «схизма» (раскол), в которую обратили бывших униатов, подкупив их священников. Таким образом, цари московские лишили народ истинной религии, чтобы Бог за это греховное отступление народу не помогал. Далее говорилось, что римский папа пришлет священников для обратного перехода в веру дедов-прадедов, а кто не согласится, тот «szymatykom zastaniecsia, toj jak sabaka zdochnie, toj natom swiecie piekielnyje meki cierpieci budzie!»³⁹ В другой прокламации встречается характерное замечание: «Nieprzyjaciel wiery naszych predkou niemoze dobrazyyczyc narodu» (Peredzmiertnyj rozhovor Pustelnika Pietra)⁴⁰.

Религиозная мотивация усиливалась также желанием мстить за поруганную веру. Это акцентировалось в экземплярах проповеди униатского ксендза из Холма. Здесь говорилось о страданиях за веру, которые претерпели униатские епископы и священники, якобы сосланные в Сибирь. Других

³⁷ Там же. С. 128, вклейка.

³⁸ Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы... С. 350.

³⁹ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия... С. 128, вклейка.

⁴⁰ Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы... С. 312.

униатских ксендзов морили голодом и жаждой, топили, вешали, кололи штыками, базилианской монахини Макрине из Минска якобы выбили зубы. Долгое время заставляли крестьян деревни Дзерновицы (Витебская губерния) ходить в православную церковь, секли розгами, отправляли на тяжелые работы. Указывались и притеснения, выпавшие на долю Католической церкви, – запрещение принимать на исповедь чужих прихожан, крещение детей в смешанных семьях в православие, закрытие монастырей. И теперь в Польше избивают ксендзов, въезжают в костелы на конях. «Разве не отомстите москалям за преступления, которые они делают в Польше? Разве это не справедливая причина воспламениться мстостью и выгнать отсюда москалей, которые, как саранча, наполнили край и довели его до голода?»⁴¹ Для усиления впечатления распространялись листовки с изображением поломанного под Варшавой креста⁴². В одном из обращений к православному духовенству говорилось: «Восстаньте от грехов, опомнитесь, вы рождены вашими матерями полячками, которые вас питали своей грудью, проводили беспокойные ночи над вами, чтобы воспитать в вас сынов отчества и добродетельных пастырей народа». «Мщение поляков за святую веру ужасное». «Мы со святой верой и с траурным на груди крестом, оскверненным недостойными москалями, совершим все по имя милосердного Бога, во имя святой католической веры и нашего отчества – Польши»⁴³. Наряду с такими заявлениями в другом воззвании к православному духовенству указывалось, что свобода вероисповеданий была основой законодательства в Речи Посполитой, что православные в борьбе с Москвой должны руководствоваться примером князя Константина Острожского, но заканчивалось оно опять же словами, что всякий «изменник отчества» «будет преследуем и наказываем со всей строгостью законов перед судом обиженного отчества»⁴⁴.

Практические выводы в листовках заканчивались призывом подняться на «москаля», не платить налогов и не помогать царским войскам. В поэтическом виде это выглядело так: «Uzo niezdabrawac jamu / Pahanomu Maskalu: / Pany szabli pabiaruc, / Taj nas z saboj pazawuc – / Tak nie tracciazepary / Dy wastrycie tapary; / I kasu na pryhatouki – / Buduc slaunyje Pietrouki! / Jak Maskalu tkniesz u nos, / toto budzic sienakos» (Hutorka staroho dzieda)⁴⁵.

Таким образом, в повстанческих прокламациях главным предметом выступает идеализированная Польша, призывающая своих детей на свою защиту. В текстах обнаруживается много смыслового сходства – указание на

⁴¹Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 33.

⁴² Там же. С. 38, 48, 59, 128 иллюстр.

⁴³ Там же. С. 47–48.

⁴⁴ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 19. С. 727–729.

⁴⁵Хаўстовіч М. Даследаванні і матэрыялы... С. 71.

попране «москалями» истинной веры, справедливости и свободы, на тяжесть московской неволи (рекрутчина, поборы), надежда на помощь французов, призыв к священной войне.

Рассматривая агитационную повстанческую литературу, ходившую в белорусско-литовских губерниях, нельзя пройти мимо одного недоуменного вопроса, связанного с тем, что в ней напрочь отсутствует попытка обратиться к простому народу с целью пробудить в нем белорусское или литовское национальное самосознание. Таких текстов не выявлено. В прокламациях ясно выступает польское самосознание авторов. Однако, несмотря на такое обстоятельство, в исторической литературе сохраняется тенденция считать, что восстание 1863–1864 гг. обусловило рождение белорусской нации. Встречаются довольно специфические суждения, например, филолога-белоруса из Варшавы Н. В. Хаустовича, заметившего, что тогда читали и пели про Польшу, но читали и пели на белорусском языке, значит, белорусское печатное слово получило свое признание⁴⁶. Однако очевидно, что идеологи восстания для расширения социальной опоры обратились к простонародному языку только как к средству пропаганды, что не означало его признания в качестве национального языка. Более того, язык прокламаций служил им для пропаганды польской национальной идеи, которая знала только «детей Польши», а не «братство народов». В таком контексте повстанческая агитация вела к полонизации белорусов и литовцев, что как раз препятствовало развитию их национального самосознания.

Распространение листовок повстанцев вызвало ответную реакцию со стороны православных авторов из среды духовенства. На темы, поднятые в повстанческих прокламациях, вышли печатные ответы воспитанников Литовской духовной семинарии⁴⁷, ответ приходского священника Августа Куцевича⁴⁸, брошюра «Рассказы на белорусском наречии»⁴⁹, «Воззвание белоруса православного к белорусским католикам»⁵⁰, послания архиеп. Василия (Лужинского)⁵¹.

В первую очередь по своей краткости и выразительности обращает на себя внимание предписание митр. Иосифа (Семашко) благочинным и монастырям Литовской епархии от 19 декабря 1861 г.⁵² Здесь по главному пункту повстанческих прокламаций о возрождении Польши говорится: «Эти

⁴⁶ Там же. С. 9.

⁴⁷ Литовские епархиальные ведомости (ЛЕВ). 1863. № 13. С. 467–488. № 14. С. 522–546.

⁴⁸ ЛЕВ. 1863. № 19. С. 729–759.

⁴⁹ XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах / Уклад. : М. Хаўстовіч. – Мінск, 2000. Кн. 2. С. 201–215.

⁵⁰ Гортынский Г. Н. К истории польской смуты 1863 года: Воззвание белоруса православного к белорусским католикам, Всеподданнейший адрес православных дворян Могилевской губернии // Русская старина. 1901. Т. 106, № 4. С. 145–150.

⁵¹ Василий (Лужинский) архиепископ Полоцкий и Витебский. Слова, речи и архипастырские послания. СПб., 1866. С. 321–333.

⁵² ЛЕВ. 1863. № 2. С. 43–46.

воззвания и внушения сколько дерзки, столь же и невежественны. Нам указывают па Польшу! Но какое нам дело до Польши? Мы – русские, дети бесчисленной русской семьи, потомки св. Владимира, мы родились в России, присягали на верность Русскому Царю». На угрозы неповиновения польскому правительству митрополит отвечает так: «Нас страшат поляками! Не потому ли, чтобы напомнить нам вековые страдания наших отцов, присоединившихся было доверчиво вместе с Литвой к Польше? Неужели хотят воскресить память предков наших, павших в кровавой брани за свои права и за свою веру?» На призыв вернуться в унию – «Нам указывают на Униатскую веру! Как бы была, или могла быть Униатская вера!? Как бы уния не была лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно-Православной Восточной Церкви!? Как бы эта несчастная уния не была орудием тяжелых терзаний и гонений, которые испытали предки наши в течение трехсот лет; пока мы, потомки их, не обрели наконец тихого пристанища и успокоения на лоне России и Матери своей Православной Церкви». Такой в кратком виде представляется идейная основа для всех возражений с православной стороны. Здесь отчетливо выступают следующие пункты: лояльность государству, приверженность православной вере, русское самосознание и негативная оценка исторической принадлежности Литовского и Белорусского края Речи Посполитой.

Представляют интерес отдельные высказывания, развивающие в деталях указанные основы. Так, в одном из семинарских ответов спрашивается: «По какому праву вы назвались правителями народа нашего? Разве народ православный в этом крае, к которому мы принадлежим, избрал вас, как своих представителей, и облек над собою властью?», почему, говорится далее, «действуете невидимо, из-за угла, подметными прокламациями?», «побуждая других идти на верную смерть, сами остаетесь в безопасности, скрываясь под мраком неизвестности?»⁵³ Здесь подмечается важный социально-психологический аспект. Повстанцы не имели силы провести свои манифесты в жизнь, поэтому, сделав объявление, прятались при угрозе наступления армейских частей, оставляя на произвол судьбы тех, кто бы им поверил, но не мог бежать вместе с ними, то есть основную массу населения. Соответственно, местные жители не могли воспринимать повстанцев как реальную власть. Тот же автор указывает на то, что нет никакого равенства «пана и мужика» в повстанческих отрядах, так как простолюдины, «когда вы пируете, они должны стоять на страже, не смея, под опасением смерти, подойти к вашей трапезе; от сырости гниет на них одежда; они не могут разложить огня, не имеют чем утолить голода; а вы, которые служите

⁵³ ЛЕВ. 1863. № 13. С. 469.

причиною их страданий, заботитесь только о себе»⁵⁴. Социальное неравенство такого рода в самом деле ощущалось в повстанческих отрядах даже во время боя, поскольку инсургенты нередко прятались за спинами плохо вооруженных крестьян во время боя с частями регулярной армии (по свидетельству генерал-лейтенанта З. С. Манюкина о начале военных действий в Бельском уезде)⁵⁵.

С возмущением отвергается обвинение православных священников в корыстном услужении российскому правительству. Ксендзы получают от него гораздо больше – 400-600 руб. серебром, когда православные священники – 180-200 руб. серебром⁵⁶.

Ссылки агитаторов восстания на польскую принадлежность Литвы и Белоруссии, на исторический пример Люблинской унии и свободу вероисповедания встречали отпор в исторических же ссылках. «справьтесь с историей, гг. повстанцы! – писал один из семинаристов, – из нее вы узнаете, что ни Белоруссия, ни Волынь, ни Полесье не были польскими, а составляли часть Литовско-русского княжества, и только впоследствии были прикреплены к Польше, с которой у них не было ничего общего ни в делах веры, ни в жизни внутренней, – в нравах и обычаях народа. На Люблинском сейме в 1569 году вы обещали свободу вероисповеданий; между тем уже в царствование Сигизмунда III и Владислава IV Малороссия должна была оружием отстаивать свою православную Веру»⁵⁷. Развернутое опровержение ссылки на свободу вероисповедания сделал также свящ. Август Куцевич, начавший с того, что сама уния церковная есть факт религиозной нетерпимости и продолживший описаниями способов обращения православных в унию⁵⁸. В одном из семинарских ответов была подмечена противоречивость обещания свободы и угрозы наказания: «В одной прокламации ... вы убеждаете нас в своей исконной веротерпимости; в другой угрожаете вечными мучениями за отступничество от унии прешедшей и невозвратимой, если мы не образумимся»⁵⁹.

Более обстоятельно на исторических вопросах остановился неизвестный автор «Рассказов на белорусском наречии» в первой части своего сочинения⁶⁰. Здесь автор определил территорию «Билоруссии» (sic!) от Могилева и Витебска на востоке до Волковыска и Бреста на западе. Белорусская история ведется им от летописных кривичей, «русская мова» которых была близкой

⁵⁴ Там же. С. 471.

⁵⁵ Миловидов А. И. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна: Губернская типография, 1915. Ч. 2. С. 22–25.

⁵⁶ ЛЕВ. 1863. № 13. С. 475.

⁵⁷ Там же. С. 476.

⁵⁸ ЛЕВ. 1863. № 19. С. 731–734.

⁵⁹ ЛЕВ. 1863. № 14. С. 526.

⁶⁰ XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах... С. 201–206.

к современной «мужицкой». Затем указывается, что «Билоруссию» присоединил князь Владимир, при нем же в православие крестился «Билорусьский народ». Литовцы («литвины») жили с белорусами «в великой згодѣ», что и послужило основой для подчинения белорусов литовским князьям. Вместе с тем православная («русская») вера и язык стали распространяться в Литве. В частности, законы Великого княжества Литовского пишутся «по-билорусьску» («русьскаю моваю»). При Ягайло с Польшей соединились «Литва» и «Билоруссия», что послужило началом распространения в них католичества. С этого времени «билорусьско-литовские пань» стали переходить в католическую веру, чтобы заседать в сенате при короле. Люблинская уния была заключена против воли литовских послов, отъехавших с сейма. Чтобы вслед за панами ополячить православный народ была придумана церковная уния, на которую согласились некоторые «Билорусьские бискупы» без согласия народа. Уния вводилась затем насильно. Вопреки условиям ее заключения в унии переменялась и вера, и обряд православный. В итоге белорусы оставили унию и перешли не в новую какую, а в свою прежнюю православную веру.

Православные авторы не стали разбирать социальные обещания повстанцев (свободы, справедливости, наделении землей). По всей видимости, их утопичность была самоочевидна. Но со своей стороны они подняли важный вопрос о необходимости учиться. В «Рассказах на белорусском наречии» этому уделена целая глава, где «между прочим говорится: «Тэпэрь Государь дав нам «Положения», дэ пышетця, як маемо з давнишним паном раховатыся, абодасць ще сэредных, чи асысор распорэжэнье якое. Сэумиешь читаты, сам згадаешь тое все, дойдешь чистэй правды; нэбудэшь на цильый свит нарикаты, же нэма на нем справэдывости... А сэ мужик до науки будэ охвотный, сэ добре и грунтоvnэ выучитця, его збрыт и ассэсором... простый мужик чрез навуку выходыт в людэ... з простых мужиков бувают часом учитэлимы, чи инспекторымы в гимназии... чия яким чиновныком, в кожnym рази челоуиком ученым, нелядащым, на корысть соби и людям»⁶¹.

Тезису повстанцев – «вы – поляки, дети Польши» – был противопоставлен национальный мотив – «мы – русские, дети России». «Мы душой и телом преданы России и считаем себя ее детьми, а не Польши», – писал один из семинаристов⁶². Этот момент требует контекстуального пояснения. В первую очередь, бросается в глаза неустойчивость терминологии не только у разных авторов, но даже у одного. Употребляются

⁶¹ Там же. С. 211.

⁶² ЛЕВ. 1863. № 14. С. 534.

определения «белорусская народность» и «литовская народность»⁶³, но тут же «русский народ» и «русская национальность»⁶⁴. В «Рассказах на белорусском наречии» встречается и такое утверждение: «Мы сами запэвнэ зусим не ляхи: мы сами по соби народ особый – Белоруссы! Русьска мова и русьска грамота нам завше потрибнийша, як польска»⁶⁵. Отсюда становится понятным, что местные авторы считали себя бело-русами, то есть особенной частью русского народа. Этому не противоречит тот факт, что в «Воззвании белоруса православного к белорусским католикам» сказано: «А ежели сказать сущую правду, ни вы – поляки, ни мы – россияне. Мы все белорусы», а несколько выше эта мысль подготовлена так: «Не более как два года назад мы с вами роднились, дружили, водили хлеб-соль, никогда не делая друг другу никаких укоризн, не только оскорблений, за мнения о национальности или о религии; жили мирно и согласно как одноплеменные братья славяне-христиане»⁶⁶. Здесь находим понимание авторами этнографических особенностей «белорусской народности», которые отличают их от остальных «россиян». Более того, в «Рассказах на белорусском наречии» развивается та же мысль, что и в «Воззвании белоруса православного», а именно, что белорусам необходимо преодолеть конфессиональное разделение. В последнем сочинении о проблеме самоопределения «православные – русские», «католики – поляки» автор пишет: «Якие яны Поляки? У их мова простая, белорусская, звычай простые белорусские; и звычай и мова у мужиков католиков тыя самыя, што и мужиков православных, ци русских»⁶⁷.

Языковая проблема приобрела в контексте полемики особенное значение. Один из семинаристов, например, признал, что польский язык употребляется в православной духовной среде, правда, с оговоркой, что его учатся не забывать с миссионерской целью для обращения католиков⁶⁸. В действительности на польском говорили по привычке бытового общения с католиками, особенно дворянами. Понятно, что в условиях восстания этот обычай стал восприниматься острее, даже подвергся обличению со стороны публицистов центральной России. Так, в «Послании из Москвы к белорусскому духовному сословию» московской газеты «День» наряду с признаниями заслуг местных православных священников в поддержке лояльности у прихожан стоит призыв: «Пусть русский, употребляющий вместо русского польский язык, изгонится из вашего общества и лишится

⁶³ Там же. С. 525, 531

⁶⁴ Там же. С. 529.

⁶⁵ XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах... С.213.

⁶⁶ Гортынский Г.Н. К истории польской смуты 1863 года: Воззвание белоруса православного к белорусским католикам... С. 145–146.

⁶⁷ XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах... С. 209.

⁶⁸ ЛЕВ. 1863. № 14. С. 540.

друзей»⁶⁹. В ответ было тактично обещано относиться к этому обычаю строже⁷⁰.

Вообще, роль православного духовенства, взявшего на себя почин отвечать на повстанческие прокламации, объясняется тем значением, которое оно традиционно имело в глазах простого народа. Свящ. Август Куцевич писал по этому поводу: «Когда литовский крестьянский народ (имеются в виду жители Литовско-Виленской епархии– А. Х.) страдал под тяжелым гнетом крепостного права; когда литовское дворянство, давно утратившее свою веру и народность, видя в народе что-то чуждое для себя, рвало все духовные родственные свои связи с ними облагало оный всевозможными тягостями: в то время, кто, как не православное духовенство, было хотя немогущим, но всегда сердобольным опекуном несчастного народа и защищало его от насилий и изуверства, часто при самых невыгодных для себя оттого последствиях? Кто видел в крестьянине своего брата, своего друга? Кто его измученного и униженного согрел своей любовью и утешал надеждою счастливейших дней? Когда этот отверженный народ коснел в самом непроходимом невежестве, и когда наши патриоты–дворяне считали образование даже вредным для народа, – кто первый, как не тоже духовенство, стал убеждать крестьянина в пользу образования? Кто указывал ему на образование, как на единственное средство к выходу из несчастного положения? И кто затем первый сделался проводником просвещения в массы народные?»⁷¹ Таким образом, православные пастыри посчитали своим долгом ответить на прокламации повстанцев, тем более что некоторые из них были напрямую обращены к священникам Греко-Российской Церкви.

Подводя итог краткому рассмотрению печатной полемики, можно сделать несколько выводов. Во-первых, польскому патриотизму повстанцев был противопоставлен русский патриотизм. Православные авторы в отличие от своих оппонентов как раз обратились к национальному самосознанию своих слушателей, в их ответах звучали слова не только о «русском народе», но и о «белорусской народности», о «белорусском наречии (мове)», об отеческой православной («русской») вере. В популярном виде они изложили историю Литвы и Руси и указали на искусственность их соединения с Польшей в одно государство. Церковная уния была представлена как факт религиозного насилия и попытка полонизации белорусов. Все это свидетельствует о росте национального самосознания, о размышлении над историческими судьбами своего народа. Даже раздались голоса о том, что

⁶⁹ Витебские губернские ведомости. 1863. № 45. Неоф. ч. С. 4.

⁷⁰ Там же. С. 7.

⁷¹ ЛЕВ. 1863. № 19. С. 748–749.

конфессиональное разделение белорусов не есть преграда их этническому единству.

Во-вторых, заметно, что православные авторы практически не уделили внимания опровержению социальных утопий повстанцев о свободе, справедливости, даровой земле. На манифесты повстанцев правительство ответило прекращением обязательств крестьян перед своими бывшими господами, снижением платежей за землю, наделением участками безземельных бобылей и кутников. Практический крестьянский ум быстро разобрался, где журавль в небе, а где синица в руках. Не случайно сами повстанцы (С. С. Окрейц) замечали о крестьянах: «Никакие обещания воли и земли не подкупали их»⁷². Очевидно, по этой причине православные авторы не стали заниматься опровержением социальной программы своих оппонентов. Однако они акцентировали необходимость учебы в новоучреждаемых народных школах, убеждали, что образование поможет разобратся в законах, выведет в люди, иными словами, поможет выйти из замкнутости крестьянского сословия.

В-третьих, напоминая повстанцев об унии было противопоставлено твердое указание на ее невозвратимость. Переход униатов в православие в 1839 г. трактовался православными авторами не как отступничество, а как возвращение к вере отцов.

Таким образом, православная сторона показала несостоятельность исторических ссылок своих оппонентов и обосновала выбор в пользу российского монарха и правительства. Было предложено отличное от польского наполнение концептов «Родина», «патриотизм», «свобода веры», «верность долгу».

При оценке эффективности словесной борьбы с обеих сторон нужно учесть, что православные авторы выступали в официальных изданиях, могли распространять свои взгляды открыто, не боясь санкций. Повстанцы не имели такой возможности, действовали исподволь, стесненные надзором полиции и недоверием своей аудитории. Можно сказать, что одним из главных итогов этой полемики стал рост белорусского самосознания, отходившего от своей «тугйшести» к видению себя как части триединого русского народа. Это был важный шаг к обретению белорусами своего национального самосознания.

⁷² Окрейц С.С. Воспоминания инсургента // Исторический вестник. 1912. Т. 130, № 10. С. 191.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ОЦЕНКЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Разделы Речи Посполитой обусловили возникновение польского вопроса, который на протяжении всего XIX в. занимал одно из основных мест во внешней и внутренней политике Российской империи.

Характерной особенностью польского вопроса было постоянное стремление большинства шляхетского сословия и нарождающейся интеллигенции бывшей Речи Посполитой к восстановлению утраченной государственности, что делало его перманентно острым¹.

Вольтер как-то отметил, что один поляк – душа, два поляка – ссора, три поляка – это уже польский вопрос. Поляков в составе Российской империи после разделов оказалось значительно больше.

Центральная власть исходила из представлений о территориях, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского, как исконно русских, поэтому главной задачей здесь считалось восстановление утраченных позиций и укрепление государственного единства Российской империи. К тому же, правительство настораживали «повадки всевозможного европейничанья» местного дворянства².

Стремление поляков восстановить государство «от моря до моря» рассматривалось российской властью и большинством общества как посягательство на «исконно русские земли» Западного края, то есть воспринималось как угроза территориальной целостности империи.

Напротив, для Западной Европы польский вопрос стал козырной картой в борьбе с Россией и одним из главных аргументов для обвинений ее в экспансионизме и стремлении подчинить своей власти прилегающие страны. После разделов Речи Посполитой осуждение Российской империи и, заодно, всего русского стало нарастать. В европейском общественном мнении именно Россия стала главным объектом обвинений в стремлении поработить Польшу и польский народ, несмотря на то, что в разделах принимали участие еще Пруссия и Австрия, но они не считались угнетателями свободы.

Отношения России с Польшей – один из наиболее острых и постоянно обсуждаемых вопросов второй половины XIX в. Причиной, прежде всего, была «неуспокоенность» Польши, не смилившейся с утратой государственности и активно сопротивлявшейся политике царского правительства, даже примирительной.

¹ Оржиховский И.В., Теплова В.А. «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. / Выбранные научные работы Белорусского государственного университета. У сямі тамах. Т.П. Гісторыя. Філалогія. Журналістыка. Мінск. БДУ. 2001. С.79.

² Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С.38.

В контексте интерпретации польского вопроса интерес представляют работы известного русского мыслителя Н.Я. Данилевского, написанные во второй половине XIX века и посвященные противостоянию Европы и России, а также определению места славян, как особой группы народов, в мировом сообществе. Будучи ученым-биологом, Н.Я. Данилевский создал оригинальную концепцию общественного развития, благодаря которой вошел в историю мировой социологии и политологии.

Размышляя о судьбе славянских народов автор обращает внимание и на польский вопрос, указав на сложности, с которыми столкнулась Российская империя при разделах Речи Посполитой: перманентную враждебность большинства польской элиты ко всему русскому, что напрямую передавалось элитам западных европейских стран того времени.

В 1865 году Н.Я. Данилевский начал писать свою самую известную историсофскую книгу «Россия и Европа», которая впервые была напечатана в журнале «Заря» («почвеннической» ориентации) в 1869 году (№ 1–6, 8–10), а отдельным изданием в С.-Петербурге, в 1871 году. В этой работе автор обращается и к польской проблематике, определяя причину возникновения польского вопроса, европейскую поддержку антирусских действий поляков и возможного решения вопроса в условиях Всеславянской федерации. Главный фактор постоянного нагнетания польского вопроса и затягивания его решения в самой Российской империи Н.Я. Данилевский видит в «европейничаньи», понимаемом им как стремлении принять европейские ценности и интересы, поставив их выше собственных государственных и национальных, славянских. По тексту он неоднократно использует это понятие, отдельная глава книги «Россия и Европа» так и названа – «Европейничанье – болезнь русской жизни»³.

В своей работе Н.Я. Данилевский, при характеристике разделов, отмечал, что Пруссии принадлежала первоначальная мысль о переделе Польши « и в уничтожении настоящей Польши в ее законных пределах Россия не имела никакой выгоды. Совершенно напротив, Россия, несомненно, сохранила бы свое влияние на Польшу и по отделении от нее русских областей...»⁴. Сам раздел Польши, насколько в нем принимала участие Россия, был для нее «... делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами...», так как не затрагивал исконно польских земель, а возвращал территории, ранее входившие в состав русского государства⁵.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 315.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ Там же. С. 46.

Однако, несмотря на все это, осуждение Европы обрушилось всей своей тяжестью, по мысли Н.Я. Данилевского, не на действительно виновных – Пруссию и Австрию, а на Россию. «В глазах Европы все преступление раздела Польши заключается именно в том, что Россия усилилась, возвратив свое достояние»⁶.

Автор указывал, что политика правительства в присоединенных после разделов землях первоначально не содержала антипольских мер. Так, «Польша пользовалась, по соединении с Россией, государственной самобытностью и конституционной жизнью; при русском владычестве распространилось польское влияние на Западную Россию при посредстве Вильненского университета, целой системы народного образования и многого другого. Только явные, грубые попытки поляков присоединить к себе силой Западную Россию открыли нам глаза, – и то, как кажется, только на время»⁷.

Присоединение к Российской империи уже в XIX веке Царства Польского стало, как писал Н.Я. Данилевский, «настоящим ящиком Пандоры, приведшим Россию уже к двукратной внутренней войне и к усилению польского элемента в западных губерниях. Без этого пагубного приобретения центр Польских волнений находился бы в Пруссии, или Австрии, а западные губернии продолжали бы русеть, как во времена Екатерины»⁸.

В условиях противостояния Европы и России (память о Крымской войне была актуальна) Польша становилась форпостом борьбы с российским влиянием и, одновременно, фактором дестабилизации большого государства. Как писал ученый: «При всегдашней готовности Европы воспользоваться слабостью России, она, конечно, поспешила бы подать руку помощи угнетенным Россией народам, сделавшись (как теперь относительно поляков) их первым, хотя и лицемерным другом, – и вместо ожидаемого увеличения могущества Россия должна бы была рухнуть под собственной своей тяжестью»⁹.

Данилевский обращает внимание, что из всех славянских стран одна Польша пользуется европейским расположением, потому что «составляет тип и образец того, как бы Европе хотелось фасонировать и прочих славян для полного порабощения их себе, – даже и в том случае, когда бы ими дана была чисто внешняя политическая самостоятельность, которую истинные славяне всегда ценили ниже внутренней духовной и бытовой самобытности»¹⁰.

⁶Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 46.

⁷Там же. С. 488-489.

⁸Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». - М.: Издательство «ФИВ», 2013. С.181.

⁹Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 492.

¹⁰Там же. С. 384-385.

Внешняя поддержка антирусскости в польском обществе, как отмечает Н.Я. Данилевский, накладывается на планомерную внутреннюю деформацию польской элиты. «Искажение это заключается в так называемой польской интеллигенции и именно в трех сторонах ее: католическо-ксендзовской, аристократическо-шляхетской и демократическо-революционной»¹¹. Так, «аристократизм обратил высшие сословия в ясновельможное панство и шляхетство, а низшие – в быдло. Наконец, демократизм и революция, которым Европа обязана уничтожением многих злоупотреблений, многими свободными учреждениями ... – производили в Польше только сеймики, конфедерации, «не позволяя», народный жонд, кинжальщиков и жандармов-вешателей»¹².

Все это в целом и формировало фокус восприятия России. В одной из политических публицистических статей мыслитель отмечал, что «нет никакого сомнения, что всякими вредными для России, ослабляющими ее внутренние силы, явлениями Поляки готовы воспользоваться и, по мере возможности, им содействовать»¹³. И, он дополнил ранее высказанный тезис, что они виновны, «не только примером ржонда, жандармовешателей, кинжальщиков, но без сомнения и прямым участием в порождении террористического направления тайных обществ, совершивших столь ужасные преступления и принесших столько зла»¹⁴.

Но, чтобы иметь возможность противостоять России, Польше необходимо «будет жить в наилучших ладах с ее западными соседями, немцами, которые, конечно, не упустят случая своими капиталами, колонизацией, политическим и культурным влиянием прибрать к своему рукам эту страну...»¹⁵.

Решение польского вопроса Н.Я. Данилевский видел в сближении России и Польши на основе народного чувства соседской близости и понимания славянского единства. В этом процессе руководящая роль должна принадлежать российской стороне. Тогда можно было бы переломить тенденцию формирования, поколение за поколением, враждебного России славянского народа. Так автор писал, что «если, напротив того, и русская государственная, и русская общественная сила будут действовать последовательно, в здраво понятых русских интересах, которые суть вместе с тем и здраво понятые польские интересы, без всякого мировольно-польщизне, будет ли то якобы во имя цивилизации или во имя крупного

¹¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 472.

¹² Там же. С. 472.

¹³ Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». - М.: Издательство «ФИБ», 2013. С.225.

¹⁴ Там же. С.226.

¹⁵ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 469.

землевладения и каких-то сословных интересов, которыми никакое действительно русское сословие не интересуется, – то должно ожидать, что и в самой Польше здоровые народные инстинкты возымеют верх над вредными, разъедающими польское общество началами и стремлениями»¹⁶.

И добавлял, что « в этом случае польскому народу предстояло бы или постепенное слитие с родственным ему русским народом, или же, при сохранении своей национальности, очищенной продолжительным русским влиянием от приставших к ней зловредных, искажающих ее примесей, стать, подобно всем славянам, дружественным товарищем и пособником русскому народу в великом общеславянском деле, приобретаая и для себя постепенно все большую и большую долю самостоятельности»¹⁷. Поэтому даже Польша сможет найти «возможно благоприятный исход ее долгих томлений – единственно в недрах Всеславянского союза, в тесном единении и дружбе с Россией»¹⁸.

Такое решение польского вопроса так и осталось частным мнением ученого, переживающего за судьбу славянских народов.

Современная действительность, на наш взгляд, подтвердила обоснованное Н.Я. Данилевским различие интересов Европы и России. Формирование антироссийских европейских коалиций и объединений в прошлом и настоящем свидетельствует об этом. Польский вопрос в конечном счете решался путем дальнейшего усиления польско–русского противостояния. И эта тенденция была перенесена из века XIX в век XX. Примером является глава возрожденного в начале XX века польского государства Ю. Пилсудский с его проектом прометеизма и многочисленными антироссийскими высказываниями в печати. Вблизи западных границ России путем методичной, последовательной и долговременной работы сформировалось государство в официальной идеологии которого присутствует антирусская составляющая. Она имеет общественную поддержку. История развития такого отношения друг к другу соседних народов показывает, что, например, мнение Н.Я. Данилевского не было услышано и воспринято властями, оно так и осталось в копилке интеллектуальной политической мысли прошлого. Это, вместе с другими факторами, привело к тому, что сложилась разделительная линия между славянскими народами, а ресурс к сближению остался без востребования.

¹⁶ Там же. С. 470.

¹⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 471.

¹⁸ Там же. С. 486.

**ВОССТАНИЕ 1863–1864 гг.
В ЧЕШСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Тема польского восстания 1863–1864 гг. присутствовала в чешском общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. Наибольший интерес к восстанию проявил чешский историк Я. Бидло. В 1896 г. ученый опубликовал в «Чешском историческом журнале» («Český časopis historický») обзорную рецензию на работу польского публициста С. Козьмяна «Речь о 1863 годе». Я. Бидло полностью солидаризировался с автором рецензируемой работы в оценке восстания как роковой ошибки поляков: «Главной задачей поляков после разделов Речи Посполитой было сохранение национальной экзистенции, усилия по достижению независимости были пагубными, неразумными, особенно теми средствами, то есть с помощью восстания. Нужно признать, что в неудачном развитии событий в Польше в 1863 г. виноваты сами поляки, все произошло по их собственной воле. Поляки в то время не поняли того, что не смогут добиться независимости, не понял этого и сам автор, который в анализируемой работе возлагает вину в том числе и на себя. Против борьбы за независимость говорили как история, так и опыт поколения, которое от нее отказалось. Независимость является самой благородной, но отдаленной целью, прежде всего следовало сохранить национальную экзистенцию. При достижении данной цели можно было бы легко добиться всего остального. Упадок Польши был глубоким и длительным, из-за этого обновление ее строя будет также длительным, проводить его нужно осторожно»¹.

Подробная характеристика подготовки, хода и результатов восстания 1863–1864 гг. была представлена Я. Бидло в фундированном исследовании «История России в XIXв», изданном в 1908 г. Историк детально проанализировал предпосылки восстания и причины его неудачи. По мнению Я. Бидло, у более консервативного крыла повстанцев («белых») не было четкой позиции по отношению к политическим радикалам («красным»). С одной стороны, «белые» явно или скрыто симпатизировали деятелям, стремившимся «разжечь пожар революции», так как видели в этих людях «главное проявление национального пробуждения»². С другой стороны, «белые» опасались начала плохо подготовленного восстания, но также не были склонны к какому-либо компромиссу с российской администрацией.

¹*Bidlo J. Litaratura // Český časopis historický. 1896. № 2. S. 115–116.*

²*Bidlo J. Dějiny Ruska v devatenáctém století. Díl II. Praha: J. Otto, 1908. S. 44.*

Я. Бидло считал, что помощник наместника Царства Польского А. Велёпольский был той фигурой, которая могла обеспечить союз либерально настроенного российского чиновничества и умеренного крыла повстанцев, однако этому помешали некоторые качества политика («прямолинейность, чрезмерно открытый характер и недостаточная дипломатичность»). Кроме того, против компромисса «белых» и А. Велёпольского выступала польская эмиграция, которая подогривала в польском общественном мнении безосновательные надежды на активную помощь повстанцам со стороны иностранных держав³. В результате накануне восстания у его руководства не было четкого плана дальнейших действий: «Более мирная партия, «белые», хотя и не хотела восстания, одновременно испытывала отвращение к компромиссу с Россией, в своей нерешительности винила революционеров. «Дирекция» «белых» находилась в постоянном контакте с «красными», из-за страха перед несвоевременным восстанием шла на постоянные уступки в надежде, что сможет сместить его начало на более благоприятный срок»⁴.

Католическая вера рассматривалась Я. Бидло в качестве инструмента, с помощью которого руководство тщетно пыталось приобщить к восстанию национально индифферентные массы: «Религия должна была стать приманкой для приобщения широких масс, для которых национальная идея была чужой. Ю. Словацкий в одном из своих произведений называет три типа польских революционеров, из них наиболее характерным является тип отца Бонифата, который хочет спасти народ молитвой; по его мнению, все должны идти на гибель без защиты, как мученики. Подобных отцу Бонифату было много как среди духовенства, так и среди светских лиц»⁵.

Я. Бидло считал, что восстание 1863–1864 гг. было обречено на поражение вследствие целого ряда объективных причин: плохая подготовка, узкая социальная база, тотальное превосходство российской армии в численности бойцов и технической оснащенности, отсутствие помощи повстанцам со стороны западных держав: «Восстание 1863 г. не имело ни одного шанса на успех. С самого начала оно было слабым. К нему присоединились только средние слои, мелкая шляхта, жители городов, мелкое духовенство и так называемая интеллигенция (в основном мелкие служащие). ... С самого начала событие не могло носить иного характера, кроме вандализма, в конце концов, бескрайние леса и болота Царства Польского этому способствовали. Организаторы восстания с самого начала рассчитывали на иностранное вмешательство. Не было даже попыток понять

³Ibidem. S. 50.

⁴Ibidem. S. 60.

⁵Ibidem. S. 43.

широкие социальные слои, даже когда центральный комитет в марте 1863 г. провозгласил, что земля, на которой трудились крестьяне, перейдет в их безусловное и наследственное владение. Сельское население видело в повстанцах главным образом шляхту, которая его притесняла и вытягивала все соки»⁶.

Действия российских властей по преодолению последствий восстания оцениваются Я. Бидло крайне негативно. Историк несколько раз прибегал к сравнению положения «польского элемента» после 1863 г. с положением чешских протестантов после битвы у Белой Горы в 1620 г. В несколько гиперболизированной форме Я. Бидло описывал процессы тотальной русификации, насаждения православия, ограничения в правах лиц католической веры. В следующем пассаже автора содержится одно из немногих упоминаний белорусского фактора в восстании: «Точно как у нас после Белогорской битвы у народа вырывали из рук польские, малорусские и белорусские книги, часто старые, редкие и ценные»⁷.

К проблематике польского восстания обращались авторы чешского журнала «Власть» («Vlast»). В статье М. Вахека, опубликованной в 1889 г., отмечались слабость поддержки повстанцев со стороны крестьянских масс, отсутствие единого понимания целей, стратегии и тактики восстания в среде его руководства: «Не могло быть и речи о каком-то решающем успехе, когда каждая группа повстанцев воевала по своему усмотрению»⁸.

В работе К. Йиндржиха основное внимание было уделено анализу последствий восстания для формировавшейся в то время литовской нации. Автор утверждал, что по отношению к литовцам российские власти проводили политику тотальной ассимиляции. В традиционном для чешских авторов того периода духе действия российской администрации после 1863 г. рассматривались как сугубо репрессивная политика: «Причинами замедления очередной волны национального возрождения литовцев стали слабое самосознание и инертность литовской шляхты, а также действия русской бюрократии, которая всячески стремилась сделать так, чтобы в мыслях и сердцах литовской молодежи было уничтожено уважение к католической церкви и католической религии. После фатального 1863 г. в российских властных кругах уже не скрывали намерений полной русификации и оправославливания так называемого Западного края. Православие и русификация были названы конечной целью деятельности в отношении местных иноплеменцев и иноверных, все местные органы власти работали на реализацию данной цели, главным инструментом была школа, которая

⁶Ibidem. S. 61–62.

⁷Ibidem. S. 69–70.

⁸Wachek M. Za víru a volnost'. Několik historicko-kulturních črt o ruských Polácích // Vlast: časopis pro poučení a zábavu. 1889. № 5. S. 755.

должна была служить полному изменению сознания подрастающего поколения. Если русская бюрократия еще сохраняла некоторые сомнения относительно ассимиляции поляков, то в отношении Литвы была полная уверенность в конечном успехе»⁹. Подобная оценка видится несколько упрощенной. Современный историк Т. Снайдер отмечает, что российские власти, борясь с польским культурным влиянием в Литве, по сути создали фундамент для литовского национального движения, развития литовского литературного языка¹⁰ (в качестве аргументации своего тезиса ученый приводит в пример деятельность Й. Басанавичюса и В. Кудирки). Заслуживает внимание и другое утверждение Т. Снайдера: «Уничтожив в сознании исторический смысл «литовскости», российская власть расчистила путь новому – этническому – пониманию Литвы и упростила задачу литовским деятелям»¹¹. Процесс становления литовского национального движения является наиболее очевидным опровержением упрощенного тезиса об исключительности репрессивных действиях российских властей на западных окраинах империи во второй половине XIX в.

Интересные рассуждения содержатся в статье А. Стиллера, опубликованной в журнале «Национально-хозяйственное обозрение» («Obzor národo-hospodárský») в 1902 г. В ней утверждается, что польская элита к 1863 г. так и не сумела сформировать полноценную нацию. Идентичность различных слоев польского общества определялась не национальными, а социальными факторами. Лидеры восстания надеялись на помощь Франции, однако не дождалась ее. По мнению А. Стиллера, это произошло в том числе ввиду разного понимания идей национальной солидарности польскими и французскими элитами: «Поляки относились к Франции с симпатией, но делали это из-за слабости, а также из-за гордости, смотрели на других славян свысока и преклонялись перед чужим народом, который о поляках ничего не знал и не хотел знать. Слово «француз» было у поляков неким показателем социальной и национальной привилегированности, тогда как слово «крестьянин» значило для них нечто меньшее, чем вещь. Французы не отказались от польских услуг, поскольку они могли быть полезными. Однако французы увидели настоящую причину, почему к ним обратились поляки. В этой причине не было ничего величественного, ничего, что заставило бы серьезно относиться к полякам

⁹Jindřich K. Polsko-litevský spor a jeho význam vůči katolicizmu // Vlast': časopis pro poučení a zábavu. 1909. № 26. S. 55.

¹⁰Снайдер Ц. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999. Мінск: Медысонт, 2010. С. 57.

¹¹ Там же. С. 75.

французов, которые готовы за интересы любого француза, в том числе крестьянина, снести головы аристократам всего мира»¹².

Тема польского восстания была затронута в одной из работ (1894 г.) будущего президента Чехословакии Т. Масарика. Данного общественно-политического деятеля всегда отличали способность к пониманию текущей конъюнктуры и компромиссным формулировкам. Оценивая польское восстание 1863–1864 гг., Т. Масарик, с одной стороны, заявил о его несвоевременности и чрезмерной радикальности, с другой стороны, выразил осторожную симпатию борьбе поляков за государственную независимость: «Польское восстание 1863 г. несколько ослабило у нас симпатии к российскому государству. ... Молодые тогда горячо поддерживали поляков – в их сознании зрело желание борьбы за собственную свободу; старшие отстаивали легальность и справедливо осуждали легкомысленность революционных шляхетских авантюристов»¹³.

Более явно симпатия к польским повстанцам была выражена в одной из работ чешского беллетриста и историка О. Едлички: «Восстание 1863 г. вызвало сильный отклик в чешской нации. Хотя многие видные чешские деятели – Палацкий, Ригер, Браунер – имели другой взгляд на этот вопрос, в огромной массе чехов господствовали самые теплые симпатии к польскому делу. Особенно среди чешского студенчества в Праге – как позднее вспоминал Ф. Пекны, не было ни одного сердца, которое бы горячо не билось от лозунга героически боровшихся поляков «За нашу и вашу свободу». Многие чехи уехали в Польшу, чтобы там с оружием в руках бороться за ее независимость»¹⁴. При этом О. Едличка в своей работе практически не приводит конкретных примеров, подтверждающих его тезис о всемерной поддержке восстания чехами.

Таким образом, большинство чешских историков и публицистов второй половины XIX – начала XX вв. оценивало польское восстание 1863–1864 гг. негативно. В условиях существования Габсбургской монархии, в состав которой входила часть польских земель, такая трактовка событий выглядит вполне логичной. Тем не менее, были авторы, которые выражали скрытую (Т. Масарик) или явную (О. Йедличка) симпатию польским повстанцам. Чешские авторы (Я. Бидло, А. Стиллер, М. Вахек) представили вполне аргументированный анализ причин неудач восстания 1863–1864 гг.: отсутствие сформированного польского национального самосознания,

¹² *Stiller A. Styky z Francií // Obzor národo-hospodářský: časopis věnovaný otázkám národo-hospodářským a sociálně-politickým: orgán jednoty ku povzbuzení průmyslu v Čechách a vývozního spolku pro Čechy, Moravu a Slezsko. 1902. № 7. S. 299.*

¹³ *Masaryk T. Slovanské studie. Jana Kollára Slovanská vzájemnost // Naše doba: revue pro vědu, umění a život sociální. 1894. № 1. S. 918.*

¹⁴ *Jedlička O. Josef Barák: nástin životopisný. Roudnice: A. Mareš, 1883. S. 20.*

слабая поддержка восстания со стороны польского крестьянства, явное превосходство российской армии над силами повстанцев, раскол в руководстве восстания, безосновательная надежда на помощь западных держав (прежде всего Франции) и др.

В то же время действия российской администрации после подавления восстания рассматривались весьма поверхностно. Большинство чешских авторов сочло возможным не углубляться в анализ курса российских властей по интеграции западных окраин империи, а ограничиться констатацией репрессивности и brutality данного комплекса мер.

**«ОГРОМНАЯ ТРАГЕДИЯ СЛАВЯН...»
ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 Г. В ОЦЕНКАХ ЧЕШСКОГО
ИСТОРИКА И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ ФРАНТИШЕКА
ПАЛАЦКОГО (1798-1876)**

Известный чешский историк и общественный деятель Франтишек Палацкий (1798-1876) плодотворно совмещал занятия исторической наукой и политической деятельностью, не только создав фундаментальный многотомный труд «История чешского народа в Чехии и Моравии», но и сформулировав идеологию австрославизма, ставшего фундаментом чешской политики во второй половине XIX века. Заслужив почетный титул «отца народа» и обоснованно считаясь основателем современной чешской историографии и одной из ключевых фигур чешского национального возрождения, Палацкий традиционно уделял пристальное внимание России и русско-польским отношениям. Особое место в публицистическом наследии Палацкого заняло польское восстание 1863 г., вызвавшее колоссальный отклик среди чешской общественности. Если значительная часть чешской прессы в 1863 г. встала на сторону польских повстанцев, солидаризировавшись с их аргументацией и целями, то Палацкий, опираясь на факты, учитывая общий исторический контекст и демонстрируя системный подход к анализируемым событиям,¹ занял более трезвую и взвешенную позицию в этом вопросе. Критическое отношение Палацкого к целям и методам польского восстания, а также к польской шляхте было поддержано рядом чешских интеллектуалов. Бурная полемика в чешской прессе вокруг польского восстания 1863 г. способствовала как лучшему пониманию сути польско-русского конфликта чехами, так и окончательной кристаллизации чешских политических сил во второй половине XIX века.

Откровенный и открытый характер дискуссий по польскому вопросу в чешской прессе в начале 1860-х гг. стал возможен после издания в Австрии 20 октября 1860 г. знаменитого «Октябрьского диплома», который в качестве имперского закона завершил эпоху «баховского абсолютизма» и полицейских преследований, существенно расширив права местных сеймов и исторические права отдельных земель. Это способствовало общей демократизации политического климата и заметному оживлению общественной жизни в Австрийской империи.²

¹ Morava J. Palacký. Čech, Rakušan, Evropan. Praha: Vyšehrad, 1998. S. 42.

² Vykouřil L. Slovník českých dějin. Brno: Julius Zirkus, 2000. S. 547.

Отношение широких кругов чешского общества к России и Польше изначально испытывало мощное влияние романтических идей славянской взаимности, сформулированных Яном Колларом, которые были популярны в Чехии в эпоху чешского национального возрождения. Россия вызывала симпатии чехов как единственное мощное и независимое к началу XIX века славянское государство, сумевшее освободить Европу от французского ига в ходе наполеоновских войн. Именно на поддержку России и русской общественности рассчитывали деятели чешского возрождения в своих научных и культурных начинаниях. Симпатии чешского общества к России и русским резко возросли после непосредственных контактов с русской армией, которая в 1799 и в 1813 гг. проходила через чешские земли. Огромную популярность и уважение в Чехии снискал А.В. Суворов, остановившийся в декабре 1799 – январе 1800 гг. в Праге и покоривший чехов своей искренностью, простотой и веселым нравом. Симпатии чехов к полякам вытекали как из очевидной этнокультурной близости, так и из общей исторической судьбы, лишившей оба западнославянских народа политической независимости. Если чешские земли полностью вошли в состав империи Габсбургов еще в начале XVI в., то польские земли оказались разделены между Австрией, Пруссией и Россией в конце XVIII века.

Начало преобразований императора Александра II было положительно воспринято чешским общественным мнением. Общее настроение чешского общества по отношению к России удачно выражала одна из самых популярных чешских газет, орган национальной партии «Народни листы» (Národní Listy), вплоть до начала беспорядков в русской Польше в начале 1860-х годов писавшая о России и императоре Александре II весьма благожелательно. Газета особенно подчеркивала важность отмены крепостного права в России. По словам газеты, отмена крепостничества «наполняет радостью всех славян» прежде всего по той важной для чехов причине, что «завистливые народы соседние», указывая на русское крепостное право, могли утверждать на этом основании о некой «врожденной предрасположенности славян к вечному рабству».³ Отмена крепостного права по инициативе русского императора, как подчёркивали чехи, выбивала почву из под ног подобных «антиславянских клеветников».

Беспорядки в Варшаве весной 1861 г., подавленные русскими войсками, вызвали критическую реакцию чешской прессы. Это, по мнению чешских газет, в известной степени портило репутацию Александра II как освободителя от крепостного рабства миллионов русских крестьян. Часть вины за происшедшее газета «Народни листы» возлагала и на самих поляков,

³ Národní Listy. 30.III.1861.

признавая, что они «провоцировали русскую администрацию и армию».⁴ Лучшим способом решения польского вопроса, по мнению чехов, было бы возвращение Царству Польскому собственной администрации, финансовой системы и армии, т.е. тех прав, которые были закреплены решениями Венского конгресса 1815 г.⁵ «Народни листы» наивно полагали, что подобное решение вопроса привело бы к взаимному успокоению. Вплоть до начала восстания чешские газеты пытались дистанцироваться от польско-русского конфликта, выступив в роли беспристрастного арбитра. «Мы, чехи, любим одинаково оба народа и усматриваем в них не только поляков и русских, но родственные племена славянские, на которых лежит проклятие славянства – братоубийство и разобщенность»,⁶ - эмоционально писали «Народни листы» 2 ноября 1862 г., одновременно выражая сочувствие «героическому народу польскому», на «кровоточащие раны которого», по словам газеты, чехи смотрят «глазами, полными слез».⁷ «Народни листы» считали нужным отделять русский народ, не имеющий ничего против поляков, от угнетателей польского народа в лице «отвратительной касты чиновников без славянского самосознания»,⁸ намекая на немецкое происхождение ряда высших русских чиновников в Царстве Польском.

Хотя восстание зрело давно, его начало в январе 1863 г. застало чешскую общественность врасплох. Первоначально чехи отказывались верить «информации о начале восстания и предрекали ему неудачу».⁹ Стремительное развитие событий, однако, быстро сделало польский вопрос одной из главных тем в чешской прессе. В эмоциональной статье об отношениях России и Польши, опубликованной 25 января 1863 г., «Народни листы» сбивчиво комментировали начавшееся восстание. С одной стороны, чешская газета осудила политику Николая I в польском вопросе как деспотичную, отметив и разочарование поляков Александром II, реформы которого, как указывали чехи, не могли удовлетворить польские ожидания.¹⁰ С другой стороны, признавая правомерность «озлобленности и отчаяния» поляков, «Народни листы» порицали восстание, так как полякам «не хватает сил» и «преимущество русских является слишком большим».¹¹ «Народни листы» проницательно предсказывали, что в восстании не примут участия польские крестьяне, которые «не столь сознательны как наши чешские крестьяне...».¹²

⁴ Národní Listy. 20.IV.1861.

⁵ Národní Listy. 19.VIII.1861.

⁶ Národní Listy. 2.XI.1862.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. Praha, 1935. S. 36.

¹⁰ Národní Listy. 25.I.1863.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

Если в начале редакция газеты «Народни листы» стремилась к сдержанности и объективности, то уже через несколько месяцев её содержание стало откровенно пропольским, а статьи о восстании приобрели более сочувственный по отношению к восставшим тон, выражая надежды на их успех.¹³ Подобный поворот, судя по всему, был связан с тем, что редакция газеты с начала восстания получала большой объем корреспонденции из Польши и Галиции, «часто тенденциозной и несоответствующей действительности. Речь шла в основном об успехах поляков. Все это, - полагал чешский историк В. Жачек, - свидетельствовало о прекрасной организации польской пропаганды за рубежом».¹⁴ Тщательно отлаженный механизм польского политического пиара повлиял на позицию ведущих чешских газет. Если поначалу редактор газеты «Народни листы» Э. Грегр воспринимал пропольские материалы из-за рубежа скептически, то позже под влиянием своего полонофильского окружения он изменил свои взгляды, заняв пропольскую позицию. Рубрику в газете «Народни листы», посвящённую Польше, редактировал ярый полонофил А. Котик, оказывавший решающее влияние и на всю редакцию. Единственным членом редакции газеты «Народни листы», занимавшим прорусскую позицию, был Ержабек.¹⁵

Одним из немногих чешских интеллектуалов, кто изначально осознавал истинную цену газетных реляций о блестящих победах польского оружия над русской армией, был Ф. Палацкий. В начале июня 1863 г. Палацкий писал, что вряд ли для кого-либо из вдумчивых наблюдателей является секретом, что большая часть разносимых по всей Европе известий о польских победах в реальности существует «только на бумаге» и объясняется исключительно дипломатическими соображениями.¹⁶ С переходом газеты «Народни листы» на откровенно пропольские позиции весной 1863 г. наметился острый конфликт между её редакцией и лидерами национальной партии Ф. Палацким и Ф. Ригером, которые воспринимали польское восстание как трагическое и достойное сожаления событие, выражая понимание действиями России. В марте 1863 г. Палацкий счел необходимым посетить редакцию газеты «Народни листы» и откровенно заявить о своём несогласии с редакционной политикой газеты в польском вопросе. Более того, Палацкий предупредил редакцию «Народних листов», что если подобная редакционная политика будет продолжена, он прекратит поддержку газете. В начале мая 1863 г. Палацкий вновь посетил редакцию

¹³ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 39.

¹⁴ *Ibidem.* S. 40.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Palacký F.* Úvahy a projevy. Praha: Melantrich, 1977. S. 294.

газеты и заявил редактору Греггу, что он крайне недоволен их публикациями и поэтому планирует начать издание новой газеты.

Раскол в чешском обществе в польском вопросе заметили и в России. «Московские ведомости», характеризуя отношение чехов к польскому восстанию, констатировали в апреле 1863 г., что «чешское общество в высшей степени заинтересовано теперь польскими событиями. Тут насчитываются всевозможные партии – есть партия московская, есть партия польская, есть партия Герцено-Бакунинская, партия Лангевича, партия Мерославского... Одни, видя спасение для Чехии единственно в ее союзе с соседним народом польским, требуют окончательного истребления и изгнания из Чехии так называемого руссоманства, и разрыва сношений Чехии с Россией... Другие, напротив, считают необходимым идти по прежней дороге, не увлекаясь заманчивыми идеями поляков...».¹⁷

С апреля 1863 г. пропольские настроения чешской прессы усилились. Чешские издания живописали успехи и героизм польских повстанцев; русская армия изображалась исключительно в мрачных красках; акцент делался на жестоком обращении русской армии с мирным населением и повстанцами. Карательные акции и террор, широко применявшиеся польскими повстанцами против не поддерживавшего их мирного населения, откровенно замалчивались. Повстанческая тактика партизанской войны поддерживалась чешскими газетами, которые полагали, что таким образом повстанцы приобретут боевой опыт. «Пусть военное счастье решит, кто достоин победы! – провозглашали «Народни листы» в феврале 1863 г. – Независимо от того, победят поляки или потерпят поражение, у нас, чехов, они всегда найдут самое теплое сочувствие».¹⁸ Если действия поляков в чешской прессе неизменно сопровождались столь хвалебными эпитетами как «храбрый», «жертвенный», «героический», то русская армия изображалась «не только как орудие русского деспотизма, но и как жестокая масса, в опьянении убивавшая раненых, жегшая дома, бесчестившая женщин...».¹⁹ Подобная тональность была предсказуемой, так как «основным источником для чешской прессы были польские и немецкие издания».²⁰

Большое внимание чешская пресса уделяла отношению к польскому восстанию со стороны европейских государств, критикуя их руководство за недостаточную поддержку восставших. Поведение европейской дипломатии в лице Франции, Англии и Австрии привело редакцию «Народних листов» к выводу о том, что «ни одна из трех держав не обладает ни волей, ни отвагой

¹⁷ Московские ведомости. 4 апреля 1863. № 71.

¹⁸ Národní Listy. 19.II.1863.

¹⁹ Začek V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 41.

²⁰ Ibidem. S. 40-41.

действительно встать на защиту истекающего кровью польского народа».²¹ Ожидание некой «отваги» от европейцев в польском вопросе свидетельствовало о дилетантской наивности чешских журналистов, не понимавших, что Европа была заинтересована в решении собственных внешнеполитических задач, используя поляков как инструмент. Дискутируя по поводу гипотетического восстановления польской государственности, чешская пресса поддерживала обсуждавшиеся в Европе планы возрождения Речи Посполитой в составе Царства Польского, Литвы, Подолии и Украины. По мнению чешских газет, от Галиции, входившей в состав Австрии, и Познаньщины, входившей в состав Пруссии, поляки откажутся, и планируемая реорганизация Европы принесет пользу всем европейским странам, кроме России. Чешская полонофильская пресса рассматривала подобный сценарий как оптимальный. Чешские полонофилов ничуть не смущало ни то, что Познаньщина была исконно польской землей и познанские поляки подвергались жесткой германизаторской политике со стороны Пруссии, ни то, что Литва и Украина не являлись этнически польскими землями и их коренное население не проявляло желания войти в состав возрожденной Польши. Данный сюжет вообще не интересовал чешскую прессу, поскольку он подрывал широко тиражируемый пропагандистский тезис о справедливости польских требований.

С мая 1863 г. ведущим пропольским изданием в Чехии стал еженедельник «Болеслав», издававшийся в г. Млада Болеслав к северо-востоку от Праги. Получавший финансовую поддержку от полонофильски настроенного князя Турн-Таксиса «Болеслав» занял радикальную пропольскую позицию.²² Распространяя полонофильские настроения среди чехов, «Болеслав» апеллировал к культурно-исторической близости чехов и поляков, подчеркивая, что «народ наш осознает братство чехов и поляков и наши народы постоянно помогали друг другу».²³ На страницах «Болеславана» поляки изображались как объект для подражания; Россия представлялась отсталой и реакционной страной-деспотом, не смевшей выступать в роли защитника славян. Если «Народни листы» избегали конфликтов с лидерами национальной партии Ф. Палацким и Ф. Ригером, занимавшими критическое отношение к польскому восстанию, то «Болеслав» вступил с ними по этому вопросу в жесткую полемику.

В статье, опубликованной 1 июня 1863 г., «Болеслав» обрушился с резкой критикой на Ф. Палацкого, приписав ему фразу о том, что «пропольские симпатии нам очень вредят в Петербурге» и что «спасение

²¹ Národní Listy. 11.IV.1863.

²² Žaček V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 49.

²³ Boleslavan. 12.06.1863.

славянства – в русском царе. В победу поляков я не верю; но если они победят, это станет нашим самым большим несчастьем».²⁴ Полемизируя с Палацким, «Болеславан» провозглашал, что спасти себя могут только сами народы, а не правительства и тем более не русский царь и что только свободная Польша сможет помочь чехам. «Болеславан» патетически утверждал, что «наиболее естественным» для чехов является союз именно с польским народом, поскольку чехов и поляков связывают некие таинственные «общие интересы».²⁵

В своем пространном ответе «Болеславану», опубликованном в «Народних листах» 8 июня 1863 г., Палацкий не без раздражения указал редакции младоболеславской газеты на то, что она распространяет о нём вымыслы и откровенную ложь. С горькой иронией Палацкий посетовал, что к постоянным и привычным для него атакам со стороны немецкой прессы, начавшимся ещё в 1848 г., присоединилась и чешская газета, провозглашающая при этом принципы «народности и свободомыслия».²⁶ Проанализировав восстание в широком общеевропейском контексте, Палацкий убедительно расставил все точки над «i», выразив отношение к польскому восстанию со стороны более трезвомыслящей части чешского общества, которую раздражала воинственная полонифилия ведущих чешских газет. Попеняв «Болеславану» за намеренное искажение его слов вплоть до откровенного вымысла, Палацкий отметил, что спасение славянства он всегда усматривал в самом славянстве, а отнюдь не в русском царе. Комментируя распространенную в чешской прессе критику российского императора, Палацкий, оговорившись, что он не собирается выступать апологетом царя и российского государственного устройства, являвшегося, по его выражению, неким причудливым «симбиозом монгольско-немецких начал», тем не менее, указал, что «государь, недавно вернувший человеческие права более двадцати миллионам крепостных, является не угнетателем, а, наоборот, освободителем своего народа».²⁷ Впрочем, Палацкий, сохранявший верность критическому подходу, счел необходимым заметить, что он ни в коем случае не собирается выступать в роли «адвоката российского правительства», шаги которого в текущей ситуации, по примечательному выражению чешского историка, «к сожалению, лишены столь необходимой системности и последовательности».²⁸

²⁴ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 51.

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ *Palacký F.* Úvahy a projevy. Praha: Melantrich, 1977. S. 293.

²⁷ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 52.

²⁸ *Palacký F.* Úvahy a projevy. Praha: Melantrich, 1977. S. 294.

Что касается собственно восстания, то, выразив сочувствие «ведущим неравным бой полякам», Палацкий, тем не менее, категорически заявил, что поляки не имеют никаких шансов на победу и что он считает восстание «огромным несчастьем для славян вообще и для поляков в особенности».²⁹ По словам чешского политика и историка, «только революционеры и враги славян, а также крайне недалёковидные и несамостоятельные в своих суждениях люди могут радоваться военным действиям в Польше».³⁰ Чешский мыслитель указал, что польское восстание выгодно прежде всего тем, кого страшит растущая мощь России и кто хотел бы поставить этому барьер в лице возрожденной Польши; при этом остальные славяне, по словам Палацкого, станут добычей немцев.³¹ Конкретизируя свою мысль, Палацкий подчеркивал, что не имеющая поддержки собственных крестьян польская шляхта может победить только с чужой помощью, главным образом с помощью немцев, которые впоследствии сделают Польшу полностью зависимой от немецкой политики. Вообще Палацкий не скрывал своего резко негативного отношения к польской шляхте, которая, по его мнению, в массовом масштабе утратила собственную «славянскость» и была не в состоянии принять те события мировой истории, причиной которых являлась она сама.³² Реагируя на популярные в чешской прессе панегирики польскому свободомыслию, Палацкий не без иронии напоминал своим оппонентам, что польская шляхта совершенно равнодушна к судьбе своих собственных «хлопов»; кроме того, она без всяких на то оснований присваивает себе право господства «даже над русским Киевом». Задав риторический вопрос о том, кто предпочтительнее для польских крестьян – собственные паны или русское правительство, Палацкий затронул табуизированный в чешской прессе сюжет о широко практикуемых повстанцами карательных акциях в отношении противников восстания, негативно отзывавшись о подобной практике.

В Чехии и в Европе подобное выступление Палацкого вызвало колоссальное возбуждение; чешские либеральные публицисты были озабочены тем, что озвученные Палацким мысли могут ухудшить имидж Чехии в глазах «просвещенной» Европы, полностью стоявшей на пропольских позициях. Главный редактор газеты «Народни листы» Грегр сожалел, что предоставил Палацкому возможность опубликовать статью в качестве ответа на нападки «Болеславана»; Грегра беспокоило то, что выступление Палацкого привело к росту античешских настроений среди

²⁹ Národní Listy, 8.VI.1863.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Palacký F. Úvahy a projevy. Praha: Melantrich, 1977. S. 54.

поляков в Вене и в Галиции и вызвало античешские публикации во французской прессе.

Реакция Палацкого на польское восстание вызвала интерес в России. Газета «Русский инвалид» полностью перепечатала данную статью Палацкого в одном из своих номеров под названием «Суждение г. Палацкого о польском вопросе»; при этом в перепечатанной статье был оставлен и нелестный отзыв Палацкого о русском царизме как о «симбиозе татарских и немецких начал». ³³ Если оценка Палацким польского восстания была в целом с пониманием воспринята в России, то реакция чешской и европейской прессы на его выступление была прямо противоположной. Во враждебной Палацкому прессе распускались слухи о том, что он получает крупные денежные суммы из России, за которые его зять Ригер приобрел крупное земельное имение и замок Малеч. ³⁴ Редактор «Народних листов» Грегр, опубликовавший статью Палацкого, был в этом споре на стороне его противников, сожалея по поводу ее публикации. ³⁵ Спор лидеров национальной партии Палацкого и Ригера с редакцией газеты «Народни листы», являвшейся печатным органом их партии, быстро перерос в открытый конфликт, результатом которого было основание Палацким новой газеты «Народ». Данный конфликт стал впоследствии одной из причин раскола национальной партии на старочехов и младочехов.

В поддержку Палацкого выступил его коллега по партии Ф. Ригер, опубликовавший 14 июня 1863 г. в газете «Народни листы» пространную статью в качестве ответа на публикацию русского слависта А.Ф. Гильфердинга, выступившего в газете «День» с критикой чешской прессы за развязанную ей антирусскую истерию. Говоря о сути польско-русского спора, Ригер подчеркивал, что это «борьба между братьями, доставляющая радость только недругам всего славянского рода. От этой борьбы кровью истекает всё славянское племя...». ³⁶ Касаясь деталей польской борьбы за восстановление независимости, Ригер обращал внимание на то, что поляки стремятся к возрождению «старой Польши», включавшей и земли Малой Руси, которая в языковом и историческом отношении является составной частью России. Ссылаясь на авторитет чешских учёных-славистов Добровского и Шафарика, Ригер указывал, что «язык малорусский есть русское наречие» и против этого очевидного факта «бессильны все изобретения польских дилетантов». По этой причине, резюмировал Ригер, «справедливый и компетентный чех не может признать право поляков на малорусские земли... Если бы Россия отдала малороссов полякам, то они

³³ Русский инвалид. 7(19) июня 1863. № 124.

³⁴ Morava J. Palacký. Čech, Rakušan, Evropan. Praha, 1998. S. 197.

³⁵ Začek V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Cechách. S. 53.

³⁶ Ibidem. S. 56.

подверглись бы ополячиванию и окатоличиванию. Но русский народ на это не пойдёт...».³⁷ Любопытным было и замечание Ригера о том, что в русско-польском споре русские выступают всегда с более умеренных и примирительных позиций, в то время как «поляки всегда отзываются о русских с ярко выраженной непримиримостью и враждебностью».³⁸

Палацкий сдержал своё слово о начале издания новой газеты. С декабря 1863 г. стала выходить новая газета «Народ», редакционную политику которой определяли Палацкий и Ригер. Именно здесь Палацкий опубликовал несколько программных статей по польскому вопросу, затронув ряд табуизированных в европейской прессе сюжетов, связанных с польским восстанием. Спустя год после начала восстания, 5 февраля 1864 г. «Народ» опубликовал статью Палацкого «Польский вопрос в наше время», содержащую наиболее важные мысли чешского историка по поводу польского восстания и польского национального движения в целом. Вначале Палацкий метко и иронично отозвался об общей атмосфере пропольской и антирусской истерии, охватившей в то время Европу и чешские земли. «Если кто-то не готов немедленно поддержать и похвалить «священные усилия» поляков, то его не минет гнев окружающих; самое малое, что его ждёт – обвинение в реакционности, любви к царю и в поддержке российской тирании...»,³⁹ - писал Палацкий, опираясь и на собственный опыт.

Переходя к базовым целям польского движения, Палацкий указывал, что если поляки действительно борются только «за свободу», то с ними согласятся все. Однако принципиально важный нюанс, по мнению чешского историка, заключается в том, что поляки стремятся не только к свободе, но и к восстановлению «старой Польши в границах 1772 года. Иными словами, речь идёт о господстве поляков в Литве, Подолии и на Украине».⁴⁰ Между тем, по глубокому убеждению Палацкого, данные области по праву принадлежат России, поскольку именно здесь находилась колыбель русской государственности, что чешский мыслитель легко доказывает, опираясь на очевидные исторические факты. По этой причине, констатирует Палацкий, усилия поляков сталкиваются с патриотическими чувствами русских, побуждая их к сопротивлению и борьбе за свои земли. «Царь является абсолютным монархом в своей империи, но у него нет такой власти, которая позволила бы ему добровольно уступить полякам колыбель своей империи, - отмечал Палацкий. – Если бы он хотел поступить таким образом, то неминуемо был бы проклят своим народом...».⁴¹ Ещё один серьёзный упрек

³⁷ Ibidem. S. 58.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Národ. 5.II.1864.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

польским повстанцам со стороны Палацкого касался методов повстанческой войны. Палацкий с возмущением отмечал массовость «коварных убийств, клеветы и самой откровенной лжи» со стороны повстанцев, что, по его словам, позорным пятном легло на их «патриотическую репутацию». Чешский историк признавался, что первоначально он не хотел верить в то, что «поляки, которых он всегда считал благородными людьми, способны прибегать к столь недостойному поведению». ⁴² По мнению Палацкого, полякам необходимы «внутреннее обновление, образование народа и истинная свобода для широких масс». ⁴³

Данная статья Палацкого, в особенности его критика польского повстанческого террора, вызвала шок и очередной приступ негодования в чешских либеральных кругах, озабоченных тем, что столь резкая критика поляков может «очернить доброе чешское имя» в глазах польского общества и «просвещенной Европы». Чешские либеральные журналисты даже взылись за подготовку конкретных шагов для «нейтрализации» выступления Палацкого. ⁴⁴ Впрочем, никаких существенных результатов это не принесло.

Бурная полемика в Чехии по поводу русско-польского противоборства вызвала гневную реакцию словацких печатных изданий. Издававшиеся в Будапеште «Пештбудинские ведомости», реагируя на публикации в чешской прессе, в июне 1863 г. обвиняли чехов в том, что те «смыкаются с немцами в брани и ругани в адрес русских, тщательно выискивая или выдумывая что-нибудь против России...». ⁴⁵ Характеризуя само восстание, газета отмечала, что «Польша... не борется за «нашу и вашу свободу», а ведет борьбу не против русского правительства, но против самого русского народа...». ⁴⁶

Споры вокруг польско-русского вопроса в чешском обществе не ограничилась прессой. С лета 1863 г. в Чехии появилось несколько брошюр, авторы которых, разделяя взгляды Палацкого, были возмущены или как минимум не согласны с освещением польского восстания в чешской прессе. Так, автор анонимной брошюры под названием «Чешские размышления о польском вопросе», изданной летом 1863 г., осуждая разделы Речи Посполитой, тем не менее, указывал на абсолютную нереальность польского требования о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г. поскольку в подобных границах поляки оказались бы в роли меньшинства, хотя и привилегированного. По мнению автора данной брошюры, наилучшим

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ *Začek V. Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách.* S. 122.

⁴⁵ *Pešťbudinské vědomosti.* 12.VI.1863.

⁴⁶ Ibidem.

способом для поляков сохранить свою народность является «политическая умеренность и связь с Россией».⁴⁷

Крайне нелицеприятно в адрес польских повстанцев высказался чешский публицист и филолог Й. Ранк, который в своей брошюре, критикуя чешских полонофилов, указал на проблемные сюжеты в польско-чешских отношениях и негативно отозвался о поведении повстанцев. Солидаризируясь с Палацким, Ранк осудил польское революционное правительство за санкционированный им террор и насилие, что, по его мнению, ставило польских повстанцев в один ряд с заурядными бандитами. По словам Ранка, вина за тяжелое положение в Царстве Польском лежит исключительно на самих поляках, «склонных к постоянным революциям и не дающих русскому правительству возможности осуществить реформы, от которых они только выиграли бы».⁴⁸ Обвинения Ранка подтверждались самими повстанцами – так, член повстанческого правительства до августа 1863 г. О. Авейде признавал, что главным источником финансирования восстания «были деньги, захваченные повстанцами из законных правительственных касс».⁴⁹

Самым радикальным в критике польских повстанцев оказался известный чешский литератор и публицист Ф.Й. Йезбера, опубликовавший брошюру «Русские, сербы, поляки и чехи с остальными славянами», призванную дать критический ответ полонофильской чешской журналистике. Ещё в январе 1863 г. в письме священнику русского посольства в Вене М.Ф. Раевскому Йезбера негодовал по поводу «чешских магометан и революционеров», которые, по его словам, «радуются теперешней революции польской, желая раздробления русского народа и разрушения русского государства».⁵⁰ В предисловии к своей брошюре Йезбера сожалел по поводу «странного и неразборчивого» отношения чешских журналистов к таким понятиям как «правда» и «право». Иллюстрируя свою мысль, чешский литератор язвительно замечал, что чешские газеты с энтузиазмом выдают за доблесть грабежи русских банков польскими революционерами и совершаемые ими убийства русских. В то же время справедливые наказания поляков, виновных в этих преступлениях, объявляются чешской прессой «самым отвратительным варварством».⁵¹

В ходе своего обширного исторического экскурса в сложную историю чешско-польских отношений Йезбера опровергает газету «Болеславан»,

⁴⁷ *Žaček V.* Ohlas polského povstání r. 1863 v Čechách. S. 66.

⁴⁸ См. *Ranek J.* Poláci a Rusové. Úvahy slovanské. Praha, 1863.

⁴⁹ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде. Москва, 1961. С. 529.

⁵⁰ *Cesty na východ. Češi v korespondenci M.F. Rajevského.* Praha: Masarykův ústav, 2006. S. 107.

⁵¹ *Jezbera F.J.* Rusové, Srbové, Poláci a Čechové s ostatními Slovany. S povyzněním nevzajemného a nepravého vzhledu některých listův českých na polsko-ruskou záležitost. V Praze, 1863. S. I.

подчеркивавшую «вековую дружбу» чехов и поляков. Указав на ряд проблемных фактов в истории чешско-польских отношений, Йезбера с удовольствием цитирует «Краледворскую рукопись», где поляки названы врагами чешской земли, и приводит в качестве примера захват поляками Праги и их последующее изгнание местным населением в 1004 году.⁵² В своем анализе сущности польско-русского спора в 1863 г. Йезбера солидаризируется с русским историком-славистом Гильфердингом, провозглашая, что речь здесь не идет об освобождении польской народности от угнетения и о восстановлении польской независимости. По словам чешского публициста, в действительности речь идёт «о раздроблении русского народа» и восстановлении «в западной части русских земель ига польского меньшинства над русским народом и о разрушении Российской империи».⁵³ По сути, Йезбера оказался одним из немногих чешских интеллектуалов, кто в полной мере осознал глубинные цели польской восточной политики, столь ярко проявившие позже в идеологии и практике «прометеизма».

Развивая мысль, высказанную ранее Палацким и Ригером, Йезбера подчеркивал, что польские повстанцы претендуют не только на польские этнические земли, но и на обширные русские области, где, по его словам, «русский народ был и остается ядром населения. Поляки ссылаются на некое историческое право... Напоминаю, - писал Йезбера, - что есть более святое право - право национальное. Польские повстанцы в своей гордости и спеси встали под ложное знамя...; их лозунг «за нашу и вашу свободу» является ложным. Они стремятся не к свободе и равноправию, а к господству».⁵⁴ В качестве иллюстрации Йезбера приводил статистические данные, свидетельствовавшие о том, что поляки составляли незначительное меньшинство в украинских и белорусско-литовских губерниях. Так, из 1.804.970 населения Киевской губернии поляки составляли лишь около 100.000; из 877.200 населения Гродненской губернии численность поляков не превышала 82.000 человек. «Проанализировав статистические данные, - резюмировал чешский публицист, - мы можем убедиться в том, что на землях, где поляки хотят восстановить свое господство, проживает 11.274.287 русских и лишь около 600.000 поляков. В землях, где звучит польский язык, каждый благородный славянин желает братскому польскому племени свободу, но требовать, чтобы незначительное польское меньшинство господствовало над русским большинством, карая и наказывая его, есть преступление...».⁵⁵

⁵² Ibidem. S. 33.

⁵³ Ibidem. S. 53.

⁵⁴ Ibidem. S. 62.

⁵⁵ Ibidem. S. 66.

В заключение Йезбера вновь предпринял экскурс в историю, напомнив «надменным и высокомерным полякам» время, когда они господствовали над всей Западной Русью, «истребляя злонамеренно и обрекая на муки православную веру и русскую народность. Все то, что их постигло, - эмоционально утверждал Йезбера, - есть не что иное, как наказание за их нехристианскую гордость и высокомерие».⁵⁶ Брошюра Йезберы подлила изрядную порцию масла в огонь чешских дискуссий вокруг польского вопроса. Пражские «Народни листы», разумеется, не могли остаться равнодушными к подобным аргументам и ответили Йезбере пространственным ироничным фельетоном, приклеив ему ярлык «чешского Муравьева».

Дальнейшие события показали, что взгляды Палацкого и его сторонников на польский вопрос и русско-польские отношения в целом оказались куда более адекватными и реалистичными, чем взгляды их романтических оппонентов из числа пламенных чешских полонофилов. Уже в 1867 г. после печального для чехов австро-венгерского «аусгляйха» и трансформации Дунайской монархии в Австро-Венгрию, в результате чего положение чешских земель серьёзно ухудшилось, чешские политики в своем противостоянии с Веней попытались опереться на Россию. Именно с этим было связано знаменитое чешское «паломничество» в Петербург и Москву в 1867 г. для официального участия в проводившейся здесь Этнографической выставке с ярко выраженной славянской окраской. Чешская делегация во главе с Палацким и Ригером оказалась самой многочисленной среди прочих депутаций из славянских земель. Поездка, в ходе которой чешские гости удостоились аудиенции непосредственно у императора Александра II, прошедшей в сердечной и доброжелательной атмосфере, впечатлившей чехов, имела успех и вызвала новый прилив русофильских настроений в чешском обществе. Хотя всех надежд чешских политиков данная поездка не оправдала и вряд ли могла оправдать, Палацкий впоследствии оценивал её весьма позитивно, подчёркивая, что в её ходе он имел возможность пропагандировать свою программу федерализации Австрии. При этом Палацкий иронично замечал, что в немецкой и венгерской прессе поездку чехов в Россию клеймили как «предательство западной цивилизации и принципов свободы и гуманизма».⁵⁷

Критическое наследие Палацкого и Ригера в польском вопросе оказалось востребованным в межвоенный период, когда возникшие в 1918 г. независимые Польша и Чехословакия стали геополитическими

⁵⁶ Ibidem. S. 73.

⁵⁷ Palacký F. Úvahy a projevy. Praha: Melantrich, 1977. S. 52.

противниками, отношения между которыми стремительно ухудшались. Вопреки неоднократным попыткам Праги нормализовать отношения с Варшавой, которые стали особенно настойчивыми после прихода в 1933 г. к власти в Германии нацистов, официальная Варшава предпочла сделать демонстративную ставку на нацистский Берлин. В январе 1934 г. Германия и Польша подписали декларацию о неприменении силы, которую историки трактуют как скрытый военный союз, направленный не только против СССР, но и против Чехословакии.⁵⁸ В сентябре 1938 г. после решений Мюнхенской конференции Польша приняла активное участие в расчленении Чехословакии, фактически выступив в роли союзника гитлеровской Германии.

Анализируя корни польско-чехословацких противоречий, столь ярко проявившихся в межвоенный период, чешские политики и публицисты указывали на антидемократизм, сословное высокомерие, заносчивость и русофобию польской шляхты. «Чехословацко-польские отношения всегда будут деликатной проблемой, имеющей и явный психологический аспект. С одной стороны, эти отношения связаны с общим развитием двух народов и с более демократической политической и социальной структурой у чехословаков в сравнении с поляками; с другой стороны, имеют значение традиции и воспоминания о предвоенном времени – склонность поляков к австрийцам и мадьярам... и склонность чехов и словаков к России, – говорилось в сборнике, изданном в Праге в 1934 г. и посвящённом проблемам отношений Польши и Чехословакии. – Австрийские поляки долго служили опорой империи против России. У нас уже никто не упрекает Пилсудского в том, что он воевал в германской армии; поляки же до сих пор не могут забыть нам, что вплоть до революции мы уважали целостность царской России».⁵⁹

Ещё более резко о причинах трений с Польшей высказался в своих послевоенных мемуарах Э. Бенеш. По его мнению, «Пилсудский отдавал себе отчёт в том, что политика соглашения с демократической Чехословакией является несовместимой с недемократическими и антисоциальными тенденциями его полуфашистского режима, поддерживаемого польской аристократией и реакцией».⁶⁰ Подобная эволюция чешско-польских отношений и подобные оценки были, по сути, изначально предсказаны в критических размышлениях Палацкого и его единомышленников по польскому вопросу.

⁵⁸ См. *Морозов С.В.* «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина. Службы внешней разведки Российской Федерации, II Отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933-1939). Москва: Международные отношения, 2017.

⁵⁹ *Polsko a Československo. Kde hledatí příčiny rozporů polsko-československého?* Praha: Orbis, 1934. S. 9-10.

⁶⁰ *Beneš E. Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství.* Praha: Orbis, 1947. S. 11.

**ЯНВАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА
В «ИСТОРИИ ГЛУПОСТИ В ПОЛЬШЕ»
АЛЕКСАНДРА БОХЕНЬСКОГО**

В истории польской общественно-политической мысли Александр Адольф Бохеньский (1904–2001) пользуется «проблемной» репутацией. С одной стороны, он происходил из состоятельной шляхетской семьи, имевшей «богатые патриотические традиции»¹. Действительно, начиная от прадеда до отца все его предки по отцовской линии принимали участие в вооруженной борьбе против России со времен наполеоновских войн. Вместе со своим младшим братом, известным в межвоенной Польше публицистом Адольфом Бохеньским, он не без оговорок поддерживал режим санации, выступал за агрессивную антисоветскую политику, направленную на расчленение СССР. В сентябре 1939 г. Александр Бохеньский воевал в составе 22-го полка карпатских уланов, но после разгрома соединения, вернувшись в свое имение в Поникве, был арестован советскими властями.

В декабре 1939 г. его выпустили из тюрьмы в Бродах благодаря заступничеству писателя и бывшего члена Компартии Западной Украины Степана Олексюка, за которого когда-то поручились братья Бохеньские, что позволило писателю-коммунисту выйти на свободу из польской тюрьмы². А. Бохеньский не рискнул оставаться в Советском Союзе и перебрался в Краков, где присоединился к деятельности конспиративной Конфедерации народов. Однако больше всего он сотрудничал с Главным опекунским советом – благотворительной организацией, действовавшей с согласия немецких оккупационных властей. В частности, от ее имени он принимал участие в переговорах в августе-сентябре 1944 г. с немецким командованием на предмет предоставления коридора для выхода гражданского населения из охваченной восстанием Варшавы.

После освобождения Польши в апреле 1945 г.А. Бохеньский стал организатором встречи в Кракове ряда общественно-политических деятелей с высокопоставленным функционером Польской рабочей партии Ежи Борейшей (Гольдбергом) с целью создания лояльной католической оппозиции. При его прямом участии и инициативе произошло создание общественного объединения РАХ во главе с Болеславом Пясецким, который до войны был лидером Национально-радикального движения Фаланга (ONR-

¹ Aleksander Bocheński // Wikipedia. // https://pl.wikipedia.org/wiki/Aleksander_Boche%C5%84ski.

² Orzełek A. Spodszubienicy NKWD dorozmów z Borejszą. Aleksander Bocheński w latach II wojny światowej // Templum Novum. // <https://templumnovum.pl/historia/ariel-orzelek-spod-szubienicy-nkwd-do-rozmow-z-borejsza-aleksander-bochenski-w-latach-ii-wojny-swiatowej/>

Falanga). Сам Александр Бохеньский в знак признания его заслуг перед новыми властями не только получил в 1945 г. место руководителя национализированных пивоварен «Окочим», но стал депутатом Учредительного сейма в 1947–1952 гг. В последующем Бохеньский входил в состав главного управления объединения ПАХ, был членом ряда творческих объединений, занимался издательской деятельностью. Уже в преклонных годах он поддержал введение В. Ярузельским в 1981 г. режима военного положения в Польской Народной Республике и вступил в состав проправительственного Патриотического движения национального возрождения (PRON), занимая в нем некоторое время руководящие посты. Такая идейная эволюция от сторонника санации и противника СССР до идеолога сотрудничества с властями Польской Народной Республики и приверженца польско-советского политического союза не могла не вызвать обвинений в предательстве и коллаборационизме. Однако позиция Бохеньского была сложнее, что признавали и идейные противники, в том числе лично его знавший публицист и писатель Юзеф Мацкевич. Бохеньский не заслуживал бы внимания, если бы оказался банальным дельцом от политики и корыстным приспособленцем. В частности, Ю. Мацкевич считал Бохеньского «теоретиком примиренческой политики по отношению к захватчику», но «не в отношении каждого захватчика»³. Бохеньский убеждал своих сторонников и слушателей в том, что во имя национальных интересов в условиях 1945 г. Польша должна пойти на компромисс с восточным соседом, в котором следовало видеть не Советский Союз, а по-прежнему Россию. По словам Ю. Мацкевича, Бохеньский утверждал, что «коммунизм – ... это только внешний инструмент, несуществующая форма. Сущность осталась та же: Россия! Нужно именно наладить контакт с ее государственными, а не международными интересами и найти компромиссный «modus vivendi»⁴. Находясь в розыске, на свой страх и риск Бохеньский пошел на встречу с партийным функционером Борейшой в краковскую гостиницу «Под розой», где предложил последнему «план соглашения между крайне правыми, непримиримой «контрреволюцией», католическим лагерем и новым коммунистическим режимом»⁵. Согласно Мацкевичу «план Бохеньского был самым классическим планом соглашения между национализмом и коммунизмом». Впоследствии Бохеньский, ознакомившись в 1959 г. с версией Мацкевича, отказал ей в фактической достоверности, признавая

³ Мацкевич Ю. Победа провокации. Лондон, 1983. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Там же. С. 144.

лишь факт разговоров с Борейшей и свою убежденность в необходимости достижения соглашения с СССР в новых послевоенных условиях⁶.

Однако Бохеньский не просто стал организатором соглашения с властями, но претендовал на роль идеолога определенной политики, свидетельством чего стало появление в 1947 г. книги «История глупости в Польше». Эта публицистическая работа обратила на себя внимание образованного общества. В последующем Бохеньский выпустил еще ряд книг: «Любовь и ненависть Ларошфуко», «Путешествия по истории польской промышленности», «Слово о психике польского народа», «Дигрессии о высшей и низшей культуре», «Размышления о польской политике» и т.д. Вместе с тем именно «История глупости в Польше» стала главной книгой в его творчестве, поскольку в последующих работах он неоднократно возвращался к высказанным в ней идеям. По словам А. Бохеньского, «История глупости в Польше» писалась во время немецкой оккупации как итог его размышлений над польской историографией, в которой как в зеркале отразились опыт польской политики и популярные в образованных кругах общества взгляды на польскую историю. Одной из центральных тем книги стала трагедия польского восстания 1863 г., остро воспринимавшаяся автором как прообраз кровавого Варшавского восстания, свидетелем катастрофы которого Бохеньский оказался в 1944 г. В этой книге Бохеньский стал продолжателем критической линии в польской общественно-политической мысли и исторической науке в отношении польского восстания 1863 года. В реакции на это событие как на лакмусовой бумаге проявляются ведущие до сих пор в польском обществе бескомпромиссные дискуссии о целях, идеалах и методах политической жизни.

Январское восстание 1863 г. Александр Бохеньский считал поворотным моментом в истории польско-русских отношений. По его словам, «изменения произошли исключительно в направлении политики царей и, что еще важнее, отношения психики русского народа к польскому вопросу»⁷. В течение ста лет «от вступления на трон Станислава Августа до Январского восстания, русское правительство предприняло ряд попыток, правда, неуклюжих, совместного сосуществования с зависимой, потом завоеванной Польши»⁸. Начиная с вассальной зависимости Станислава Понятовского от Екатерины II, династической унии Александра I, Органического статута Николая I до широкой автономии при Александре II все правители империи «шли по линии династической абсорбции, не государственной, и уж тем

⁶ Zakrzewski M. Z dziejów realizmu politycznego Aleksander Bocheński i jego Memoriał o polityce polskiej z kwietnia 1945 r. // Politeja. 2018. Vol. 15. №. 4(55). S. 25.

⁷ Bocheński A. Dzieje głupoty w Polsce. Pamflety dziejopisarskie. Warszawa, 1996. S. 18.

⁸ Ibidem.

более национальной»⁹. Эта политика несколько раз прерывалась, причем, как правило, по вине польской стороны. В каждом случае причины различались, но они всегда сопровождалась «трудолюбиво культивируемой и раздуваемой до максимальных пределов иррациональной ненавистью к Москве»¹⁰. После восстания 1863 г. российские правители больше не искали путей совместного существования и договоренностей с поляками, в том числе во многом из-за «нашей заграничной пропаганды», которая «претенциозно и неоднократно лживо представляла пресловутые русские жестокости в Польше и тем самым внушала отвращение к России во всем культурном мире».

В свою очередь именно после «кровавой бани» 1863 г. в польском обществе в течение 60–70-х гг. XIX в. начинается постепенное избавление от веры в то, что они «являются коллективным Христом, что мученичество является целью польской политики, что восстания не были и не являются безумием, что Польша не пала вследствие собственных ошибок»¹¹. Бохеньский решительно выступал против поддерживаемого санационными властями убеждения о том, что восстание 1863 г. проложило дорогу к восстановлению польской независимости в 1918 году. Напротив, он подчеркивал отсутствие преемственности между повстанческой традицией и обретением суверенитета в 1918 г. – вековой мечты всех польских патриотов. По его словам, «только после 1863 года польская политика, сперва в Галиции, потом в Королевстве, встала на путь польских национальных интересов и с этого момента народные силы, вместо упадка вследствие безумных эксцессов, непрерывно возрастали до 1914 и 1918 гг., и позволили восстановить государство»¹². Однако в межвоенной Польше сторонниками санации сознательно культивировалась повстанческая мифология как основная причина восстановления независимости.

Безоглядная апология восстания 1863 г. основывалась на политической традиции, складывавшейся со времен Четырехлетнего Сейма до 1863 года. Этой традиции были присущи следующие черты: неспособность к предвидению последствий своих устремлений и неприязнь к поэтапной деятельности; крайняя наивность и отсутствие понимания реакции отдельных держав; игнорирование соотношения сил своих и противника; характерная вера в «верность» Франции и происходящее отсюда пренебрежение к подготовке собственных сил; фатальный выбор момента для столкновения. Наконец, восхваление героизма своего лагеря в прошлом при полном отрицании каких-либо, даже наиболее очевидных, последствий от

⁹ Bocheński A. Dzieje głupoty w Polsce. Pamflety dziejopisarskie. Warszawa, 1996. S. 19.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem. S. 91.

постоянного повтора тех же самых ошибок¹³. Больше всего Александра Бохеньского возмущала практика политических идеологов и организаторов восстаний по прикрытию своих политических просчетов героическими жертвами рядовых участников событий, сознательно превращая их убийственное самопожертвование в оправдание своей политики в глазах народа. Очевидно, что здесь на позицию Бохеньского сильно повлияла не столько история восстания 1863 г., сколько недавнее Варшавское восстание.

По мнению А. Бохеньского, в польском обществе накануне разделов Речи Посполитой как реакция на его кризисное состояние сложились две противоречащие политические традиции. Первая политическая система называлась им системой «рациональной политики», которая стремилась ценой ограниченной «суверенности сохранить целостность границ, развить посредством просвещения национальное самосознание и чувство единства, и одновременно умножить материальные силы народа». Напротив, «повстанческая» система заключалась в том, чтобы «не обращая внимания на соотношение собственных сил к чужим, не взирая на текущую ситуацию и реалистичность обещанной помощи мнимых союзников – сражаться с оружием в руках до возвращения полной независимости»¹⁴.

В течение всего XIX в. в польской истории действовали эти конфликтующие друг с другом политические системы. В частности, рациональная система на пути широкой автономии Польского королевства, полученной благодаря соглашению с Россией, дала возможность развитию промышленности и образования и «тем самым массовому осознанию трудящихся классов и ощущению национального единства». Это развитие в первый раз было оборвано «эмоциональным и плохо продуманным восстанием 1830 г.». Во второй раз восстанавливаемая Велёпольским «рациональная» политическая традиция была уничтожена «бесцельным и бессмысленным порывом 1863 года»¹⁵. Напротив, компромисс с Австрией, достигнутый польским аристократом графом А. Голуховским – министром внутренних дел империи и наместником Галиции, польской консервативной партией «Станьчиков», позволил «широко развивать просвещение и культуру, а также чувство единства». Все это позволило заложить основы восстановления польской независимости в 1918 г. Намекая на политическую программу и деятельность польских национал-демократов под идейным руководством Р. Дмовского, Бохеньский писал о том, что рациональный курс в польской политике позволил устранить угрозу новых польских восстаний,

¹³Ibidem. S. 174.

¹⁴Bocheński A. Rozmyślania o polityce polskiej. Warszawa, 1988. S. 9.

¹⁵Ibidem.

а значит устранял почву для союза между державами-участниками разделов Речи Посполитой в конце XVIII в.

В современной Польше Александр Бохеньский не входит в число массово востребованных читающей публикой интеллектуалов, но при этом его наследие сохранилось на периферии истории польской политической мысли. По крайней мере, его книги по-прежнему издаются в Польше, в том числе «История глупости в Польше» переиздавалась, как минимум, дважды: в 1996 г. и 2020 г. Однако его критика «повстанческой» политической идеологии и Январского восстания 1863 г. по-прежнему сохраняет свою актуальность на фоне современной апологетики восстания польской исторической политикой, реанимирующей негативную мифологию образа России и разрушающую рациональное и непредвзятое мышление о политике.

ВУК КАРАДЖИЧ – КОРРЕСПОНДЕНТ О ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1830-1831 Г.

Первое польское восстание (1830-1831 гг.) вызвало значительный резонанс среди сербов. Князь Милош Обренович пытался следить за ситуацией в столкновении между поляками и русскими, и, поскольку он симпатизировал русским, опасался возможности успехов повстанцев. Одним из корреспондентов, а может быть, и главным среди них, был, как и предполагалось, Вук Стефанович Караджич¹. Новости, которые он посылал князю, были иногда правильными, иногда нет, но в любом случае он был лицом, «ответственным» за них. Известно, что князь Милош и Вук Караджич годами переписывались на разные темы и между ними было интенсивное сотрудничество.

Одним из менее известных пунктов этой переписки была информация Вука о Польском восстании. Интересно, что на момент переписки о восстании Вук Караджич находился в Белграде, а князь в Крагуеваце, так что оба они могли лишь анализировать услышанное от третьих лиц (тоже передатчиков информации, а не непосредственных участников). Поскольку Россия считалась защитницей Сербии, то князь, и все видные деятели Сербии были на стороне России в этом конфликте. Помимо князя Милоша, текущими событиями восстания интересовались и другие знаменитые современники: Василий Попович, Методие Лазаревич, Миле Перуничич, Еврем Обренович².

Ваше Княжеское Сиятельство,
Милосердный Господарь!³
(...)

О поляках говорят (по агентурным голосам из Вены), что они по-хорошему успокоятся, так как царь Николай очень милостиво им все прощает, и они тоже ничего другого не просят, как немного изменить конституцию (быть немного похожим на Венгрию).

(...)
В Биёграде⁴, 13 января 831 г.

¹Вукова преписка, књига 2. – Београд: Штампарија Краљевине Србије, 1908. – стр. 603-619. – Доступно на: <https://dokumen.tips/documents/ljubomir-stojanovic-vukova-prepiska-ii.html?page=1> (20.3.2023.)

²Срби и польска књижевност (1800-1870) – докторска дисертација / Ђорђе Живановић. – Београд: Филозофски факултет Универзитета у Београду, 1941. – Доступно на: <https://www.rastko.rs/rastko-pl/umetnost/knjizevnost/studije/djzivanovic-1800-1871.php> (20.3.2023.)

³Каждое письмо Вука Караджича, адресованное князю Милошу, начинается с одного и того же обращения, а заканчивается «целованием коленей и рук» князя с подписью «Ваш покорный слуга».

⁴Белград, по „екавице“.

Вук Караджич сообщает о прощении милосердного русского императора Николая I и мирной остановке поляков, что оказалось невозможным, учитывая явное стремление поляков восстановить границы своего государства до 1772 года и порвать связь с русским императором. Конституция будет изменена не «немного», а кардинально.

*

(...)

Я понял голоса из Земуна, что французы послали Эрцога Мортемара в Петербург, чтобы он предложил царю Николаю, чтобы русские с их армией не нападали на поляков, а дали им то, что они хотели, то есть: дать им конституцию, подобную Венгрии, и что конституция крепко держит прогресс. Говорят, что французы заявляют, что причина этого предложения в том, что поиски поляков справедливы; и угрожать войной, если русские не захотят его принять.

Толмач Атанацкович, недавно проехавший через Земун из Константинополя, уверяет нас, что, несмотря на все мятежи в Польше, русских в Константинополе уважают больше, чем любой другой европейский двор.

(...)

В Биёграде, 22 января 831 г.

Здесь Вук Караджич точно сообщает, что Франция открыто встала на сторону Королевства Польского. Однако, когда в начале 1831 г. произошло столкновение между поляками и русскими и поляки вынуждены были отступить к Варшаве, о реальной помощи французов (и европейцев) не могло быть и речи.

(...)

По этому поводу смею сообщить Вашему Княжескому Сиятельству (что Вы, может быть, уже поняли с другой стороны), что русские, по голосам венских агентов, вошли в Польшу, но опять же из-за сильного снегопада, который упал внезапно, вышли обратно. Говорят, что в русской армии двести тысяч, а в польской сто двадцать тысяч.

(...)

В Биёграде, 5 февраля 831 г.

Вук Караджич сообщает информацию, полученную от своих контактов в Вене. Примем во внимание, что начало 1831 г. принесло кровавые столкновения между поляками и русскими, в которых и тем, и другим пришлось отступить, поэтому здесь рано радоваться.

(...)

Г-дин Толмач Васильевич сообщил мне теперь, что, согласно полученному им сегодня письму из Вены, 14-го числа сего месяца по

римскому календарю русские вошли в Варшаву вместе с польской армией, которая им сдалась.

(...)

В Биёграде, 12 февраля 831 г.

Эта информация была неверной, из-за чего князь Милош начал подозревать Вука. По мнению доктора философии Джордже Живановича, Караджич мог намеренно передать такую информацию, чтобы успокоить князя, обеспокоенного этим конфликтом. Однако это желание имело неприятные последствия и обернулось против него.

Любезный Вуче!⁵

Вы сте пре неколико дана моме брату Ефрему писали, да е едань од полски Генерала с войскомъ своіомъ, немогавшисе противъ руса држати, у австрійску Галицію рећи, и ту у руке австрійанаца оружив положити морао. Ову смо вѣст сви мы за могућну држали, и веровали да е тако; но Кумашинъ Давидовић нехтеде съ нами пристати, говорећи да Полски Генерали добро знаду, да у страны предѣль съ оружаномъ силомъ несме безъ допуштена прелазити и т.д. – докъ юче предъ вече беобахтеръ⁶ не дође, те му све засведочи, што сте вы пре тога писали. Не само што је Кумашинъ о вашој новини сумња, но онъ ни Јокси не вѣруе, да су Руси већ у Варшаву ушли. Јокси, вели, не вѣруе за то, што му е тай гласъ из Ковина дошао, где никакви знаменити трговаца неима, коима бы Штафета за рание новине донела; а Вуку, вели, зато што е зимусъ нами писао, да су Руси заедно съ Поляцыма у Варшаву улетили, а другомъ приликомъ: да су Метерниха одъ министерства одалили, одъ кои не едно се ние осведочило. Све ове сумнѣ Кумашинове ништа незначе; вы сте међъ више нами посланы новина, едно и то знамениту новину погодили, за кою вам аферимъ! рећи вала, кое вам е и роѣакъ вашъ Амица казао. Са овомъ сте новиномъ себе президентомъ судеискимъ достоини учинили, само бы валяло, да ваше место проме(ни)те, ако као што чуемъ, у судници за фуруномъ седите, и у горнѣмъ челу за асталом предсѣдавате, као што единомъ отличномъ президенту пристои. Ветрова и Цуга се не треба вамъ се бояти, садъ е, фала Богу, лето.

Кумашинъ међу тым остае при томъ, да вашимъ бечкимъ Јоксинимъ ковынскимъ, и Тешкинымъ влашкимъ новинама нигда не веруе; но вы држите се, при свемъ томъ, вашегъ основанія и пишите што годъ одъ некога чуετε. Особито бы мы мило было, кадъ бы намъ одну пошту пре явити могли, да е Варшава у руке руске пала, негъ што то беобахтеръ обзнани.

⁵ Письмо князя Милоша в оригинале, на славяно-сербском языке. Так в Сербии говорилось до реформы Вука Караджича и видна связь с русским языком.

⁶ Beobachter (нем.): Наблюдатель (название газеты).

У Крагуевцу, 5. Маја 831.

Вам благонаклоний

Милош Обреновић

Князь Србскій

Интересен и ответ князя Милоша Вуку после доказанных ложных новостей. Хотя он делает ему за это выговор очень благим образом, тем не менее, дает ему понять, что узнал правду.

В то же время князь Милош ставит Вука Караджича в очень неловкое положение – известить о переходе Варшавы в руки русских, прежде чем газета *Беобахтер*. Ниже приведены письма оправдания Вука перед князем.

(...)

С величайшей радостью я имел счастье получить весьма уважаемое письмо Вашего Сиятельства от 5-го числа сего месяца. Признаюсь, повезло, что хотя бы одну новость, столь важную и благоприятную для всех нас, я сообщил раньше, чем другие. А так как моя старая новость себя не оправдала, пусть Г. Давидович простит; моя работа заключалась в том, чтобы сообщать о том, что другие переносят, как это часто делают многие журналисты, и если бы я подождал, пока это подтвердится и все услышат, то это уже не была бы новость. Новость о Меттернихе, хотя и не подтвержденная, разошлась по всей Европе, и, по всей вероятности, в ней должна была быть доля правды; если г. Давидович мне не верит, и тогда он должен спросить Петко, которому он не должен сказать, что это неправда.

Для меня было бы особенно честью, если бы я мог сообщить Вашему Сиятельству прежде чем *Беобахтер*, что русские вошли в Варшаву, и, ожидая этого, я опоздал с этим письмом; но по сей день еще ничего нет.

(...)

В Биёграде, 17 мая 831 г.

*

(...)

Вчера, до полудня, я имел счастье дать Стояну Симичу несколько страниц *Беобахтера*, чтобы немедленно отправить их Вашему Сиятельству через суруджию⁷, потому что в них написано, что русские победили поляков совсем. А так как эти бумаги привезла эстафетная команда (Шпирти) из Вены, Давидович должен получить эти голоса о победе России над поляками как мою новину, о чем будет свидетельствовать сегодняшний *Беобахтер*.

(...)

В Биёграде, 31 мая 831 г.

Вероятно, это Караджич узнал о битве под Остроленкой 14 мая 1831 года, в которой польская армия потерпела поражение и была вынуждена

⁷(турцизм): Почтальон-всадник.

отступить. Русской армией командовал генерал-фельдмаршал Иван Дибич-Забалканский, который умер от холеры всего через пятнадцать дней.

На этом переписка заканчивается, и в историографии известно, что 20 писем Караджича к князю Милошу были утеряны, а князя к Караджичу сохранилось только четыре. В более поздней переписке видна борьба Вука за пенсию, переписка с доверенным лицом князя, утеряна тема польского восстания...

Однако середина 1831 года была далека от русской победы и подавления восстания, на что надеялся князь Милош. Капитуляцию польская армия подписала лишь в ночь с 25 на 26 августа 1831 г., но войска вместе с членами польского правительства продолжали оказывать сопротивление русским. Окончательное подавление восстания последовало за сдачей русским двух последних крепостей (Модлин, 20 сентября) и Замостье (9 октября 1831 г.).

Конечно, примем во внимание, что политическая ситуация в Сербии не обошлась без попыток прозападных влияний и поворота на сторону Польши. Необходимо иметь в виду деятельность Павла Шафарика, который был открытым противником русской монархии и вокруг которого, как видного человека того времени, собирались сторонники, а также планы князя Адама Чарторыйского (польского эмигранта во Франции) повлиять на осведомленность сербов о России.

После неудачной отправки своего агента в Сербию в начале 1843 г. он составил план, согласно которому Сербия должна вести свою политику: «*Conseils sur la conduite á suivre par la Serbie*». На основе этого документа Илья Гарашанин, министр внутренних дел (1812-1874 гг.) написал «Начертание» – тайную программу внешней и национальной политики Сербии (1844 г.)⁸. Как сказано в послесловии к «Вуковой переписке»⁹, по мере развития науки интерес к переписке реформатора сербского языка будет возрастать, как и её значение. Хотя переписка Вука часто подвергается критике, она является свидетельством времени, способом общения между людьми и раскрывает многие тайны нашего прошлого.

⁸ Француска и Србија (1860-1868) – докторска дисертација / Урош Д. Татић. Београд : Филозофски факултет Универзитета у Београду, 2016. - стр. 176. – Доступно на: <https://phaidrabg.bg.ac.rs/open/o:15573> (21.3.2023.)

⁹ Вукова преписка. Књига 6. (Државно издање). – Београд, 1912.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 г. В СЛОВАЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ И ПРЕССЕ

Разделы Речи Посполитой и потеря поляками собственной государственности в конце XVIII в. негативно воспринимались словацким общественным мнением, которое в целом с пониманием и сочувствием относилось к стремлению польских патриотов возродить Польшу. Вместе с тем, отношение словаков к польскому национальному движению испытывало серьёзное влияние широко распространённых в словацком обществе русофильских настроений, которые резко усилились после победы России над наполеоновской Францией и освободительного похода русской армии в Европу в 1813 году. По словам словацкого историка Й. Йирасека, «общеизвестно, что русофильство красной нитью проходит через всю нашу историю».¹

Русско-польское противоборство и национальный антагонизм болезненно воспринимались в словацком обществе, которое во второй четверти XIX в. находилось под колоссальным влиянием идеи славянской взаимности. Теоретиком и пропагандистом этой идеи являлся ведущий словацкий будитель Ян Коллар, рассматривавший всех славян как один народ, состоявший из четырех основных племён – русских, поляков, чехословаков и иллиров. Уже польское восстание 1830 г. вызвало серьёзное размежевание среди словацкой общественности, более либеральная часть которой сочувствовала полякам, а более консервативная поддерживала Россию. В любом случае польское восстание 1830 г. и его подавление русской армией в известной степени «скомпрометировали идею славянской взаимности».²

Впрочем, крупнейший словацкий национальный деятель и мыслитель XIX в. Л. Штур в своей книге «Славянство и мир будущего», написанной в 1851 г. с учётом опыта европейских событий 1830 г. и революций 1848 – 1849 гг., весьма критически оценивал как польскую государственность и польское национальное движение в целом, так и восстание 1830 г. в частности. По словам Л. Штура, вся Польша «служила только дворянству, его прихотям и удовольствиям. Без страха перед верховной властью... оно обратило народ в самое постыдное рабство... Дворянство разучилось военному делу и легко было подкупаемо вследствие своей страсти к наслаждениям, а народ страдал в глубоком рабстве. Кто же виноват в несчастьи Польши? Сами поляки. Народ, так жалко заправлявший своим государством, решительно не может

¹ *Jirásek J. Slováci a Rusko // Průdy. Ročník VII. 1923. Číslo 7. S. 325.*

² *Dejiny Slovenska. D. Čaplovič, V. Čičaj, D. Kovač, L. Liptak, J. Lukačka. Bratislava: AEP, 2000. S. 185.*

иметь призвания на создание новых государственных форм или на руководство другими народами». ³ Комментируя стремление поляков возродить своё государство вооружённым путём, Штур обоснованно замечал, что «часто повторявшиеся после раздела Польши попытки её восстановления ни к чему не приводили... благодаря недостатку единодушия у поляков, и некоторые из этих попыток страдали уже слишком большою нелепостью. Поляки дерутся на всех европейских баррикадах, - с иронией писал Штур, - но это не приносит им ни пользы, ни чести. Не знают будто поляки, что от посторонних нельзя получить жизни и свободы... Со всеми почти вступали они в союзы, и только к своим ближним, к своим братьям, становились они спиною...».⁴

Польское восстание 1863 г. вспыхнуло во время резкой активизации словацкой общественно-политической жизни в Венгрии. Конец эпохи «баховского абсолютизма», издание императором Францем Иосифом Октябрьского диплома в 1860 г. и Февральского патента в 1861 г. означали существенные уступки Вены венгерскому национальному движению. В результате данных уступок был воссоздан сейм Венгрии, былой централизм, характерный для Дунайской монархии, был де-факто заменён дуализмом, в рамках которого венгерская аристократия получила контроль над Венгрией, что позволило ей приступить к политике последовательной мадьяризации невенгерских народов Венгерского королевства.

В условиях усиления политики мадьяризации и подготовки к выборам в сейм Венгрии активизировалось словацкое национальное движение. Ещё до издания Февральского патента известный словацкий национальный деятель Й.М. Гурбан направил в министерство внутренних дел Австрии меморандум со словацкими требованиями, которые предусматривали соблюдение языковых и образовательных прав словаков, а также признание государственно-правового статуса Словакии и её прав в рамках Дунайской империи. Данные требования получили своё развитие в брошюре Ш.М. Дакснера «Голос из Словакии», в которой отвергалась навязываемая венгерскими политиками теория «единого венгерского политического народа» и формулировалось требование признать словаков как особый политический народ.⁵

В марте 1861 г. в Будапеште стала издаваться словацкая политическая газета «Пештбуди́нске ведомости», вскоре ставшая одной из ведущих словацких газет. Данный печатный орган, главным редактором которого был

³ Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. Перевод неизданной немецкой рукописи с примечаниями Владимира Ламанского. Москва: В университетской типографии, 1867. С. 162.

⁴ Там же. С. 163-164.

⁵ Dejiny Slovenska. D. Čaplovič, V. Čičaj, D. Kovač, L. Liptak, J. Lukačka. Bratislava: AEP, 2000. S. 195.

известный словацкий общественный и политический деятель Я. Франциши, стал основным инструментом выражения взглядов словацкой политической элиты того времени.

Именно «Пештбудинске ведомости» уделили наибольшее внимание и русско-польским отношениям в целом, и восстанию 1863 г. в частности. Интерес к проблемам межславянских отношений подогревался и тем обстоятельством, что в 1863 г. в Словакии широко отмечалось тысячелетие прихода славянских просветителей Кирилла и Мефодия в Великоморавскую державу. В ходе этих торжеств состоялось и учредительное общее собрание Матицы Словацкой в г. Мартин 4 августа 1863 г., что положило начало существованию этой организации, сыгравшей огромную роль в развитии словацкой литературы, языка и культуры в целом.⁶

С началом польского восстания в январе 1863 г. симпатии европейского общественного мнения и прессы были полностью на стороне поляков, которые изображались исключительно в позитивном свете как борцы за свободу и независимость от «деспотической России». Подобный подход был характерен и для подавляющей части чешской прессы, хотя в целом отношение к польскому восстанию в чешском обществе было неоднозначным.

На данном фоне резко выделялись словацкие «Пештбудинске ведомости», занявшие по отношению к польскому восстанию весьма критическую позицию, которая базировалась на учёте общего исторического контекста русско-польских отношений. Многовековой русско-польский исторический спор в целом оценивался словацкой газетой как достойная всяческого сожаления братоубийственная вражда, много раз приводившая к пролитию славянской крови.⁷

Вместе с тем, по мнению газеты, русско-польский конфликт побуждает славянские народы к размышлениям о сути славянства, о взаимоотношениях славянских народов и культур, а также о том, кто прав в русско-польском споре. Отвечая на этот вопрос, редакция «Пештбудинских ведомостей», в отличие от западноевропейской и большинства чешской прессы, полностью встала на сторону России, обосновывая это аргументами, которые практически не появлялись на страницах европейских газет. Критическое отношение «Пештбудинских ведомостей» и к польской государственности, и к польскому восстанию прямо перекликалось с мыслями Л. Штура, который в своей работе «Славянство и мир будущего» подверг польское национальное движение острой критике.

Критические оценки польского восстания 1863 г. «Пештбудинскими ведомостям» были связаны с более широкой критикой социального и

⁶ Ibidem. S. 197.

⁷ Peštbudinské vedomosti. Ročník 1861. Číslo 9. S. 1.

общественного устройства Польши и польской шляхты как сословия. Наш взгляд состоит в том, что Польша в действительности не воюет за то, что начертано на её знамени: за нашу и вашу свободу, - писали «Пештбудинские ведомости» 12 июня 1863 г. – средневековая религиозная битва ведётся не против русского правительства, но против русского народа...». ⁸ Поясняя свою мысль, словацкая газета подчёркивала, что «та самая шляхта, которая сейчас провозглашает свободу, в других местах объявляла войну свободным славянским народам... или же стремилась укрыться под охраной чужеземцев, будучи чуждой своему собственному народу...». ⁹

Предметом особой критики и раздражения «Пештбудинских ведомостей» являлся пафосный лозунг восставших – «за нашу и вашу свободу», который газета считала ярким примером фальши и отъявленной демагогии. «Наше мнение состоит в том, указывали «Пештбудинские ведомости», - что восстание не является битвой «за нашу и вашу свободу», а борьбой польской шляхты за свои неограниченные права. Желание возродить национальное польское государство означает в настоящее время господство поляков над литовским и малорусским народом. Если поляки стремятся к свободе, то в первую очередь им следует отказаться от прав на литванов и малорусов, которые чужды полякам». ¹⁰ Именно таким образом газета комментировала стремление лидеров восстания 1863 г. к восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 г., что предполагало включение в состав Польши обширных территорий Белой и Малой Руси с доминировавшим здесь православным восточнославянским населением.

Столь критические мысли по поводу польской государственности и польского восстания вытекали из общего отношения редакции «Пештбудинских ведомостей» к Польше и России, которое имело много общего со взглядами русских славянофилов. «Мы считаем и поляков, и русских своими братьями, однако нам далеко не все равно, кто одержит победу, поскольку Россия сейчас является единственным представителем славянства. В этой роли поляки никогда не выступали и ничего в интересах славянства они не сделали..., - подчёркивала газета. – Если Польша хочет найти своё спасение в славянстве, то ей лучше принять новую русскую политику. Они же, напротив, стремятся всячески задержать прогресс России». ¹¹

Подобные мысли, однако, критически воспринимались более поздним поколением словацких либеральных интеллектуалов, считавших позицию «Пештбудинских ведомостей» в вопросе польского восстания чрезмерно

⁸ Peštbudinské vedomosti. Ročník 1863. Číslo 47. S. 1.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

консервативной и не вполне точной и соответствующей реалиям. Так, Й. Йирасек писал в 1923 г., что тезис о польском восстании 1863 г. как об исключительно шляхетской борьбе за свои привилегии «совершенно не соответствует действительности. Всё наоборот. Тот, кто анализирует зарубежную деятельность польской эмиграции в течение 15 лет до восстания 1863 г. видит, что их лозунгом было «всё для народа и для славянской свободы». Полное освобождение крестьян без какого-либо выкупа и ликвидация шляхетских привилегий были условием и побудительным мотивом польского восстания...».¹² Подчёркивая, что польская шляхта в ходе восстания 1863 г. была готова принести большие жертвы на благо своей родины, чем русские дворяне, Йирасек замечал, что «Пештбудинские ведомости» оказались «в плену идеологии Каткова».¹³ Впрочем, Йирасек предпочёл умолчать о том, насколько последовательно красивые лозунги об освобождении крестьян польская шляхта проводила в жизнь. Оценка польского восстания газетой «Пештбудинские ведомости» в целом была близка позиции известного русского историка-славянофила А.Ф. Гильфердинга, об отношении которого к польскому национальному движению словацкая газета подробно информировала своих читателей.¹⁴

Весьма эмоционально «Пештбудинские ведомости» отреагировали и на освещение польского восстания 1863 г. в чешской прессе, которая отдавала явное предпочтение польским повстанцам, критикуя Россию за насилия и за нежелание пойти навстречу полякам. Так, 12 июня 1863 г. «Пештбудинские ведомости» опубликовали пространное письмо одного из своих читателей, в котором эмоционально выражалось негодование по поводу антирусской истерии, охватившей значительную часть чешской прессы. «Борьба против петербургского двора зашла уже так далеко, что... на месте русского народа перед глазами публики на карте Европы возникает империя каких-то азиатских дикарей. Славные мужи и будители чешского народа Коллар, Ганка, Гавличек, Шафарик позабыты, - с сарказмом писала словацкая газета. – Журналы состязаются с немцами в ругани в адрес русских, тщательно выискивая, вынюхивая и придумывая что-нибудь во вред России. Даже православная вера, даже славянская церковная служба, даже кириллическая письменность не могут избежать их ехидных насмешек».¹⁵ При этом, выступая в защиту России, «Пештбудинские ведомости» подчёркивали, что «Россия никогда не выступала против других славян; наоборот, русский всегда был искренним братом остальным славянам. Нам известно, что у

¹² Jirásek J. Slováci a Rusko // Průdy. Ročník VII. 1923. Číslo 8. S. 397.

¹³ Ibidem. S. 398.

¹⁴ Peštbudinské vedomosti. Ročník 1863. Číslo 52.

¹⁵ Peštbudinské vedomosti. Ročník 1863. Číslo 47. S. 1.

русских нравы, речь, письменность сохранились лучше, чем на Западе, где они были нарушены западной культурой...».¹⁶

Полемиическая статья с критикой пропольской позиции чешской прессы была использована прорусски настроенной частью чешской общественности в её журналистской полемике с оппонентами. Так, известный чешский литератор и публицист Ф.Й. Йезбера в своей полемиической брошюре, изданной в 1863 г. и критикующей позицию ведущих чешских газет в польском вопросе, привёл обширный отрывок из публикации «Пештбудинских ведомостей». Отвечая на упрёк пражской газеты «Народни листы», критиковавшей словацкие газеты за то, что они пишут «полностью в интересах русского правительства», Йезбера указывал, что чешские газеты, в свою очередь, пишут «в интересах» подпольного польского правительства.

Традиции весьма критического отношения к польскому национальному движению, заложенные Штуром и «Пештбудинскими ведомостями», были продолжены и впоследствии, оказав влияние на восприятие польско-русских отношений словацкой общественностью. Так, обсуждая польский вопрос в 1877 г. словацкая газета «Народне новины» констатировала, что вопрос возрождения польской государственности имеет лишь «местное значение» и только «фантазия раздула его до вопроса мирового масштаба».¹⁷ Более того, в 1906 г. в разгар русской революции «Народне новины» выступили даже против предоставления полякам автономии в России, объясняя это тем, что «поляки сохранили в России свой язык, веру и культурные особенности... Россия не может дать автономии, так как эта автономия угрожала бы самой польской народности. Будущее польского народа связано с судьбой русского народа!».¹⁸

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Jirásek J. Slováci a Rusko // Průdy. Ročník VII. 1923. Číslo 8. S. 399.

¹⁸ Ibidem. S. 400.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙРАПЕТОВ ОЛЕГ РУДОЛЬФОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ГРОНСКИЙ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Москва), заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви (Минск)

ЗАГОРНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент, юридический факультет Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина

КАЗАК ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

КИСЕЛЁВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета

ЛАЗАРЕВИЧ ДАЯНА,

магистр филологии, Институт политических исследований (Белград, Сербия)

РОМАНЧУК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат богословия, протоиерей, председатель Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии

ПОЛУНОВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

доктор исторических наук, профессор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова

ХОТЕЕВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси

ШЕВЧЕНКО КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор исторических наук, заведующий Центром евразийских исследований, профессор Филиала РГСУ в Минске, заместитель председателя Синодальной исторической комиссии Белорусской Православной Церкви

Польское восстание 1863-1864 годов
в общественно-политической
и конфессиональной мысли
славянских народов.

Коллективная монография

Ответственный редактор:
Шевченко К.В.

Подписано в печать 07.006.2023. Формат 60x84 1/16
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. п. л. 22,45 Тираж 150 экз.

ООО "Аверс"
241050, г. Брянск, ул. Софьи Перовской, 83